

28

6

355-01-68
791

М. Н. ТУХАЧЕВСКИЙ

Читальный зал

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

АБОНЕМЕНТ

ТОМ
ВТОРОЙ

1928 — 1937 гг.

5
71567
сер

07

Жуковская
центральная городская
БИБЛИОТЕКА

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА · 1964

355:01
T91

ВОЙНА КАК ПРОБЛЕМА ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ¹

Эволюция форм войны. «Ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот»², — эти основные средства войны. Формы войны развиваются в полном соответствии с ростом производительных сил.

«Предпосылкой каждого нового усовершенствования в ведении войны должны быть также новые производительные силы» (Энгельс).

«Изобретение улучшенного оружия и изменение солдатского материала» позволяют творить новые формы войны. Это взаимодополняющее влияние развития техники и социальных факторов изменяло и изменяет как виды вооруженных сил, так и характер и природу войны, формы питания войны и т. д.

От периода «вооруженной общины», периода варварства, война переходит через эпоху феодализма с характерным для него огромным разнообразием войсковых формирований, через период наемных армий к эпохе буржуазной революции, когда «социальная и политическая эмансипация буржуазии и мелкого крестьянства» создала массовые армии, или так называемый «вооруженный народ».

Капитализм влечет за собой громадное развитие милитаризма. В эпоху империализма вооружения и войны становятся небывало грандиозными. Сухопутные силы соперничают в развитии с воздушным и морским флотом. Насыщенность техникой кладет начало механизации и моторизации армии. Массовое обучение военному делу трудящихся масс и их мобилизация во время войны создают предпосылки неизбежного падения буржуазного государства, когда штыки трудящихся повернутся против эксплуататоров «и милитаризм погибнет под действием собственного диалектического развития».

Современные нам войны отличаются значительным разнообразием. По их социально-политическим признакам мы видим

¹ БСЭ, 1928, изд. 1, т. 12, стр. 576—598.— *Ред.*

² Ф. Энгельс, Избранные военные произведения. М., 1956, стр. 11.— *Ред.*

войны гражданские, национально-освободительные, колониальные, империалистские и, наконец, войны империализма против первого социалистического государства. Эти войны зачастую переплетаются. Так, мы видели прямое участие германского империализма и Антанты в нашей гражданской войне. Такое же переплетение мы наблюдали в Китае, где война гражданская одновременно являлась и национально-освободительной войной.

Война, политика, экономика и стратегия. Ведение войны в современную эпоху перестало быть делом одного полководца-стратега и перешло в руки правительства. Являясь продолжением политики, война вместе с тем не означает отмены или замены ее. Результаты, достигаемые ходом военных операций, могут весьма сильно повлиять на масштаб и формы войны. *Оккупация* новой территории — расширение базиса войны — может создать новое соотношение сил и расширить первоначальные политические цели, и наоборот, потеря территории, потеря основных промышленных базисов, питающих войну, или поражение вооруженной силы, экономическое истощение, обострение классовых противоречий и прочее могут повлечь сужение первоначальных политических целей.

Политика направляет войну, и даже «мир есть продолжение той же политики, с *запасью* тех изменений в отношении между силами противников, которые созданы военными действиями»¹. Политика государства, ведущего войну, сказывается в целях войны, в борьбе классов, в экономике, внутренней и внешней политике, а для пролетарского государства она неизбежно «прорывает» вооруженный фронт и объединяет интернациональные классовые интересы пролетариата. Она объединяет все экономические и социальные ресурсы для согласованного достижения целей войны; она стремится обеспечить государство необходимым ему нейтралитетом или союзом тех или других стран. Она развивает и свою экономику с учетом предстоящих военных задач.

Создавая необходимые экономические, политические и социальные ресурсы и предпосылки войны, политика разрешает в последней инстанции вопросы организации вооруженных сил и подготовки театра военных действий, вопросы оперативного плана, осуществление которого, равно как и дальнейшее ведение операции, возлагается на *стратегию*, на командование вооруженными силами.

П л а н войны. План войны охватывает все элементы подготовки к ней, обеспечивающие достижение ее целей путем применения вооруженных сил, подкрепленных всеми благоприятствующими экономическими и политическими мероприятиями. В соответствии с целями и условиями войны план ее может быть оборонительным, завоевательным, частично завоевательным с дальнейшим переходом к обороне и оборонительным с дальнейшим

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 269. — *Ред.*

переходом к завоеванию. Во всех случаях, каков бы ни был действительный характер войны, она всеми буржуазными государствами провозглашается оборонительной.

Намечаемый план войны должен быть обеспечен в первую очередь соответствующими соглашениями международного порядка, создающими возможность направить против враждебного государства максимальные соединенные силы или, по крайней мере, гарантирующими возможно большую его изоляцию. В то же время эта подготовка должна наметить и обеспечить пути экономических сношений или прорыва блокады во время войны.

Вооруженные силы государства строятся в соответствии с уровнем развития производительных сил и должны, как минимум, отвечать тем целям, которые ставятся войной на ее первый период. В дальнейшем, в соответствии с мобилизацией промышленности и всего народного хозяйства, в связи с изменяющейся обстановкой, как численность, так и качество технического снабжения вооруженных сил должны претерпевать необходимые изменения. Этот факт мы наблюдали постоянно на всем протяжении империалистской войны.

Колоссальное количество военно-обученного населения, проходящего во время войны через армию, ставит во весь рост задачу *военизации* населения, т. е. подготовки к военному делу и тех контингентов, которых не удастся пропустить в мирное время через армию.

В связи с тем что глубина современных театров военных действий значительно возросла, в связи с развитием в глубоком тылу вредительской диверсионной деятельности, вызывающей целый ряд дополнительных военных нагрузок на страну (воздушно-химическая оборона, охрана важных объектов, колоссальная военно-санитарная служба и т. п.), — принцип милиционного строительства борется за свое применение не только в мирное, но и в военное время. Обслуживание всех этих задач силами армии явилось бы непомерной перегрузкой, и потому на помощь государству — и это в полной мере должен учесть и план войны — приходят военно-общественные организации, разного рода союзы и т. п.

План войны должен соразмерить строительство вооруженных сил с целями войны, а также с развитием промышленности, в частности военной промышленности, и с промышленной мобилизацией. Эта связь идет и дальше, она охватывает мобилизацию всего народного хозяйства. Соразмерение имеет и обратное действие: в настоящее время все страны развивают свое народное хозяйство с учетом потребностей войны.

План войны, который должен предусматривать по крайней мере первый ее период с максимальной конкретностью, не может, конечно, не отразиться и на экономической политике государства. Вопросы дислокации промышленности (особенно же энергетического хозяйства, химической промышленности и т. п.)

получают свое разрешение не только под давлением текущих экономических, но и будущих военных потребностей.

В плане войны должны быть оперативно учтены вопросы дислокации крупной промышленности, система электрификации как у себя, так и у противника, что, в связи с географическими и статистическими данными о театрах войны и с данными о развертывании армии противника, должно дать исходное положение для оперативных расчетов. В отношении обеспечения театров военных действий и операций первого периода войны планы войны предусматривают соответствующее развитие путей сообщения (железные дороги, шоссе и автотранспорт, реки, воздушные линии), расширение телеграфно-телефонной связи и радиосети, построение специальной сети аэродромов, организацию противовоздушной (воздушно-химической) обороны, требующей специальной сети наблюдения и связи, а также активных и пассивных воздушно-химических средств борьбы.

Инженерно-оборонительная, фортификационная подготовка театров войны проходит в новых условиях. На сухопутных театрах возводятся укрепленные районы взамен крепостей, сохранивших свое значение главным образом для морской войны.

Крупнейшим вопросом в плане войны является идеологическая подготовка страны к войне, выражающаяся в пропаганде идей, маскирующих в буржуазных государствах политико-экономические интересы господствующих классов. Эта подготовка не может не предусматривать целого ряда мероприятий экономического и политического порядка, позволяющих сглаживать обостряющиеся социальные противоречия. Подготовка плана войны выходит за пределы компетенции военного ведомства. К этому вопросу вплотную и непосредственно подошли правительства всех современных государств.

Политика государства, направляя войну и руководя ею в целом, должна очень осторожно подходить к влиянию на оперативный ход отдельных кампаний или операций. Опыт войны говорит о том, что правильное взаимоотношение политики с оперативной деятельностью вооруженных сил страны в процессе осуществления ими частных задач и целей войны является залогом победы в современной войне. И наоборот, излишняя опека над оперативной деятельностью этих вооруженных сил приводит зачастую к поражениям. Поэтому железная воля, выдержка, умение отказываться от второстепенных интересов во имя основных целей войны являются условиями, при которых развитие стратегических операций становится наиболее обеспеченным.

Стратегия коалиционной войны. Экономическая структура и мощь капиталистического государства непосредственно отражаются и на географических формах войны.

Так, капиталистические государства с широко развитой морской торговлей, стремясь расширить свои рынки, вели многочисленные *морские войны* за приобретение и удержание колоний и

обеспечение морских путей к ним. Континентальные капиталистические державы вели многочисленные сухопутные войны для расширения территорий и для выхода к морям.

Добившись выхода к морю, они в своем дальнейшем развитии стремились создать сильнейшие военно-морские флоты, претендуя и на морское могущество. Такой пример показал нам германский империализм до 1914 г. Такие же тенденции наблюдались и в царской России. На этот путь переходят и Северо-Американские Соединенные Штаты, которые усиленно готовятся к морской войне на Тихом океане.

Империалистические войны имеют тенденцию к вовлечению в войну всех капиталистических стран. Во время войны 1914—1918 гг. обе группы империалистов пережили длительный процесс нарастания враждебных коалиций. Нарастание происходило в пользу Антанты и к невыгоде Центрального союза.

В коалиционных войнах в разные периоды войны создается самое разное соотношение сил. В 1914—1918 гг. тройственный союз потерял Италию, зато франко-русский союз «приобрел» Англию. Таким образом, в борьбу вступили Германия и Австрия, с одной стороны, против Антанты — Франции, Англии, Бельгии, России и Сербии — с другой. Затем одновременно к Центральному союзу примыкают Турция и Болгария, к Антанте — Италия, Румыния и проч.; когда Россия прекратила свое участие в войне, в нее активно вступили Соединенные Штаты Северной Америки на стороне Антанты.

Своеобразный характер нарастания коалиции кладет особую печать на ведение войны, на стратегию империалистских войн, которая должна учитывать не только изменения, происходящие в составе союзных вооруженных сил, но и разнообразие экономики союзников и условий мобилизации народного хозяйства, особенно же промышленности.

Коалиции не всегда могут нарастать целесообразно с точки зрения соответствия необходимых для ведения войны и жизни глубокого тыла средств, как-то: людского материала, с одной стороны, ресурсов промышленности, промышленного сырья, топлива и продовольствия — с другой. Различный уровень хозяйственного развития стран кладет своеобразный отпечаток на характер нарастания материальных ресурсов войны. Быстрый рост военно-технических средств может сопровождаться одновременным ростом обученных людских масс и новых войсковых формирований, но может быть обратное положение, когда рост военно-технических средств будет сопровождаться истощением людских ресурсов и т. д.

Географическое положение отдельных членов коалиции, так же как и их взаимное расположение, может содействовать или противодействовать целесообразному объединению людских, промышленных и сырьевых ресурсов. Географические условия придают коалиции характер континентальный или же морской, т. е.,

когда основные военно-экономические коммуникации между членами коалиции и даже внутри каждого члена проходят по морским путям, коалиции могут быть и смешанного типа — и морского и континентального. Наконец, страны, входящие в коалицию, могут резко различаться между собой и степенью обострения классовых противоречий, что, конечно, оказывает громадное влияние на ход войны.

Силы коалиции различны на разных этапах войны. Их сопротивляемость может резко колебаться, и это как нельзя более вызывает возможность затяжки войны. Значение каждого отдельного члена коалиции в разные периоды войны неодинаково. Поражение кого-либо из них в начальный период войны может иметь решающее значение и, наоборот, может оказаться без больших последствий в каком-либо из последующих периодов и т. д. Какое-нибудь государство, входящее в состав коалиции, не может, например, быть побеждено в начале войны вооруженной силой, и, наоборот, оно может развалиться в последующие периоды от одной удачной кампании.

Нет смысла и нет возможности предусмотреть теоретически все возможные комбинации коалиций. Только в конкретно слагающейся политической обстановке возможно определить более или менее приближенно характер и состав возникающей коалиции. Для стратегии важно уяснить природу вопроса о союзниках, чтобы в соответствии с обстановкой планировать и свои оперативные мероприятия. Насколько это трудно, свидетельствуют вышеприведенные указания о нарастании коалиции в 1914—1918 гг.

Формы тактики и оперативного искусства. Разнообразие условий ведения войны и ее форм выражается, конечно, не только в политической обстановке, в соотношении сил внутри коалиции, но и в различных формах *тактики и оперативного искусства*, в связи с изменением качества и количества средств борьбы. На протяжении всей империалистской войны каждый год мы видим изменения этих форм. Непродолжительный маневренный период сменяется позиционным. Полуманевренные действия вновь возрождаются в 1918 г., даже на застывшем франко-германском фронте; тактика цепей пехоты превращается в глубокую, групповую; артиллерия переходит к методам точной стрельбы, без пристрелки; граната вытесняет шрапнель; тяжелые калибры резко превышают довоенные пропорции; химическая война вступает в полные права; авиация с каждым годом вносит изменения в обстановку; появляются новые наступательные средства — танки и т. д.

Следует обратить внимание на тот факт, что недостаточно обстоятельное изучение характера роста технических средств борьбы легко может привести к ошибочным тактическим и оперативным выводам. Так, например, весьма распространено мнение, что во время империалистской войны рост артиллерии обогнал

рост пехоты. Это как нельзя лучше иллюстрируется приведенной диаграммой 1.

Такие же выводы зачастую некоторые писатели приурочивают и к послевоенному периоду. Так, например, в связи с проектом реорганизации французской армии они обращают внимание на следующее:

1. Численность пехоты и кавалерии подверглась довольно сильному уменьшению — более чем на 40 процентов по сравнению с численностью этих родов войск до войны.

2. Численность артиллерии также подверглась уменьшению, но гораздо менее значительному, чем численность первых двух родов войск (всего на 26 процентов), т. е. относительно количество артиллерии не только не уменьшилось, но увеличилось, — «как это и необходимо в соответствии с ее нынешним значением на полях сражений».

На самом деле такие выводы не отвечают существу изменений, происшедших в структуре армии. Артиллерия во время империалистской войны выросла по числу орудий почти во всех воюющих странах в полтора — два раза, если не считать минометов. Важен именно этот признак — число орудий, а не число обслуживающего орудия персонала. При этом численном росте орудий в артиллерии произошли и качественные изменения, характеризующие, помимо новых методов точной стрельбы, например, такими данными: а) в русской армии с 1914 по 1917 г. количество легких орудий (до 76 мм) увеличилось от 7112 до 7265, т. е. почти не изменилось; количество тяжелых (свыше 76 мм) — от 797 до 2550, т. е. увеличилось более чем в три раза; б) соотношение гранат и шрапнелей (76 мм) с 1914 по 1918 г. в артиллерийских выстрелах перевернулось: вместо 30 процентов и 70 процентов — 70 процентов (гранат) и 30 процентов (шрапнелей); в) увеличилось количество химических и упало количество фугасных снарядов.

Все эти качественные изменения говорят о применении артиллерии к борьбе с оборонительными сооружениями, с закопавшимся в землю и оплетенным проволокой противником. Это положение еще более подчеркивается мощным развитием минометов и грана-

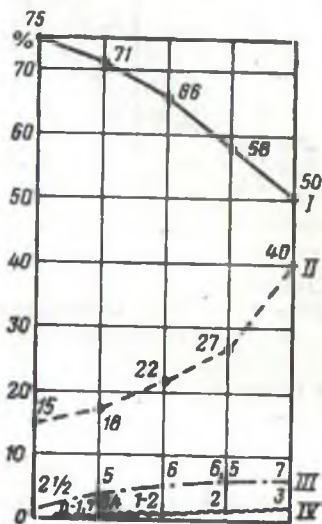
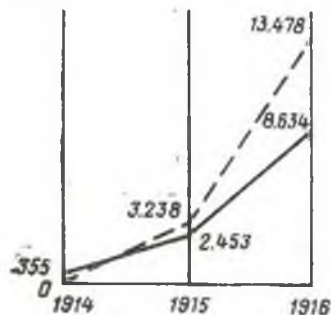

Диаграмма 1. Изменение соотношений численности основных родов войск на протяжении империалистической войны:

I — пехота и кавалерия; II — артиллерия; III — инженерные войска; IV — авиация.

тометов, обладающих весьма незначительной дальностью (см. диаграмму 2).

Однако даже рост числа минометов не создал, как это будет видно дальше, превосходства артиллерийского огня над пулеметным огнем пехоты. Превосходство достигалось лишь на отдельных участках фронтов за счет артиллерии резерва главного командования.

— Артиллерия
 - - - Минометы + гранатометы

Диаграмма 2. Поступление артиллерии, минометов и гранатометов в русскую армию.

желых и легких) увеличилось 24 раза; количество орудий — от 9300 до 20 000, т. е. только в два раза; таким образом, на одно орудие приходилось пулеметов: в 1914 г. — 0,5; в 1918 г. — 3,5; в) с 1914 по 1918 г. в составе французской пехотной дивизии количество тяжелых пулеметов увеличилось от 24 до 72, т. е. в три раза, но, кроме того, появился 441 ручной пулемет; таким образом, общее количество (513) пулеметного оружия в дивизии увеличилось в 21 раз; количество орудий — от 36 до 55. На одно орудие приходилось пулеметов и ручных пулеметов: в 1914 г. — 0,67, а в 1918 г. — 9,3.

Вышеприведенные данные говорят о том, что механизация пехоты далеко обошла рост артиллерии (см. диаграмму 3). Пехота оказалась родом войск, пережившим полную техническую и тактическую революцию и перешедшим на новые формы боя. Несмотря на относительное сокращение численности пехоты, ее боевая и огневая мощь значительно возросла.

Изменения в вооружении армий заставили во время войны боюющиеся стороны издавать каждый год новые инструкции и на-

Посмотрим, как изменялась структура пехоты, и сравним это развитие с ростом артиллерии: а) с 1914 по 1917 г. в русской армии количество пулеметов увеличилось с 4152 до 23 800, т. е. больше чем в пять раз, количество же орудий — от 7909 до 9815, т. е. на $\frac{1}{4}$. Таким образом, на одно орудие приходилось пулеметов: в 1914 г. — 0,5, в 1917 г. — 2,4; б) с 1914 по 1917 г. в германской армии количество пулеметов (тя-

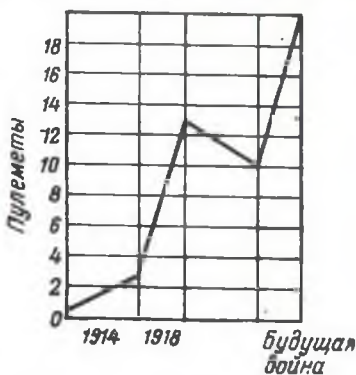

Диаграмма 3. Число пулеметов на одно орудие в 1914 г. и 1918 г. и в начале будущей войны (возможное).

ставления, переучивать по ним войска и т. д. В соответствии с этим изменялась и организация войск и организация их тыла.

Позиционный период войны наступил в 1914—1915 гг., главным образом в силу того, что артиллерийские средства (снаряды) у обеих сторон иссякли. Мобилизация промышленности запоздала. Тем временем средства обороны (пулеметы и патроны), более простые в производстве, быстро росли. Наступательные средства (артиллерия и снаряды, танки) на франко-германском фронте оказались в достаточном количестве, чтобы создать перевес сил, только в 1918 г.

Мобилизационная готовность военной промышленности капиталистических стран после войны намного двинулась вперед, но все же приходится считаться с длительностью мобилизации и полного развертывания военно-промышленных ресурсов. В силу условий промышленной мобилизации, с возможностью затяжной позиционной войны нельзя не считаться и в будущем. К позиционной войне толкает и громадный рост пулеметного вооружения, основного оружия обороны в современных армиях, как ни растут и наступательные средства, и, в первую очередь, танки.

Роль вооруженного насилия в войне. Война и революция. Длительность империалистской войны, преобладание в ней по времени позиционных форм, поражение страны, обладавшей лучшей армией и действовавшей наиболее решительно (Германия), окончание войны действием не столько военных, сколько социальных и других факторов — вызвали в послевоенной военно-теоретической литературе немало течений, характеризующихся неверием в возможность окончить войну вооруженным насилием. Конечно, война не является единственным средством политики и не исчерпывается только военными операциями. Действия вооруженных сил сопровождаются организованным и комбинированным давлением и ударами по всем фронтам борьбы (экономической, политической и проч.), но отрицание возможности добиться поставленной войной политической цели путем поражения армий противника является, по существу, одной из разновидностей отрицания насилия в эпоху обостренных противоречий империализма, родственной пацифизму.

С другой стороны, помимо возможности добиться военным насилием непосредственной цели войны, необходимо иметь в виду, что военное поражение буржуазного государства ускоряет революционное движение в нем, а следовательно, приближает и окончательное поражение.

Обострение классовых противоречий во время войны 1914—1918 гг. нарастало повсюду, вопреки усиленному культивированию шовинизма всеми правительствами при помощи широко поставленной пропаганды, несмотря на измену социалистических партий. Политическая работа буржуазии по разложению противника, агитация и пропаганда в нейтральных странах и вместе с тем борьба с такой же работой неприятеля в своей стране кипела

вовсю. Создавались специальные «министерства пропаганды». Несмотря на пропаганду буржуазных правительств, несмотря на «осадное положение», империалистская война была окончена благодаря революционному вмешательству рабочего класса.

Обострение социальных противоречий шло в тесной связи с экономическим истощением страны. Сокращение предметов широкого потребления, сокращение рабочих рук в тяжелой промышленности и сельском хозяйстве, обострение продовольственного кризиса прогрессивно ускоряли развязку. Война поглощала столько средств, что не оставалось ресурсов для нормальной жизни страны.

В России «кризис был ускорен рядом самых тяжелых поражений, которые были нанесены России и ее союзникам. Поражения расшатали весь старый правительственный механизм и весь старый порядок, озлобили против него *все* классы населения, ожесточили армию, истребили в громадных размерах ее старый командующий состав, заскорузло-дворянского и особенно гнилого чиновничьего характера, заменили его молодым, свежим...»¹.

Нельзя более красноречиво определить значение военного фактора в вопросе о способе окончания войны в век империализма. Ту же картину мы видим и в Германии в ноябре 1918 г. «Безнадежность военного положения и отсутствие всякой поддержки господствующих классов трудящимися массами обнаружены сразу. Этот кризис означает либо начало революции, либо, во всяком случае, то, что ее неизбежность и близость стали видны теперь массам воочию»².

Победа, достигнутая путем революционного взрыва в стране и армии побежденного, ставит, впрочем, тяжелую проблему перед одинаковым по классовой природе победителем: обезопасить себя от влияния революции. Однако эта задача не относится к побеждающему пролетарскому государству, которое утверждает с новым революционным братским правительством действительно прочный мир.

Особенности гражданской войны. Гражданская война 1918—1921 гг. в Советской России (точно так же, как и гражданская война в Китае — начальный период Северной экспедиции 1926—1927 гг.), отличавшаяся крайней решительностью действий, подвижностью армий и фронтов и захватом громадных территорий в самые короткие промежутки времени, выявила громадное значение военного и политического фактора в совершенно других формах, нежели во время войны 1914—1918 гг.

Создание красных и белых армий происходило главным образом непосредственно на фронтах. Тыловые формирования давали сравнительно малые результаты. Колоссальная энергия, проявленная Российской коммунистической партией и рабочим классом в процессе организации фронтов, *политическая работа* в армии, аги-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 15.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 97.

тация и пропаганда обеспечили возможность создания многомиллионных регулярных армий. Эти армии очень мало походили на вооруженные силы империалистов.

Импровизация в строительстве войсковых частей под огнем противника, кипучая революционная деятельность на фронтах борьбы и зачастую косность центральных военных аппаратов, отсутствие навыков и теоретических знаний у большей части комсостава и трудности централизованного снабжения — все эти условия создавали предпосылки ряду недостатков в организационной структуре Красной Армии. При нескольких миллионах мобилизованных мы имели в составе армии и на фронтах самое ничтожное количество активных штыков, артиллерии и т. п. Однако, несмотря на все организационные недостатки, Красная Армия в ее борьбе против белогвардейцев, поддержанных империалистами чуть ли не всех стран, сумела одержать крупнейшие победы.

Эти победы, с одной стороны, объясняются громадной силой революционных лозунгов гражданской войны и, с другой стороны, величиной территории, необыкновенной энергией и упорством в ведении операций, исключительной творческой силой строительства и укрепления вооруженных сил на фронтах борьбы и, наконец, при крайней малочисленности активных штыков — относительной силой техники, хотя по абсолютному количеству ее было очень мало. Белые армии, пытавшиеся прибегать к пропаганде своих контрреволюционных лозунгов, располагавшие более мощной техникой, опиравшиеся на самые богатые районы России и на поддержку иностранной буржуазии, потерпели жалкое поражение, так как не нашли поддержки в массах, и, наоборот, массы поднимали против них восстания.

Ширина фронтов, крайне слабое отношение вооружения и технических средств борьбы на каждый километр фронта создали предпосылки для широкого развития конницы и для придания ей решающей роли в целом ряде операций и кампаний.

Гражданская война, начавшись борьбой за государственную власть в центре, распространилась по всей территории страны, слагаясь из непосредственных революционных выступлений рабочих на местах и из боевых действий извне столичных красногвардейских частей, распространявших революционную власть Советского правительства.

С весны 1918 г. гражданская война повлекла за собой отрыв друг от друга основных экономических районов. Уже 8 января 1918 г. товарищ Ленин указывал на то, что гражданская война еще не достигла своего высшего пункта, и считал, что дальнейшее развитие войны неизбежно. «Советской власти обеспечена победа в этой войне, но неизбежно пройдет еще некоторое время, неизбежно потребуются не малое напряжение сил, неизбежен известный период острой разрухи и хаоса, связанных со всякой войной, а с гражданской войной в особенности, пока сопротивление бур-

жуазии будет подавлено»¹. Потрясенная империалистской войной экономика страны чрезвычайно быстро разрушалась. Гражданская война помимо разрыва внутренних экономических связей безжалостно разрушала артиллерией и подрывными средствами также и основной капитал промышленности и народного хозяйства в целом.

Ослабление деятельности промышленности и железнодорожного транспорта не означало, конечно, что армия действовала голыми руками. Запасы, оставшиеся от империалистской войны, передача армии, что возможно было только заготовить, полное уплотнение транспорта стратегическими перевозками — все это создало условия, при которых гражданская война все же велась в значительной степени относительно крупными средствами.

Растянутость фронтов гражданской войны и колебания политических настроений крестьянских масс, неоднократно имевшие место, создавали условия, при которых подвижность фронтов была изумительной. При этой подвижности не наблюдалось стратегического истощения, столь свойственного наступательным действиям в войне двух государств, или это истощение принимало совершенно новые формы.

Наступательные операции, которые проводились в местности с населением, сочувственно относящимся к Советской власти, обычно давали совершенно неожиданный эффект. Армии не только не таяли, несмотря на потери убитыми, ранеными и больными, но, наоборот, возрастали в своей численности. А между тем убыль больными от сыпного тифа зимой и дизентерии летом достигала громадных размеров.

Этот рост победоносных вооруженных сил происходил на всех фронтах — на Урале, в Сибири, в Белоруссии и т. д. — путем добровольных пополнений из местных рабочих и крестьянской бедноты и даже за счет солдат белогвардейских армий, главным образом крестьян, разуверившихся на опыте в правительстве белых и понявших их истинную классовую сущность. Такие факты нарастания людских ресурсов мы отмечаем неоднократно в истории гражданской войны.

Однако бывали условия, например на Западном фронте в 1919—1920 гг., когда вся совокупность социально-политической обстановки заставляла Красную Армию переживать тяжелое напряжение и когда признаки истощения сказывались очень серьезно. Во всяком случае, в общем можно утверждать, что в гражданской войне рабочий класс относительно легко подчиняет своей власти громаднейшие территории и, создавая органы классовой революционной власти, тем самым закрепляет за собой обеспеченный тыл, за исключением лишь некоторых, особо враждебных районов. Этот тыл в крестьянской стране, в период социалистической революции, хотя и подвергался постоянным колебаниям, все же поддавался довольно быстро политической обработке. Война с белополяками

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 244.

в 1920 г. поставила Красную Армию перед задачами, значительно более сложными и трудными, связанными с переносом войны на другую национальную территорию.

Интернациональные и классовые цели гражданской войны сталкивались с национальными настроениями не только польского крестьянства, но частью и рабочего класса, шедшего за социал-предательскими партиями. Только что происшедшее создание польского государства и длительный гнет царизма, зачастую соединявшийся в представлении польского крестьянства со всем «русским», создали социальную среду, в значительной степени враждебную Красной Армии и ее лозунгам.

Однако и здесь, несмотря на целый ряд неблагоприятных факторов, впервые проявились характерные признаки революционной войны пролетарского государства. Эти признаки мы видели и в Белоруссии, и в Западной Украине, и в пределах самой Польши. В этой войне можно найти черты для определения характера будущих революционных войн.

Завоевательные и оборонительные войны. Зависимости от целей и хода войн по отношению к территории, войны могут быть завоевательными и оборонительными, а также могут объединять обе формы войны — завоевание и оборону. Завоевательные войны, особенно характерные для империалистского государства, создают для государства весьма большие трудности и сопряжены с громадным риском. Необходимо разбить армию противника, надо оккупировать занятые территории, преодолеть национальную ненависть населения занятых областей, восстановить разрушенные пути сообщения, поддержать свои вооруженные силы на необходимом уровне, при громадной убыли людского состава и материальных ресурсов, в условиях обострения классовой борьбы внутри страны, и, несмотря на все эти затруднения, быть готовым к тому, чтобы в центре жизненных интересов неприязненной страны одержать над врагом окончательную победу.

Насколько трудны условия завоевания, мы видим на многих примерах прошлого и современности. Победоносное шествие германской армии к Парижу в 1870 г. создало для нее очень тяжелое положение уже под стенами Парижа. Оккупация германскими войсками Украины в 1918 г., несмотря на ряд благоприятных моментов, отвлекла их громадные силы для обеспечения тыла, что отрицательно сказалось на дальнейшем ведении войны. Оккупация японскими войсками Дальневосточной Сибири в 1921 г. оказалась им не под силу. Оккупация испанцами и французами Марокко представляла и представляет собой колоссальные трудности.

Оккупация относительно облегчается тогда, когда страна, подвергшаяся завоеванию, переживает острые классовые или национальные противоречия, как, например, оккупация Польши и Прибалтики немцами во время империалистской войны, оккупация Японией Маньчжурии и т. п.

Однако все эти затруднения в завоевательной деятельности империализма не могут иметь решающего значения. Без новых переделов мира империализм не может существовать, ибо, как говорил Ленин, капиталистам теперь не только есть из-за чего воевать, но и нельзя не воевать, если хотят сохранить капитализм, ибо без насильственного передела колоний новые империалистские страны не могут получить тех привилегий, которыми пользуются более старые (и менее сильные) империалистские державы.

При этом вооруженные силы не могут не быть решительно брошены в дело для быстрого достижения целей войны, ибо «издержки войны делают это нужным» (Энгельс). Спротивление социальной среды оккупированных районов, истощение вооруженных сил в целом ряде случаев, при разумно построенном плане, при хорошей организации оккупации, может компенсироваться приобретением новых материальных, а иногда даже людских ресурсов.

Ведя оборонительную войну на собственной территории, государство иногда может рассчитывать на поддержку в той или другой форме нейтральных стран, не заинтересованных в дальнейшем усилении противной стороны. Вооруженные силы даже при активном способе действий могут не подвергать себя риску отрыва от коммуникаций или их растяжки. Снабжение и укомплектование значительно облегчаются. Широкие массы населения с большим убеждением возьмутся за оружие для защиты своей территории, чем для завоевания чужой, и т. д.

Однако в целом ряде случаев оборонительные формы войны могут повлечь ухудшение условий ведения войны. Если основные экономические центры расположены близко от границ, то, несмотря на облегчение работы *коммуникаций* ввиду их сокращения, они могут быть разрушены или парализованы современными средствами войны у самых истоков, т. е. будут нарушены элементы военного хозяйства и промышленности и тем самым основные условия обороноспособности. Оборона Рейна германскими войсками после Версальского мира может быть неизбежным злом, но никак не может считаться наивыгоднейшей и наиболее сильной формой войны для Германии.

Сложность и противоречивость политической обстановки, особенности индустриального развития и географического положения промышленных районов, а также целый ряд других условий не позволяют определить на все случаи. На самом деле, как это нам показывает история, войны слагаются из сложных операций наступательного и оборонительного порядка. Семилетняя война, которая, казалось бы, является классическим примером оборонительной войны для Пруссии, на самом деле начата как война завоевательная, и оборона пруссаками велась в дальнейшем на завоеванном базисе с большими ресурсами. Германия в 1914—1918 гг. на-

чала войну резко наступательного характера и создала расширенный базис войны. Перейдя в дальнейшем к обороне, она вряд ли могла бы продержаться три года, если бы не заняла Бельгии, промышленных департаментов Франции, Польши, Румынии и Сербии.

Наступательные и оборонительные формы войны имеют известные предпосылки и диалектически развиваются в соответствии со слагающейся обстановкой. То, что говорилось выше о характерных особенностях империалистской войны, о коалиционном ее характере, об изменении соотношений сил и средств сторон в различные периоды войны, — еще более подчеркивает неизбежность такого положения, когда для одного и того же государства в различные периоды войны оборонительные цели могут перерасти в наступательные и наоборот. Наиболее соответствующими и наиболее сильными будут те формы войны, которые наиболее полно будут отвечать политическим целям войны и обеспечению ее экономического базиса.

79517
Формы будущих войн и современный рост производительных сил. Для того чтобы представить себе с какой-либо долей вероятности изменения, которых следует ожидать в формах будущих войн, необходимо прежде всего остановиться на рассмотрении роста производительных сил. Империалистская война далеко двинула вперед развитие тяжелой индустрии. Разоряя народное хозяйство, война вместе с тем ввиду колоссального потребления металлов, топлива и разных видов сырья двинула вперед сталелитейную и машиностроительную промышленность, производство энергии и, наконец, ряд отраслей химической промышленности. Послевоенный период, несмотря на длительный промежуток, сопровождавшийся падением производства, в конце концов достиг и превысил довоенный уровень производств, обслуживающих войну.

Однако не столь значительны в этом отношении количественные, сколько качественные сдвиги. Промышленность капиталистических стран, сумевших стабилизировать свое положение, переживает мощный процесс рационализации и реконструкции. Заводы, переоборудованные по последнему слову техники и применившие наиболее рациональные методы организации труда, дают значительный прирост продукции, даже не нагружая полностью всего своего оборудования. Если в мирное время их продукция и не находит себе полного сбыта, то во время войны рационализованная промышленность, загруженная на 100 процентов, сможет дать во много раз возросший приток снабжения на боевые фронты.

Но не только рост тяжелой промышленности характеризует новые сдвиги. Техническое развитие захватило капиталистические страны еще глубже. Новая, наиболее рациональная, организация энергетического хозяйства улучшает условия военного производства и, если не сейчас, то в процессе ближайших лет и даже

в процессе самой предстоящей войны, в корне изменяет военно-географические условия обороны промышленности. Электрификация, заключающаяся в создании мощных электростанций, потребляющих наиболее дешевое топливо и эксплуатирующих водную энергию рек, соединяющая эти станции высоковольтными линиями электропередач и, таким образом, централизуемая, но и рассредоточивающая энергетическое хозяйство, придает совершенно новый характер экономической уязвимости страны.

Производство в целом ряде стран электроэнергии в большем количестве, чем это необходимо для их внутренних нужд, порождает новый вид экспорта энергии в другие страны. Само собою понятно, что такое положение не может не отразиться на экономической и политической взаимозависимости государств и соответственно на характере ведения войны. К борьбе за коммуникации морские, речные и железнодорожные добавляется борьба за пути питания электрической энергией.

Объединение электростанций посредством сверхмощных электропередач идет вперед крупнейшими шагами и в Европе, и в Америке, и даже в ряде азиатских стран. В Германии подготавливается сверхмощная сеть на пространстве всей страны. Чрезвычайно интересные формы развития электрификации наблюдаем мы в Италии и Франции. Неодинаковые водные ресурсы Северной и Южной Италии и неодинаковый их *водный режим* поставили вопрос об объединении сверхмощной сетью альпийских и южных горных рек Италии. Вполне понятно, какое значение могут иметь те несколько электропередач, которые должны создать единую мощную сеть гидроэлектростанций Италии. Обороноспособность страны в значительной мере зависит от этих линий.

Электрификация Франции создает совершенно новые условия войны с Германией. Как по экономическим, так и по военным соображениям во Франции во весь рост поставлена проблема рационализации энергетического хозяйства, наиболее экономного расходования угля, а также максимального использования водной энергии. Использование альпийских и южных рек отвечает правильной организации электрификации Франции, делает ее мало-зависимой от импорта каменного угля и вместе с тем отбрасывает источники электроэнергии далеко от тех районов, которым может угрожать Германия как своей сухопутной армией, так и воздушными силами и зарубежными действиями. Не приходится, конечно, и говорить о том, что мощное производство электроэнергии обеспечивает развитие многочисленных металлургических процессов, необходимых для питания войны.

Следующим крупнейшим экономическим сдвигом в современном развитии производительных сил надо считать развитие химической промышленности и «химизацию» промышленности и народного хозяйства. После того как оперативный план Шлиффена сорвался и Франция не была выведена из строя в первые же месяцы войны в 1914 г., необходимость вести затяжную войну

поставила Германию в безвыходное положение. Сырьевых и продовольственных ресурсов в Германии было совершенно недостаточно. Невозможность получать чилийскую селитру, необходимую для производства порохов, должна была повлечь для Германии катастрофу в самый короткий срок.

Однако этого не случилось именно потому, что Германия была страной с наиболее сильно развитой химической промышленностью. Новые открытия (синтетический азот) и возможность их промышленной реализации создали совершенно новые условия, облегчавшие Германии ее сырьевые затруднения в условиях полной блокады. При недостатке рабочих рук Германия, поднимая, благодаря химической промышленности, еще до войны, урожайность своего земледелия, выдержала жестокую голодную осаду в течение четырех лет, несмотря на то что химические заводы получили дополнительную нагрузку по производству взрывчатых веществ.

В настоящее время Германия ставит перед собой задачу достигнуть в ближайшие годы такого повышения урожайности, которое полностью обеспечило бы внутреннее потребление страны, — и это должна сделать опять-таки химическая промышленность. Именно последняя во время войны постоянно находила выход из недостатка того или другого сырья с помощью выработки его суррогатов (металлов и каучука, пороха и взрывчатых веществ, тканей и пищевых продуктов и т. п.).

Усвоение важности вопроса химизации народного хозяйства заставило в послевоенный период все государства идти по пути максимального развития промышленной химии. В настоящее время это не только вопрос развития химической промышленности, но и вопрос наиболее современного, наиболее рационального принципа организации всякого производства при помощи химии. «Новая химия создала большое число еще недавно неизвестных материалов, как искусственные волокна, нефть, кожу, каучук, пластические массы, дубильные вещества, легкие сплавы и т. п., и в своем дальнейшем развитии творит революцию в промышленной экономике, существенно изменяя конъюнктуру на международном рынке соответственного естественного сырья. Еще более экономических достижений сулит возможность использования всех отходов, т. е. сырья, находящегося не в надлежащем месте и не нашего пока своего применения» (Записка ученых химиков председателю СНК СССР).

Современная химическая промышленность основывает свою мощь на переработке угля, связывании азота и переработке целлюлозы. Довоенное производство анилиновых красок из каменного угля развилось в настоящее время в производство самых разнообразных продуктов. Из каменного угля производятся нефть, бензин, газолин и т. д. Искусственно может быть получен каучук.

Таким образом, страна, не имеющая нефтяных запасов, не может быть поставлена в безвыходное положение, и ее автомобильная и авиационная мощь не может быть подорвана. Азотная про-

мышленность, производя искусственные удобрения и тем разрешая многие продовольственные затруднения, вместе с тем непосредственно обслуживает производство пороха, вытесняя чилийскую селитру. Производство из древесины и отбросов хлопка целлюлозы и химическая ее переработка приобретают сейчас колоссальнейшее экономическое значение. С этим производством связано производство целлулоида, глицерина, искусственного шелка и т. д. Эта отрасль промышленности, благодаря своей рентабельности, бешеным темпом развивается во всех капиталистических странах и будет иметь крупнейшее значение в военное время, так как мирное производство может быть легко переключено на производство порохов.

Помимо развития химической промышленности следует отметить химизацию отдельных технологических процессов в других отраслях промышленности, что меняет технический характер производства и его экономическое строение. Эта коренная перестройка может охватить самые разнообразные области производства в металлургии, машиностроении, горной промышленности, транспорте и т. д.

Мобилизация химической промышленности облегчается тем обстоятельством, что концентрация вложенных в нее капиталов, благодаря ее рентабельности, прогрессирует чрезвычайно быстро, обгоняя в этом отношении все остальные отрасли промышленности. Весьма важным обстоятельством с военной точки зрения является также и то, что рабочая сила в химическом производстве большей частью не требует особо высокой квалификации.

Экономические сдвиги, происшедшие после империалистской войны, создают для будущих войн расширенный технический промышленный базис; каждая крупная страна в отдельности, а тем более коалиция разных стран будут значительно более независимы, чем раньше, в отношении сырьевых ресурсов. Будущие войны в смысле их масштаба и напряжения борьбы уйдут вперед по сравнению с войной 1914—1918 гг.

Увеличение ресурсов и развитие техники обогащают будущие войны громадными средствами автотранспорта, авиации и военной химии, не говоря уже о хранящихся в тайне новых, не употреблявшихся до сих пор боевых средствах, которые если и не в полной мере проявятся в будущих войнах, то, во всяком случае, увидят свое первое применение. Технические сдвиги, которые повлекут за собой не только углубление боевых порядков, но и углубление театров войны, противопоставят новому воздушно-химическому оружию новые экономические формы электрификации и химизации, глубоко рассредоточивающие по всей территории энергию и производство.

Новые революционные войны. Общий кризис капитализма в эпоху империализма неизбежно сопровождается развитием классовой борьбы, ростом влияния коммунистических партий

и приближенном революции. Однако даже опыт империалистской войны, опыт, который рабочий класс вынес на своих собственных плечах, и все условия, объективно подготавливающие революцию, не должны создавать иллюзий о невозможности вспышки новых империалистских войн и о легком захвате власти рабочим классом в процессе войны.

Организации рабочего класса противопоставляются организованность и вооружение буржуазии. Во время империалистской войны мы еще не знали мощных фашистских вооруженных организаций. Буржуазия готова к борьбе с революциями неизмеримо больше, чем это было во время империалистской войны. Социал-демократические партии будут еще больше поддерживать и обслуживать войны империалистов. Революции, т. е. превращение войн империалистских в гражданские, неизбежны, но они не начинаются немедленно с началом войны. Как революционные перспективы в странах капитализма, так и факт существования пролетарского государства — Советского Союза среди капиталистического мира, естественно, ставят вопрос о формах новых революционных войн. Выше этот вопрос уже затрагивался вскользь. В данном случае интересно рассмотреть его с точки зрения тех стратегических форм, которые можно предвидеть в той или иной степени.

Энгельс, изучая в 1852 г. вопрос о революционных войнах, говорит, что эмансипация пролетариата так же (как эмансипация буржуазии и крестьянства Великой французской революции) будет иметь свое военное выражение и создаст новый метод ведения войны. Однако вместе с тем Энгельс указывает, что новое военное искусство пролетариата может появиться лишь с ростом средств производства. Только это последнее условие, а также «действительное освобождение пролетариата, полное устранение всех классовых различий и полное обобществление всех средств производства...»¹ могут создать условия для появления новых форм войны и новой военной науки.

Очень интересно замечание Энгельса о том, что предпосылкой для появления новых способов ведения войны должно явиться по крайней мере удвоение имеющихся в наличии средств производства во Франции и Германии. Энгельс писал это в 1852 г. Если охарактеризовать производство того времени (1850 г.) хотя бы по производству чугуна, то мы увидим следующие цифры²: Англия производила 2 250 тыс. английских тонн (английская тонна равна 1016 килограммам); Германия — 208 тыс. тонн, Франция — 406 тыс. тонн, т. е. всего производилось в 1850 г. около 2 864 тыс. тонн

¹ Ф. Энгельс. Избранные военные произведения, т. 1, 1940, стр. 20.—
Ред.

² Handwörterbuch der Staatswissenschaften. B. III. Eisen und Stahl, von
Dr. H. Voelcker, Jena, 1928.

чугуна. На всем земном шаре в том же году производилось 4 750 тыс. тонн.

Таким образом, 75 лет тому назад Энгельсу казалось, что развитие промышленности в Западной Европе, характеризующееся 5½—6 млн. тонн чугуна, может явиться достаточной базой для появления новых форм революционной войны. Нужно сказать, что новые оперативно-тактические формы войны, которые предсказывал Энгельс, в значительной мере осуществились в империалистской войне под влиянием роста средств производства еще до социалистической революции.

Можем ли мы теперь говорить о новых формах войны победившего пролетариата? Мы имеем сейчас несомненный факт изменения «солдатского материала». Наша Рабоче-Крестьянская Красная Армия, воспитанная как орудие пролетарской диктатуры и в духе интернационализма, несомненно, несет в этом смысле совершенно новое начало, ибо будет иметь за неприятельским фронтом своих союзников пролетариев, хотя бы и в состоянии «скрытой теплоты плавления». Это обстоятельство не дает нашей советской стратегии каких-либо точных методов расчета. Формы боя и сражения не изменятся сколько-нибудь заметно под влиянием только фактора нового человеческого материала в Красной Армии, но и организация тыла красных армий и советизация занятой территории под влиянием этого фактора будут иметь резко отличный характер и другие последствия по сравнению с оккупацией нашей советской территории капиталистическими армиями, сопровождающейся восстановлением свергнутой у нас буржуазной власти.

Несмотря на многие конкретные трудности национального и религиозного порядка, Рабоче-Крестьянской Красной Армии неизмеримо легче охватить своим влиянием занятые территории буржуазных государств и организовать в них диктатуру пролетариата, нежели империалистам восстанавливать диктатуру буржуазии на территории СССР. В этом смысле расширение социалистического базиса войны принимает особые, новые формы и является тем основным новым звеном, которое наиболее характеризует современные революционные войны пролетариата против империалистов.

Политработа, проводимая ВКП(б) в Красной Армии, превращает ее в мощное орудие международной солидарности пролетариата. Развитие нашей промышленности в перспективе индустриализации страны, несомненно, выдвинет новые способы ведения войны, операции и боя, резко отличные от современных.

Но независимо от этих материальных перспектив предстоящая нам война будет происходить в условиях, совершенно отличных от условий ведения войны империалистами, благодаря расширению политического базиса борьбы по ту сторону фронта. Прочному осуществлению рабоче-крестьянской смычки, несмотря ни на ка-

кие затруднения, будет противопоставлена ожесточенная классовая борьба в лагере империалистов. Эта борьба по мере развития войны империалистов против Советского Союза будет превращаться из империалистской в гражданскую.

Нечего и говорить о том, что «организация общественного мнения» находится в совершенно различных условиях в капиталистических странах и у нас. Парламентаризму, сопровождающемуся острой борьбой классов, будет противопоставлена единая и единственная коммунистическая партия, осуществляющая диктатуру пролетариата на основе прочного союза рабочего класса и крестьянства, в стране, которая «идет к новой и настоящей отечественной войне, к войне за сохранение и упрочение Советской власти»¹.

Рост боевых средств и вспомогательных средств борьбы, имеющих применение в современных войнах, резким образом изменил условия ведения войны. Мы не можем теперь ожидать сражений, которые повлекли бы за собой одним ударом уничтожение всей действующей армии противника. Ширина фронтов, мощность железнодорожной сети и глубина театров войны не позволяют достигнуть такого исхода. Война складывается из ряда последовательных операций, которые в конечном счете должны привести к окончательной ликвидации или разгрому вооруженных сил противника, к захвату его экономических источников, питающих войну, и его территории.

Решительные действия могут прерываться позиционными сдвигами, отделяющими один период войны от другого. Борьба длительная, с напряжением всех экономических и социальных сил, сопровождающаяся обострением классовых противоречий, характеризует современные массовые войны, в которых обе стороны стремятся к решительному поражению вооруженных сил противника, применяя громадные силы и средства, так как «масса наступательных средств составляет необходимый результат высшей степени цивилизации» (Энгельс).

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 406. — *Ред.*

ИЗ УРОКОВ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ¹

В день десятилетия Красной Армии особенно хочется остановиться на тех основных уроках, которые дала нам гражданская война. Эти уроки нужны нам для предстоящих новых величайших битв, нужны и для западноевропейского пролетариата, для организации и рационализации его боевых действий против буржуазии. Гражданская война — первая организованная массовая война пролетариата против буржуазии не только своей, но частично и мировой — дает нам в этом отношении неисчерпаемо богатый опыт. Этот опыт мы должны изучать, должны его использовать. В настоящих строках я не предполагаю обобщить все то, что дала нам гражданская война, что дал опыт Красной Армии. Я хочу поделиться лишь двумя-тремя соображениями о некоторых характерных моментах строительства и стратегии Красной Армии, которые, быть может, пригодятся историку в труднейшем деле подбора материалов. При этом я несколько не остановлюсь здесь на всем том новом и героическом, что дала Красная Армия, а коснусь лишь того, что мне кажется наиболее практическим.

Гражданская война внесла новую свежую струю в стратегию борьбы на фронтах. Если сосредоточение полевых армий на решающем фронте для достижения решающей победы и являлось признанным и широко использованным приемом стратегии, то Красная Армия, а вернее, вся наша Советская страна развила эту стратегическую идею еще дальше, прибавив к сосредоточению вооруженных сил и формирование их на решающих фронтах. Мы знаем, что Красная Армия процентов, пожалуй, на 80 сформировалась непосредственно на фронтах гражданской войны. Но к этому общему положению прибавляется еще и умение сосредоточить, заострить, увеличить формирования на наиболее решающих фронтах. Лозунги, которые выбрасывала партия во время гражданской войны в зависимости от значимости того или другого направления: «Все на Восточный фронт», «Все на Южный фронт», «Все на Западный фронт» и т. д. — претворялись на фронтах в бурное строительство вооруженных сил, укрепление и починку действовавших там войск и технических средств, чем создавались необхо-

¹ «Правда», 1928, 23 февраля, № 46, — *Ред.*

димые живые силы для новых сокрушительных ударов. Партийные и профессиональные мобилизации десятков тысяч рабочих, вооружение, снаряжение и продовольствие, бросавшиеся на фронты, делали свое дело, и стратегическое сосредоточение, соединенное со стратегическим строительством, обеспечивало победу. Этот принцип, безусловно, оформлен и претворен в законченном виде Красной Армией. Жан де Пьерфэ¹ в своей книге «Плутарх солгал» сокрушается по поводу того, что французское главное командование 1914 г. не сумело провести в жизнь этот принцип, чем и ослабило свое положение на крайнем левом (северном) фланге. «Организация не терпит импровизации»,— утверждала старая военная доктрина. Гражданская война это правило нарушила и показала нам в этом направлении ряд новых путей.

Однако строительство на фронтах, недостаток опытного командного состава, затруднения в вооружении и снаряжении создали и ряд неблагоприятных условий, благодаря которым Красная Армия развивалась не так целесообразно с точки зрения нормальной боевой организации и ложилась на экономику страны гораздо большим бременем, чем это могло бы быть при более планомерном строительстве вооруженных сил. Соотношение тыловых и обслуживающих войск и учреждений по отношению к действующей армии и соотношение активных штыков и сабель в этой последней по отношению к ее тылам оставалось на протяжении всей гражданской войны чрезвычайно неблагоприятным. Достаточно сказать, что в 1920 г. наши вооруженные силы составляли почти 5½ млн. человек. Из них на долю действующих армий, считая стрелковые, кавалерийские и технические войска, выпадало не более 2400 тыс. человек. Ясно, что здесь прежде всего сказывались наша организационная неопытность и наши затруднения в области вооружения и снаряжения, которые чрезвычайно сильно нарушали плановое строительство. Еще более ярко скажутся эти недочеты, если мы посмотрим на численность активных штыков в наших стрелковых войсках, составлявших основную массу (55 стрелковых дивизий) полевой армии. Стрелковые войска, общей численностью до 2 млн. человек, имели в 1920 г., по-видимому, не более или немного более 200 тыс. штыков. Об этом нам говорят следующие данные: на фронте против белополяков мы имели 27 стрелковых дивизий, т. е. 50 процентов всех стрелковых войск. Для укрепления этих войск было брошено все то, что было в распоряжении нашего главного командования, и, несмотря на это, в мае, июне, начале июля 1920 г. эти войска имели не более 100—110 тыс. штыков (Н. Какурин и В. Меликов. Война с белополяками. ГИЗ, 1925, стр. 200 и 442). Несмотря на все

¹ Жан де Пьерфэ — французский писатель. В период войны 1914—1918 гг. находился в ставке Петена. В СССР была переведена на русский язык и издана его книга «Плутарх солгал. Очерки из истории мировой войны». М., изд. «Военный вестник», 1926. — *Ред.*

напряжение главного командования, нам до конца гражданской войны не удалось значительно улучшить это положение.

Само собой понятно, что западноевропейский пролетариат, имеющий перед собой наш опыт, имеющий возможность более основательно подготовиться к строительству вооруженных сил, сумеет избежать многих наших ошибок. Это даст в его руки более мощное оружие и меньшим бременем ляжет на экономику страны.

Три года гражданской войны, прошедшие с переменным успехом, повлекли за собою чрезвычайные затруднения в области нашей экономики, и без того нарушенной империалистической войной. Продукция крупной промышленности падала, казалось, катастрофически. Продовольственный кризис достиг небывалых размеров. Транспорт находился накануне полного паралича. Военная промышленность ежегодно и прогрессивно сокращала свое производство. Все это, вместе взятое, говорит нам о том, что мы вели гражданскую войну на нищенском экономическом базисе. Но это самое положение зачастую приводит к формальным и неверным выводам о том действительном соотношении между живой силой и техникой, которыми располагала Красная Армия. Помимо продукции военной и мобилизованной промышленности Красная Армия располагала еще громаднейшими запасами, оставшимися от империалистической войны. Наконец, она пополняла свои технические ресурсы и за счет трофейного имущества, в незначительном изобилии попадавшего в ее руки при ликвидации отдельных фронтов. Все эти обстоятельства, вместе взятые, в сопоставлении с теми уродливыми условиями в организации Красной Армии, о которых упоминалось выше, зачастую создавали такое положение, что фактически соотношение живой силы и техники в Красной Армии было выше, чем в царской армии. Для характеристики только что указанного положения я затрону лишь два вида вооружения — пулеметы и артиллерию.

В 1916 г. царская армия располагала на каждую тысячу штыков 3—4 орудиями и 8—10 пулеметами. Армейская артиллерия, постепенно насыщая фронт позиционной войны, изменила в лучшую для царской армии сторону это соотношение, но тем не менее в основном оно сохранилось. Каковы же были ресурсы Красной Армии?

Тов. Бубнов в своем предисловии к первому тому «Гражданской войны» («Военный вестник», 1928, стр. 35) говорит, что в 1920 г. в среднем на стрелковую дивизию приходилось 120—150 пулеметов и 22—28 орудий. Число штыков в стрелковой дивизии в среднем можно принять равным 4 тыс. Вышеприведенные цифры по Западному и Юго-Западному фронтам в 1920 г. подтверждают эту численность. Таким образом, согласно этим данным, на каждую тысячу штыков Красная Армия имела 30—37½ пулеметов и 5½—7 орудий.

Перед началом июльского наступления Западного фронта он

имел в своем составе до 97 тыс. штыков и сабель и 595 орудий, что дает 6 с лишним орудий на каждую тысячу штыков («Война с белополяками», стр. 200). 13 мая 1920 г. в боевом составе армий Юго-Западного фронта на каждую тысячу штыков имелось около 46 пулеметов и 10 орудий («Война с белополяками», стр. 442).

В начале августа 1920 г. наступающие армии Западного фронта имели на каждую тысячу штыков свыше 50 пулеметов и около 12 орудий.

Таким образом, мы видим, что насыщение техникой на каждую тысячу штыков Красной Армии колебалось в зависимости от того, возьмем ли мы соотношение до или во время наступления. Однако мы видим, что в общем и целом на каждую тысячу штыков мы имели от 6 до 12 орудий и от 30 до 50 пулеметов. Нормы значительно превышают нормы царской армии, причем пехота, пожалуй, приближается уже к понятию механизированной пехоты, хотя и действовавшей по старой тактике.

Конечно, недостаток снарядов и винтовочных патронов в целом ряде уменьшали значение относительной численности техники, но все же ее значение постоянно давало себя чувствовать, и Красная Армия фактически привыкла в этом отношении далеко не к голодным нормам. Мы имели большие запасы винтовочных патронов, доставшихся нам в наследство от царской армии, кое-что производила наша военная промышленность, кое-что давали трофеи. Приведу один пример расходования артиллерийских снарядов в 15-й армии во время 26 дней ее майской операции в 1920 г. Согласно подсчетам этой армии, она в среднем расходовала в день операции до 30 снарядов на орудие, т. е. за операцию на орудие было израсходовано до 780 выстрелов, т. е. чуть ли не та цифра, которую царская армия готовила на год ведения войны в 1914 г.

Я ограничусь этими отрывочными справками по действительному соотношению живой силы и техники, к которому Красная Армия, быть может и не отдавая в том себе теоретического отчета, привыкла на полях боев. Конечно, боевой революционный дух, классовое самосознание являются решающими факторами в революционной войне, но один революционный дух без необходимой техники в современной войне победить не может.

Эти уроки мы должны всемерно учесть, и Красная Армия, ежегодно укрепляясь и повышая свою боеспособность, прекрасно учла это положение. Его должны ясно и четко учитывать и все трудящиеся нашей страны. Военизация страны, идущая рука об руку с ее индустриализацией, должна обеспечить Красной Армии на полях ее будущих битв еще более могущественную технику, чем во время гражданской войны.

БУРЖУАЗИЯ ОБ АРМИИ ПРОЛЕТАРИАТА¹

Красная Армия, как вооруженная сила мирового пролетариата, естественно, всегда приковывала к себе внимание мировой буржуазии. Но особенно усердно иностранная печать занимается этой проблемой в последнее время, ставя ее в связь с англо-советским конфликтом, десятилетием Октября и выступлением советской делегации в Женеве на сессии подготовительной комиссии по разоружению.

Каков же лейтмотив этих комментариев? Раньше всего, в нем чувствуется ненависть, ненависть и злоба классовых врагов, множенная на страстное, упорное стремление уничтожить военную мощь ненавистного пролетарского государства, так «некстати», наперекор всему капиталистическому миру, вклинившегося в земной шар.

Таков «общий подход». Что же касается методов обработки общественного мнения, то здесь замечается некоторое разнообразие: то дается умышленно преувеличенная, гиперболическая оценка сил Красной Армии, то ее боеспособность приравняется чуть ли не к нулю. В первом случае цель — оправдать свои собственные лихорадочные вооружения, представить Союз как злокозненного «нарушителя мира» и дискредитировать его в глазах широких народных масс на Западе. Образчиком такой злобно-провокационной пропаганды является пресловутая «гранатная кампания» германской социал-предательской прессы, в течение долгого времени одухотворявшая «Морнинг пост», «Таймс», «Дейли мейл» в Англии и французскую бульварную печать.

«Большевики,— истощным голосом воили социал-демократы,— изготовляют гранаты». Какой ужас! Люди, которые в течение всей четырехлетней мировой войны служили у Гинденбурга и Людендорфа погонщиками, в шовинистском остервенении толкавшими миллионы пролетариев в пекло империалистической бойни под снаряды, и гранаты, и пули, приходят в священное негодование от того, что Советское правительство обзаводится всеми этими предметами военного снаряжения! Люди, которые кланчат у «сильных мира сего» милостивого разрешения на предмет вооружения своего буржуазного отечества, с пеной у рта воют против

¹ «Правда», 1928, 23 февраля, № 46.— *Ред.*

вооружения единственного пролетарского государства, обороняющегося от целого мира врагов!

Цель этого разыгранного по нотам «благородного возмущения» ясна: нанести удар моральному престижу СССР в глазах пацифистски настроенных рабочих, задержать рост симпатий широких пролетарских масс к СССР.

Другим ярким образчиком, иллюстрирующим этот метод борьбы с СССР, является помещенная в крупнейших органах буржуазной печати и подхваченная «Форвертс» и другими социал-демократическими газетами знаменитая «статья Сталина» о воздушных вооруженных силах СССР.

«Сенсационные заявления о русских воздушных силах.— У Советской России будет 3000 боевых и 7000 пассажирских аэропланов.— В течение 12 часов любой враг будет уничтожен».

Под такими цветистыми заголовками преподнесла своим читателям идиотскую фальшивку одна из старейших и «солиднейших» европейских буржуазных газет «Нейе Фрейе Прессе» (10 декабря 1927 г.).

«Было бы совершенно естественно,— писала почтенная газета в передовой по поводу «статьи Сталина»,— чтобы государства, входящие в состав Лиги Наций, использовали этот случай, чтобы поймать Россию на слове».

И в такт этой буржуазной газете «Форвертс» без малейшей оговорки поместила ту же фальшивку под кричащим заголовком крупным шрифтом:

«Россия владеет небом! — Угроза Сталина по адресу Англии».

Так работают твердолобые редакторы «Форвертс», инспираторы гранатной кампании, рассчитанной, помимо всего прочего, на то, чтобы заслужить для своего буржуазного отечества милость великобританского империализма.

Это родство душ германских социал-демократов и английских империалистов находит свое дальнейшее выражение в кампании желтой истеричной «Дейли мейл», развернутой еще до появления «статьи Сталина».

«Московский воздушный заговор».

«Флот из 3000 аэропланов».

«Секретное строительство».

«Величайшая в мире продукция удушливых газов».

Таков тон тех статей буржуазной печати, которые размалевывают «ужасы красного милитаризма» для того, чтобы мобилизовать общественное мнение против СССР и под шум крикливой антибольшевистской кампании усилить свои вооружения.

Но наряду с этим те же или другие буржуазные газеты, как уже указывалось, употребляют и противоположный прием — они высмеивают Красную Армию как недееспособную вооруженную силу, раздираемую изнутри политическими противоречиями, и при

этом как будто шепчут: падающего толкни... По этой части с успехом подвизаются некоторые представители русской белогвардейской военщины за границей. Так, например, полковник Шумский осенью истекшего года поместил во французской газете «Журналь» статью, в которой «доказывал» слабость Красной Армии. Пресловутый Авгур в английском консервативном журнале «Фортнайтли Ревю» (январь с. г.), явно подзуживая Пилсудского, пишет, что Советское правительство потому, мол, посоветовало Литве начать переговоры с Польшей, что оно сознает свою слабость и невозможность вмешаться в случае нападения польской армии Пилсудского на Литву. Официоз Чемберлена «Дейли телеграф» в номере от 30 января, правда с некоторыми лицемерными оговорками, преподносит своим читателям «неофициальные сообщения» о том, что взбунтовавшиеся в Москве части Красной Армии бомбардируют Кремль. Близкий к Пилсудскому «Глос правды» (от 29 января) помещает сообщение из Вильны (!) о том, что взбунтовавшиеся полки двинулись на Москву; виленские газеты по этому ими же сфабрикованному «торжественному случаю» напечатали экстренные выпуски.

Попадают, впрочем, в буржуазной печати статьи и сообщения, претендующие на некоторую объективность. Так, например, орган польского военного министерства «Польска Збройна», выступая против полковника Шумского, предостерегает от недооценки сил Красной Армии.

«Советская Россия, — пишет газета, — сама производит все необходимое для армии имущество, то есть не только вооружение, не только противогазы, но также самолеты, авиационные моторы, автомобили и танки... Что касается высшего командного состава, мы также не можем разделить мнение полковника Шумского. С конца войны истекает уже 7 лет, в течение которых советские командиры прошли разные высшие курсы усовершенствования, что в связи с имеющимся у них большим опытом, в особенности в области маневренной войны, значительно повысило их ценность в качестве военных командиров».

Далее польский официоз делает следующее любопытное признание: «Нельзя также согласиться с мнением полковника Шумского, что население Советской России не поддержит своего правительства в случае войны». Что эти слова отнюдь не продиктованы симпатиями к СССР, а стремлением предостеречь своих друзей — русских белогвардейцев, свидетельствует вывод газеты, что если белая эмиграция «хочет опереть свои планы на реальный базис», то она должна считаться с Красной Армией как с «вполне реальной силой».

Что касается оценки общей политической роли Красной Армии, то в этом отношении мы в буржуазной печати наблюдаем ту же двойственность: с одной стороны, Красная Армия — это орудие русского великодержавного национализма и империализма, а с

другой стороны, Красная Армия — опаснейшее орудие мировой революции.

«Аргументация» первой категории нужна для того, чтобы парализовать симпатии трудящихся всех стран к Красной Армии как родственной по духу вооруженной силе, как вооруженному защитнику эксплуатируемых и угнетаемых всех стран. В связи с этим особенно подчеркивается роль оставшихся в Красной Армии царских офицеров, на которых якобы держится вся ее боеспособность.

«За исключением русской церкви,— философствует «Нью-Йорк таймс» от 25 декабря 1927 г.,— ни один институт в России не потерял так мало изменений в результате революции, как вооруженная сила. Большинство ее наиболее способных офицеров служили царю. Организационные линии остались те же самые... Система базируется непосредственно на старой царской армии».

Правда, газета замечает одну только «маленькую» разницу: «Многие из младшего (? — М. Т.) командного состава являются пролетариями, принятыми в армию с целью демократизировать службу». И к тому же одна мелочь — присяга теперь новая... Политическая глубина анализа поистине поразительная!

В этом отношении с американским журналистом конкурирует лишь фашистский журналист из «Джорнале д'Италия».

«Если бы не красные знамена с серпом и молотом,— пишет газета по поводу одесских маневров,— красовавшиеся всюду в большом обилии на всей территории Одессы, можно было думать, что это царская армия готовится к походу на Константинополь и к исполнению завещаний Петра Великого».

Этот фашистский публицист, по-видимому, не знаком с Милюковым-Дарданельским, а то почтенный профессор мог бы ему кое-что рассказать о разнице в боеспособности армии, которую гонят на фронт во имя захвата Константинополя, и армии, борющейся под символом серпа и молота.

Изошряются также в этой области польские «социалисты» школы маршала Пилсудского. Один из их лидеров — Казимир Чапинский помещает в «Работнике» (23 января) статью, в которой, ссылаясь на появившуюся в Париже книжонку некоего П. Фервака, якобы близко встречавшегося с Тухачевским в германском плену, «доказывает», что для Тухачевского коммунизм является не чем иным, как средством... завоевать все тот же Константинополь! Осторожный господин Чапинский, правда, при этом добавляет, что он не берет на себя ответственности за аутентичность заявлений, приписываемых Ферваком Тухачевскому, но тут же делает «вывод»: «Верно только то, что на подобные империалистические построения мы неоднократно натываемся при анализе подоплеки официальной большевистской идеологии». Трудно, по-видимому, ученикам маршала Пилсудского, воспитанным на идео-

логии великодержавной Польши в границах 1772 г., представить себе интернациональную революционную идеологию, чуждую всякому национализму и империализму. Польским «социалистам» она кажется совершенно фантастической и невозможной...

Клеветники Красной Армии не сводят концов с концами. С одной стороны, обвинение в русском шовинизме, а с другой стороны, звериный вой о том, что Красная Армия, в отличие от всякой «приличной» вооруженной силы, имеет целью не защиту своего отечества, а осуществление задач «разрушительной» мировой революции. Кто не помнит, например, ноты Чемберлена накануне разрыва с сердитой злобной ссылкой на приказ Ворошилова, в котором Красная Армия квалифицируется как армия мировой революции?

Да, это единственный, поистине фепоменальный случай, когда английский дипломат не соврал. Красная Армия — армия международного пролетариата и всех угнетаемых империализмом народов. В этом ее сила; поэтому она столь близка и родственна эксплуатируемым всем стран, поэтому она столь ненавистна всем эксплуататорам.

Это в свое время смутно понимал Ллойд-Джордж. В своем меморандуме парижской мирной конференции весной 1919 г. он писал: «Каким-то путем большевики ухитрились удержать влияние на массы русского народа, и, что является еще более знаменательным, они сумели создать крупную, по-видимому, хорошо дисциплинированную армию, которая в большей своей части готова принести любые жертвы за свои идеалы». (Ф. Нитти. Европа без мира).

Ллойд-Джордж понял раньше других, что с такой армией опасно иметь дело: «Если послать теперь для этой цели (борьбы с Красной Армией) 1000 британских солдат в Россию, они взбунтовались бы... Мысль о том, что можно уничтожить большевизм военной силой, — безумие... Военный поход против большевиков сделал бы Англию большевистской и принес бы Лондону Совет. (С u m m i n g. Russian-American Relations).

Некоторые проблески сознания в этом отношении обнаружил также другой, наученный горьким опытом герой интервенции, учитель упомянутого г. Чапинского — маршал Пилсудский. В своей книге «1920 год» он признает, что поход Красной Армии на Варшаву производил революционизирующее значение на польские трудящиеся массы. Раньше всего он отмечает исключительную стремительность похода:

«Поход Красной Армии даже на испытанных генералов производил впечатление какого-то ужасного калейдоскопа, в котором каждый день является какое-то новое положение с новыми названиями географических пунктов, с номерами полков и дивизий, с новым распределением времени, с новым расчетом пространства».

Затем следует неосторожное признание: «Под влиянием этого марша колебались характеры, размякали сердца солдат. *Начинал организовываться наиболее опасный для меня фронт — внутренний*» (курсив наш.— М. Т.).

В настоящий момент, момент десятилетия Красной Армии, врагам ее не мешало бы вспомнить все эти исторические факты. Но такова уже участь осужденного класса: он все забывает и ничему не научается.

ОБЩИЕ СБОРЫ¹

Красная Армия сделала несомненные успехи в общевойсковой подготовке в прошлом учебном году. Текущий год должен явиться годом решительного развития достигнутых успехов. Эти последние должны быть подготовлены и обеспечены учебной программой всего года, т. е. и зимним и летним циклом занятий. Только такая обширная программа и может основательно поставить и развить общевойсковую подготовку. Я не буду касаться всей этой программы, а остановлюсь лишь на организации и постановке общих сборов, которые должны дать нашим войскам исчерпывающие подготовку и тренировку во всех элементах общевойскового боя и тем подготовить их к маневрам. Зимний и весенний периоды больше всего тренируют и готовят к вождению соединенных родов войск командный и политический состав, штабы и специальные органы. Практическая же подготовка войскового организма (соединения, отряда) в целом начинается общими сборами. Смело можно сказать поэтому, что дальнейший шаг в деле общевойскового искусства мы сможем сделать лишь в том случае, если сумеем методически и планомерно подготовить и провести общие сборы. Успехи маневров предопределяются успехом общих сборов. Вот установка, которую необходимо усвоить каждому командиру и политработнику для придания росту наших успехов еще большего ускорения, чем в прошлом году.

Тактика боя соединенных родов войск многогранна и отличается динамичностью и изменчивостью в ходе самого боя. То, что хорошо вначале, может не соответствовать середине, быть пагубным в конце, и наоборот. Развитие гибкого тактического мышления, понимание использования различных родов войск в полном соответствии с их силой и свойствами для обеспечения наиболее успешного применения живой силы являются делом чрезвычайно трудным и вместе с тем подлежащим усвоению в полевой обстановке на ряде практических занятий. Теория дает очень много, развивает тактическое мышление, дает понимание свойств и применения различных родов войск. Но одна сама по себе теория не может еще выработать ни хорошего командира, ни хорошей

¹ «Война и революция», 1928, кн. 4, стр. 3—14. — *Ред.*

войсковой части и соединения. Помимо развитого тактического мышления от командира еще требуются быстрота уяснения обстановки, привычка оценивать каждый мелкий штрих выясняющейся обстановки, быстрота принятия решения, умение своевременно наладить управление, отдать точные и ясные распоряжения, наметать глаз: в определении расстояний, в наблюдении боевого расположения противника, в корректировании огня артиллерии, пулеметов и т. п. Все эти и многие другие данные, совершенно необходимые хорошо подготовленному командиру, не могут быть выработаны изучением теории, а достигаются почти исключительно практическими упражнениями: сначала на военных играх, потом на выходах в поле и, наконец, на войсковых учениях. Можно, пожалуй, сказать, что в деле тактической подготовки качества, вырабатываемые практическими занятиями, имеют в бою больший удельный вес, чем знания, основанные на изучении только теории.

Эти замечания, конечно, не должны пониматься как неуважение к теории, как пренебрежение ею. Несомненно, командир только тогда сумеет развить свой тактический кругозор и выработать в себе необходимую тактическую гибкость, когда он сначала в школе, а потом и самостоятельно будет трудиться над вопросами теории тактики. Это является особенно необходимым еще и потому, что развитие техники не позволяет тактике окостеневать надолго. Время от времени она претерпевает эволюцию, а то и революцию. Опыт прошлых войн говорит нам о том, что мы имеем гораздо больше примеров, когда война начинается с окостеневшей, отсталой тактикой, чем когда в нее вступают с тактикой, соответствующей современному этой войне оружию, людскому элементу и всему характеру войны. Тот же процесс развития тактики мы наблюдаем и во время войны. Мы таких войн почти не знаем, которые бы кончались с той же тактикой, с которой они были начаты. Особенно характерный пример в этом отношении дает нам империалистическая война 1914—1918 гг., где каждый год войны, а иногда и несколько раз в году тактика и тактические приемы самым существенным образом видоизменялись. Все это говорит о том, что теоретическая подготовленность состава должна стоять на высоком уровне. Состав должен быть подготовлен к самостоятельной работе в этой области, к самостоятельным выводам и предложениям в связи с изменяющимися условиями.

Все это совершенно очевидно, но вместе с тем нужно отдать себе ясный отчет в том, что в деле руководства войсковой частью или соединением командир может получить необходимый ему опыт, сноровистость, быстроту действий, четкость в управлении и т. д. только на основе усиленной практической работы. Тот, кто прошел войну и имеет ее опыт, всегда будет более подготовлен, чем командир мирного времени, но и эта подготовленность является относительной и при недостатках дальнейшей работы мирного времени может сделаться отсталой. Опыт войны неизменно

дает ряд выводов о прошлых ошибках в тактических приемах ведения боя и боевого управления, которые должны быть учтены и сопоставлены с новыми, послевоенными факторами тактической подготовки войск. Только практика мирного времени, на этих условиях целесообразно и разносторонне построенная, может позволить в полной мере рационально и современно использовать прошлый боевой опыт. Новые технические достижения, новые организационные формы и соотношение различных родов войск, изменения в соотношении технических средств обороны и наступления, несомненно, значительно видоизменяют прошлые, привычные методы управления. Все это должно быть на практике мирной учебы усвоено. Эти соображения еще раз говорят о том, что учебно-боевая практика должна быть поставлена во главе подготовки, и особенно подготовки общевойсковой. Само собою понятно, что основное испытание по этим вопросам и вместе с тем основную школу должны дать общие сборы во время лагерного периода. Маневры — вид обучения наиболее кратковременный, наиболее дорогой. Войска должны быть к ним уже вполне подготовлены в теории и практике общевойскового боя.

Из всех разнообразнейших элементов, составляющих общевойсковую работу и долженствующих быть изученными и воспринятыми как командным составом, так и всем составом войсковых частей и соединений, необходимо наметить те основные решающие направления подготовки, вокруг которых должно группироваться обучение. Успех обучения в такой же мере требует сосредоточения главных усилий на решающих направлениях, в каковой это требуется и в бою, да, пожалуй, и во всякой другой работе. К таким основным установкам, которые, понятно, не могут быть всегда одинаковыми, а будут видоизменяться в зависимости от достигнутых успехов, в текущем году можно отнести: повышение гибкого (маневренного) тактического мышления, активности, напористости и самостоятельности командира; предельное повышение мобильности войск, т. е. способности их к быстрому подъему и быстрому началу движения по первому сигналу; дальнейшее усовершенствование взаимодействия различных родов войск, и в первую очередь пехоты и артиллерии, — взаимодействие не только в смысле наличия непрерывной связи, но и в смысле тактической его грамотности, правильное распределение и использование артиллерии соответственно боевым усилиям пехотных частей; ответственная постановка задач пехотными командирами артиллерии, ее возможности и т. д.; достижение бесперебойного и гибкого управления в бою, слагающегося как из работы командира и его штаба, так и взаимодействия между штабами; совершенствование воздушно-химической обороны, обеспечивающее войскам выполнение намеченного маневра вовремя, несмотря на противодействие авиации противника.

Вот как будто бы те соображения, те практические установки, которые мы могли бы перед собою поставить и которые в случае

четкого их осуществления обеспечили бы для армии дальнейший резкий скачок в области совершенствования ее общевойскового тактического искусства. Само собою понятно, что к этим задачам прибавится и ряд новых других, имеющих первостепенное значение, и в частности взаимодействие стрелковых и кавалерийских войсковых частей с авиацией, совершенствование понтонно-переправочного дела и т. п.

Подготовка на общих сборах должна иметь более тренировочный характер, чем на маневрах. Плановость этой постановки в значительной степени предопределяет и успех в сборах. В смысле объема занятий здесь должны быть поставлены занятия от самых мелких отрядов, составленных из различных родов войск, до дивизии включительно. Таким образом, учения, начиная, скажем, с отряда в составе стрелковой роты с приданной ей батареей или одним орудием и до стрелковой дивизии с приданной ей частью корпусных средств, будут вполне нормальным масштабом.

Практические цели, ставящиеся перед общими сборами, требуют и соответствующей организации общевойсковых учений. Они должны быть односторонние и двухсторонние. Односторонние учения являются наиболее подходящими для обучения войск определенным приемам, для усвоения ими требований устава и т. п. Одностороннее учение легче всего заостряет внимание обучающейся части на определенной тактической теме. Руководитель, объединяющий действия своей части и действия обозначенного противника, может, не насилуя воли обучаемого, поставить любую задачу и на практике пояснить выгоду или невыгоду тех или других методов или приемов ее разрешения. При организации одностороннего учения необходимо тщательно подготовиться к нему. Действия обозначенного противника должны быть продуманы, должны создать наибольшую поучительность, должны быть обеспечены прочной связью с руководителем учения, и, помимо того, должен быть заранее разработан характер действий обозначенных соседей, если таковые вводятся по заданию. В общем, как правило, руководитель не вмешивается в распоряжения и в деятельность обучающегося соединения (отряда) и его командования. Он корректирует его действия соответствующими вводными данными в виде обозначенного противника и обозначенных соседей. Отход или продвижение вперед соседей, наступление, оборона, переход в наступление или отход противника, обход или охват, развиваемый им огонь и т. п. являются теми вводными данными, которыми можно, не насилуя самостоятельности и полной самостоятельности командира, обучать определенным приемам боя.

Эта выработанная заранее система воссоздания окружающей боевой обстановки должна быть организационно разработана всем посредническим аппаратом, выделяемым для общевойскового учения. Намеченная задача рекогносцируется заблаговременно командиром, руководящим учением, и приданным ему посредни-

ческим аппаратом, который он распределяет для обозначения противника, соседних частей и для ввода разных огневых данных на различных участках обучаемого боевого порядка. Для проведения хорошего общевойскового учения помимо рекогносцировки необходимо произвести и репетицию, позволяющую наладить связь и сигнализацию.

Сложность подготовки общевойскового учения, необходимость затратить на него немалое количество времени требуют распределения учебного руководства между различными командирами. Это полезно и с точки зрения привития инструкторских навыков возможно более широкому числу командиров. Таким образом, не обязательно должен командир ротного, например, отряда самостоятельно осуществлять руководство всеми учениями своего отряда во время общих сборов. Он должен распределить эту работу между собою, наиболее подготовленными командирами взводов, командиром батареи и т. д. Подготовка посреднического аппарата вообще очень сложна и требует заблаговременной работы со всем составом посредников на местности. Действия посредников, не отвечающие обстановке, приучают войска к извращенному пониманию боевой действительности, и потому каждый командир, подготовляющий учение, должен всесторонне проработать предстоящую задачу и договориться со всем аппаратом руководства. Особенно это важно для общевойсковых учений небольших отрядов, где большинство посредников будет состоять главным образом из лиц младшего командного состава и рядовых красноармейцев.

Распределение обязанностей руководства по подчиненному составу не должно проходить формально. Командир отряда должен ближайшим образом следить за подготовкой учения, вносить в нее в случае надобности все необходимые коррективы, особенно помогая менее подготовленному командиру.

На односторонних учениях должны быть основательно проработаны элементы боя. Эти элементы не должны в одном учении слагаться из всех этапов современного боя: сближения, наступления, прорыва, преследования и т. д. Они должны заострять изучение на определенном боевом положении, на определенном этапе, но об этом будет говориться еще ниже.

Вся сумма односторонних учений должна подготовить отряды для двухсторонних учений. В этих последних лучше всего будут объединены отдельные проработанные темы, объединены в условиях полной самостоятельности обеих сторон и текучести боевой обстановки, более приближающейся к действительным условиям на войне. Двухсторонние учения, конечно, не исключают постановки определенной учебной цели. Обучающий командир каждый раз ставит учебную задачу перед двухсторонним учением, по возможности влияния на развитие действий сторон будут уже значительно меньше, так как в его распоряжении останутся лишь действия соседей и характеристика воздействия огня противника, действия же последнего будут самостоятельны. Такое положение

создает еще большие трудности в подготовке учения, чем для односторонних учений. Заблаговременная рекогносцировка и репетиция на местности необходимы. Построение посреднического аппарата территориально в полосе действий обоих отрядов — по общепринятой у нас схеме. При организации руководства и посреднического аппарата командир должен с особой тщательностью проработать вопрос действий посредников на линии огня каждой стороны и действия обозначенных соседних частей. Ошибки посредников на линии огня особенно заметны. Быстрота наступления из глубины зависит от передовых частей, и потому работа посредников при них в значительной степени определяет весь ход событий. В случае недостатка посредников на линии огня необходимо к ним прикомандировать посредников от более глубоких эшелонов, а временно, может быть, и командиров из состава последних. Само собою понятно, что эта маневренная гибкость аппарата посредников должна быть тщательно проработана заранее и в полосе предстоящего учения. Чтобы не упустить из поля зрения обозначенных соседей — что чрезвычайно важно для создания наиболее поучительной обстановки, — полезно возлагать на одного из работников при руководителе учением разработку действий соседей и оповещение о них обучающихся отрядов путем обозначения соседей или путем словесных указаний.

Подготовка организации двухстороннего обучения точно так же может распределяться между различными командирами под непосредственным наблюдением старшего командира.

При разработке общего плана занятий необходимо учесть наиболее целесообразное использование различных родов войск, и потому старший командир должен выработать таковой с привлечением артиллерийского командира и других специальных начальников.

Отрядные учения на общих сборах должны предусматривать взаимодействие всех родов войск. Даже ротному отряду необходимо придавать, хотя бы на отдельные учения, саперов, конных разведчиков и т. д.

Двухстороннее учение должно, как и одностороннее, задаваться определенными темами для изучения и тренировки. Но нужно иметь в виду, что двухстороннее учение предполагает наличие хорошей подготовки обеих сторон. С неподготовленным отрядом двухсторонних учений лучше не производить, так как они могут в войсках создать совершенно неправильное представление о характере современного боя. Это объясняется тем, что если в одностороннем учении противник обозначен, то в двухстороннем — он живой, самостоятельный, и притом зачастую прорабатывающий в этом учении неодинаковую тему. Например, при прорыве оборонительной полосы нападающая сторона тренируется в подавлении оборонительных средств противника и в проникновении пехоты в прорыв, в то время как обороняющаяся тренируется в упорстве обороны, в организации перекрестного огня, в контратаках и т. п.

Само собою понятно, что недостаточная подготовленность частей должна вызвать или непосредственное вмешательство в ход действий руководителя, что неправильно, или же боевая действительность, или, вернее говоря, понятие об образцовом ведении боя, должно извратиться. Изучение элементов боя на односторонних учениях, проработка отдельных этапов боя, отдельных приемов различных отрядов позволит им наиболее целесообразно объединить все эти элементы в живые и увлекательные формы двухстороннего учения.

Учебная организация этого последнего еще более сложна, чем одностороннего. Если на одностороннем учении руководитель разрабатывал вопрос характера действий обозначенного противника и заранее готовил в этом духе свой посреднический аппарат, то на двухстороннем учении этого предусмотреть невозможно, и потому даже при самой тщательной проработке различных вариантов действий сторон все же необходимо предвидеть многие неожиданности, которые должны быть учтены посредническим аппаратом и руководством в ходе боя, и притом своевременно. Разработка вопросов об условных соседях носит тот же характер, что и при односторонних учениях. Посредническая работа на линии огня с обеих сторон точно так же должна быть основательно проработана. К этому прибавляется еще необходимость подготовки декоративной стороны боя, как-то: холостые патроны, обозначение взрывов, дымовые завесы, отравление местности безвредными, но имеющими запах веществами, макеты танков при отсутствии настоящих и т. п.

Подготовка отрядов из различных родов войск и войсковых соединений должна охватить все современные виды взаимодействия, с применением всех современных средств борьбы. Основной вопрос взаимодействия пехоты и артиллерии развивается взаимодействием пехоты и танков, пехоты и авиации, пехоты и конницы, конницы и артиллерии, конницы и танков с авиацией и т. д. К этому нужно прибавить взаимную работу войск связи, инженерных, особенно переправочных средств и т. п.

Постановку задач по отдельным темам общевойсковых учений невозможно предусмотреть полностью. Но вместе с тем весьма желательно остановиться на некоторых из них, чтобы заострить внимание на характере расчленения боя на отдельные элементы для наиболее успешного усвоения таковых войсками. Я попробую остановиться на ряде тем для односторонних отрядных учений.

Прежде всего необходимо обратить внимание на то, что изучаемые задачи резко зависят от величины отряда или соединения. Например, для стрелковой дивизии вполне нормальной задачей для одностороннего учения явится подавление какого-либо центра сопротивления в оборонительной полосе противника, нейтрализация наиболее опасных пулеметов в соседних центрах и подготовка последовательного подавления более глубоких центров или пунктов сопротивления. Совершенно очевидно, что стрелковой роте, в процессе подавления центра сопротивления, встретит-

ся немало элементов последовательного подавления огневых точек. Для успешности усвоения методов последовательного подавления одностороннее ротное учение наиболее полезно ограничить подавлением какого-либо огневого узла, например, взвода с организацией переноса артиллерийского огня для свосвременного подавления в глубине лежащего узла и с нейтрализацией соседних гнезд сочетанием огня пулеметов и артиллерии.

В таком занятии особое значение приобретает разработка планов последовательного подавления, определение направления главного удара, определение необходимых артиллерийских средств и числа снарядов, соответствующее построение ударной и сковывающей группы в пехоте, распределение артиллерии, проработка взаимной информации и взаимных требований стрелковых взводов и артиллерии, организация связи между ними, определение момента атаки и переноса артиллерийского огня, быстрота передвижения пехоты и перенос огня артиллерии, движение передовых наблюдателей и т. д.

Точно так же должен быть разработан вопрос и при поддержке атаки танками. Должен быть намечен перенос артиллерийского огня, должны быть заранее определены пути движения танков, чтобы пехота не помешала их быстрому сближению и чтобы танки не подавили своих стрелков, должно быть достигнуто сочетание быстроты продвижения танков различными их эшелонами с продвижением пехоты, с переносом огня артиллерии и т. д.

Темой для тактического общевойскового учения должно явиться и искусство пользования местностью со скрытыми подступами, прохождение открытых мест и т. д. В этих занятиях должно играть большую роль применение артиллерийского и пулеметного огня, поражающего наиболее опасные огневые точки противника и его наблюдательные пункты, а также пользование дымовыми завесами. Это новое тактическое средство, пока еще не получившее повседневного употребления, имеет между тем все основания решительным образом повлиять на тактические приемы. Дымовая завеса может ввести такой добавочный коэффициент к местности, который может оказаться совершенно не учтенным обороняющимся и позволит наступающему сближаться скрытно, с наименьшими потерями и без преждевременной расшифровки направления главного удара и построения боевого порядка. Конечно, дымовые завесы не являются 100-процентной гарантией того, что противник не сможет поразить двигающиеся за дымовой завесой войска даже в то время, когда они для него являются невидимыми. Но следует учитывать, что противник не может быть уверен в своей стрельбе по дымовой завесе, не может определить, какой ему нужно поставить прицел, и не может, наконец, установить, когда происходит движение и когда оно прекращается. Это означает, что ему пришлось бы вести огонь по площадям и непрерывно. Отдельные шквалы огня возможны, но нанесение некоторых потерь не могло бы задержать наступления. Это тем

более вероятно, что дымовые завесы нужно организовать не только для действительного сближения войск, но и для демонстративных целей, вводя противника в заблуждение. Таким образом, применение дымовой завесы, как поправка в невыгодной для сближения или наступления местности, должно войти в привычку и стать повседневным приемом. Направление ветра играет значительную роль при пользовании дымовыми завесами. Поэтому определение направления ветра должно быть делом, знакомым для каждого командира. Если прочертить на карте направление ветра, то легко определить тот способ и то место, откуда надлежит пускать завесу. При поперечном ветре можно достигнуть наиболее экономного использования дымовых средств, при встречном ветре придется высылать вперед разведку с дымовыми средствами и пускать их на широком фронте. При ветре в направлении наступления дымовые завесы могут пускаться также на широком фронте самими же войсками и т. д. Помимо применения особых дымовых средств зачастую можно воспользоваться подручными местными дымовыми средствами: навоз, сырая солома и т. п. Дымовые завесы могут применяться и обороняющимся, главным образом в глубине своего расположения для обеспечения деятельности своего тыла. При организации дымовых завес каждый командир отряда, как правило, должен разработать его совместно с артиллерийским начальником, с тем чтобы не помешать его наблюдению. Вполне понятно, что организация занятия на сближение может быть очень поучительно построена на использовании скрытых подступов и на преодолении открытого пространства путем поддержки артиллерийским и станково-пулеметным огнем, с применением дымовых завес.

Даже встречный бой, например батальона, может бытьработан на одностороннем учении. Столкновение передовых охраняющих частей с таковыми же противника, обозначенными на местности, ставит командира батальона, идущего в головном отряде или авангарде, перед задачей — быстро опрокинуть охраняющие части и разбить головной отряд противника. Избрание направления главного удара, при наличии даже скудных данных разведки, развертывание артиллерии и развитие решительного наступления явятся отличным учением, в котором будут разработаны: вопрос выбора главного удара в соответствии с характером местности и имеющимися данными о противнике, предельная быстрота развертывания артиллерии и ее связь с быстро движущейся пехотой, быстрота действий частей ударных групп, самостоятельность отдельных участков боевого порядка, полная самостоятельность второго эшелона ударной группы, организация дополнительной разведки и проч.

Тщательно должен быть изучен вопрос уничтожения полосы охранения обороняющегося противника. Фактическая разброска сил, которая применяется многими современными армиями между полосой главной обороны и охранением, должна быть ис-

пользована наступающим для уничтожения, поражения их по частям. Эта задача может быть только в том случае вполне успешно разрешена, если охраняющие части будут разбиты чрезвычайно стремительно, так как в задачу их входит — не давать себя разбить и своевременно ускользнуть от падающего. В этих условиях напор и полная самостоятельность командиров пехоты всех степеней, особенно взводов и отделений, проникающих, не стесняясь самостоятельности, между огневыми точками противника, вклиняющихся в расположение противника и отрезающих ему тем самым возможность отхода, являются вернейшим залогом успешного поражения полосы охранения. Артиллерия должна быть возможно более децентрализована. Поддержка мелких пехотных частей артогнем, хотя бы отдельными орудиями, должна быть делом нормальным и привычным. Быстрота действий, самостоятельность, полная инициатива и стремление безостановочно прорываться в глубину полосы охранения противника должны быть усвоены нашими войсками. Вряд ли есть надобность организовывать такие учения в масштабе больше батальонного отряда.

На односторонних учениях полка и дивизии должны быть особо обстоятельно проработаны вопросы прорыва оборонительной полосы. Определение системы расчленения боевого порядка обороняющегося, определение начертания переднего края его главной оборонительной полосы, определение наиболее выгодного и обеспеченного нанесения главного удара, определение последовательности подавления и овладения центрами и пунктами сопротивления в глубину оборонительной полосы противника вплоть до охвата его артиллерии, расчет потребной материальной части и количества снарядов, ориентировочное определение сроков подавления тех или других пунктов и соответствующей скорости прорывания пехоты, детальная проработка требований пехотных частей к артиллерии, установление между батальонами и группами и подгруппами ПП полной договоренности и взаимного понимания, разработка вопросов сопровождения пехоты и смены артиллерийских позиций, организация управления в процессе прорывания и т. д. должны выработать в войсках привычку к методической разработке организации прорыва и органической связи пехоты с артиллерией во всю глубину оборонительной полосы противника. Ко всему этому надо прибавить организацию зенитной обороны как в период действий до переднего края оборонительной полосы противника, так и в период прорывания ее.

Задачи на прорывание оборонительной полосы противника чрезвычайно разнообразны, в зависимости от характера местности и расположения для обороны противника. Необходима проработка возможно большего числа приемов и задач. При наличии прорывающихся соседей прорыв должен осуществляться прямо вперед. Прорыв вперед может сочетаться с частными атаками в образовавшийся фланг противника для расширения фронта

прорыва. Наконец, прорыв может быть развит главным ударом в обнаженный фланг и тыл противника.

Конница может сыграть громадную роль в деле развития прорыва. При наличии достаточного количества быстроходных танков конница может и непосредственно участвовать в прорыве. Те затруднения, которые встречаются в прорыве в связи с разрывом в быстроте продвижения танков и пехоты, как будто бы устраняются при организации прорыва конными массами. Такого опыта в прошлых войнах мы не имели, но совершенно очевидно, что танковая волна, развиваемая конницей и заключаемая пехотой, может глубоко и решительно прорвать самую крепкую оборонительную полосу противника. Этот вопрос требует практического и основательного изучения.

На полковых и дивизионных односторонних учениях со всей обстоятельностью могут быть проработаны вопросы маневренного искусства: перемена направления вблизи от противника, атака во фланг, соединенная с действиями с фронта, быстрота выполнения маневров, сопровождаемых быстрым развертыванием артиллерии и установлением ею взаимодействия с пехотой, обслуживание маневра авиацией, содействие ее корректированием огня артиллерии и атаками резервов, артиллерии и тылов противника и т. п. должно явиться предварительной и основательной подготовкой к маневрам.

На односторонних учениях должны быть тщательно проработаны задачи форсирования речных преград. Выработка плана переправы, избрание пунктов переправы, организация демонстративных переправ, определение подходов к переправе, расчет переправочных средств, порядка и быстроты переправы стрелков и артиллерии, план подавления обороняющегося противника на противоположном берегу, порядок развития успеха и т. п. должны быть твердо усвоены войсками.

Наступательный бой является в современных условиях делом настолько трудным, что не всегда возможно с точностью определить, где последует главнейший успех. Опыт войн говорит нам о том, что зачастую успех слагается совершенно неожиданно для наступающего не на том направлении, где он предполагал его добиться в первую очередь. Где бы успех ни обнаружился, он должен быть развит всеми имеющимися силами и средствами. Это дело является вопросом весьма тонким. Можно принять случайный и, быть может, мало проверенный успех, имеющий чисто местное значение, за такой, который может потребовать коренного изменения первоначального плана. Такое изменение, являющееся результатом недостаточной выдержки со стороны старшего начальника, фактически может привести к срыву всего наступления. Но вместе с тем может сложиться обстановка и так, что наибольший успех окажется на участке сковывающей группы, в то время как ряд непредвиденных обстоятельств сдержит напор ударной группы. В этих условиях боевой порядок наступающего соеди-

нения должен быть достаточно гибким и достаточно самостоятельным для того, чтобы решительно использовать обнаруживающийся успех. Командир второго эшелона ударной группы должен принять отвечающее обстановке решение, и общевойсковой начальник должен подкрепить его артиллерийскими и прочими средствами. По существу, не исключена возможность, когда в иных боях скользящая группа превратится в ударную и наоборот.

Односторонние учения должны давать достаточную школу в смысле организации полевой службы штабов и достижения максимальной мобильности войск, т. е. быстрой передачи приказов, уничтожения тренировок в управлении, быстроты восприятия войсками приказов, быстрой изготовки их к началу выполнения движения и т. д. Организация работы внутри штаба, организация взаимодействия между штабами, система предварительных распоряжений, живые методы управления и т. п. — все это должно явиться предпосылками для усвоения труднейших задач боевого управления в живой полевой обстановке с живыми войсками.

Проработка вопросов боевого управления должна охватить возможно шире работу войск связи. Работа войсковых штабов с войсками связи должна предшествовать общим упражнениям по подготовке боевого управления и мобильности войск.

Несколько примеров и замечаний, приведенных здесь, само собою разумеется, не исчерпывают всей суммы вопросов, подлежащих изучению в сложнейшем деле общевойскового боя. Задачи эти будут разнообразиться и от подготовки войсковых частей. Слабые и сильные стороны отдельных соединений будут выдвигать и разнообразие в организации занятий. Самостоятельность и творческая работа наших командиров в деле обучения должны придать всей подготовке, особенно на общих сборах, живой, разнообразный и практически конкретный характер. Односторонние учения, завершаемые ротными и батальонными двухсторонними учениями, а часто и большего масштаба, должны явиться достаточной школой для вывода частей на маневры, где они должны быть в полной мере знакомы с основами общевойскового дела, с разнообразием и сложностью его и должны быть подготовлены к тому, чтобы на маневрах перейти от тактического ремесла к тактическому искусству.

НОВЫЕ УЧЕБНЫЕ ЗАДАЧИ ¹

Истекший 1928/29 год в области тактико-стрелковой подготовки совпал с первым годом пятилетки. Вполне понятно, что армия испытывает на себе все влияние грандиозных сдвигов, реконструкции и перестройки на социалистических началах нашей страны, являющихся развитием генеральной линии нашей партии. Рост нашей экономической мощи, развитие техники, непрерывное укрепление социалистического сектора, обострение классовой борьбы в стране, нажим на нас империалистов — все это находило и находит свое непосредственное отражение на всей жизни, а следовательно, и на учебе Красной Армии.

Строгий классовый отбор, выдержанное классовое воспитание, непрерывная работа над политическим и культурным развитием красноармейских масс создают нам армию высокого политико-морального уровня и политической сознательности. Мы отмечаем громадный рост активности и сознательности нашего красноармейца; это касается и нашего начальствующего состава. Мы имеем в армии базу, на которой можно достигнуть наивысших форм тактики, на которой можно догнать и перегнать в искусстве ведения боя и операций наиболее технически сильные и угрожающие нам капиталистические армии.

В прошлом году нам неоднократно приходилось отмечать, что, несмотря на общетактическое совершенствование армии, подвижность ее войсковых частей, их гибкость, ловкость, инициативность отстают от общего темпа роста и что это отставание находится в резком противоречии с той колоссальной политической и культурной активностью, которую проявляют наши красноармейские массы. Несомненно, в этом отставании большую роль играли несовершенные методы тактического обучения и воспитания, которые, перейдя к нам по наследству от царской армии, основательно укрепились на нашей школьной скамье и не давали нам того необходимого развития активности, без которой армия не может успешно двигаться вперед. Напряженная работа последних лет над усовершенствованием методики нашего тактико-стрелкового воспитания и обучения дала целый ряд новых установок, по которым и была направлена работа в войсках. Наиболее характерной отличительной чертой в тактических достижениях истекшего года

¹ «Война и революция», 1929, кн. II, стр. 3—20. — *Ред.*

являются решительный перелом и новые достижения в самой слабой части наших прошлых успехов, а именно: мобильности и активности.

В руководстве всяким живым делом необходимо выдерживать четкую и определенную систему. Эта система руководства не может не охватить очень многих отраслей, в данном случае в руководстве тактической подготовкой, многих отраслей тактико-стрелкового искусства. Работу приходится вести по множеству отдельных составных звеньев, отдельных вопросов, которые очень легко могут перерасти из соподчиненного звена в самодовлеющую целевую установку, если условия руководства не будут подчинены строгой плановой системе. Это говорит о том, что и в руководстве тактической подготовкой, так же как и в руководстве боем или операцией, необходимо иметь резко выраженное направление главного удара, четкую генеральную линию, которая всем отдельным звеньям обучения уделяет необходимое внимание и, соподчиняя их друг другу и ведя их во взаимодействии, регулируя ход подготовки на протяжении всего года, достигает намеченных результатов как целостной и стройной системы.

Для того чтобы наметить основную линию в плане учебной подготовки, необходимо учесть итоги предшествующего периода, учесть новые боевые ресурсы и средства, накопленный тактический и методический опыт и в соответствии с этим определить новую систему мероприятий. Учитывая опыт истекшего учебного периода, нельзя ограничиться только общей характеристикой всех достижений или недочетов вообще. Успешно поднимать тактическую подготовку можно лишь тогда, когда правильно уловишь всю систему недочетов и в этой системе определишь ее центр тяжести. Это будет правильно и для дела подготовки каждой отдельной части, и для подготовки округа, и для подготовки всей армии. Необходимо не только определить всю сумму успехов и недочетов, но нужно уметь найти в ней корень корней этих успехов и недочетов, найти его происхождение, его характер, его влияние на всю систему подготовки и на ее развитие. Без этого прошлый опыт окажется неучтенным, непонятым и не могущим быть использованным для дальнейших усовершенствований.

После того как в системе учебно-тактических достижений и недочетов нащупан центр их тяжести, вся сумма воспитательных и учебных мероприятий в новом учебном плане должна быть построена так, чтобы ее ударное острие, центр тяжести всех новых мероприятий были направлены по источнику, по корням прошлых недочетов. Заостряя на этом вопросе все общественное внимание, направляя всю воспитательную и учебную деятельность в области тактической подготовки так, чтобы они служили делу развития этой основной установки, мы тем самым создаем плановую подготовку, охватывающую все звенья тактико-стрелкового воспитания и обучения, но развивающуюся в направлении определенной, четко выбранной линии.

Основная установка истекшего учебного года, ставившая во главу угла развитие активности, мобильности, изобретательности, смелости в войсках, в отдельных бойцах и командирах, связывала воедино всю систему нашей боевой подготовки и решительно двигала ее вперед.

Результаты выучки говорят нам о том, что целевая установка и методика обучения в прошлом году, так же как и ряда всех последних лет, являются совершенно правильными, подтверждающими себя всем ходом развития армии. Все те элементы, консервативно настроенные, которые не умели вовремя уловить новых требований, новых учебно-методических установок, опровергнуты самой жизнью, а войсковые организмы, руководимые такими элементами, оказывались и оказались по результатам тактических достижений далеко позади тех войск, где применялись новые прогрессивные методы общевойскового тактического воспитания и обучения.

Наша новая система тактической подготовки, новая относительно, ибо имеет уже за собой четырехлетнюю давность, так же как и наш новый Полевой устав¹, характерна сочетанием планового начала регулирования сверху с требованием активности и самостоятельности самих войсковых масс, одиночного бойца, младшего командира и всех звеньев воинской иерархии. Сочетать эти качества нелегко, но они являются неслучайным, неотъемлемым содержанием хорошо подготовленной части. В ходе проведения нашего тактического обучения зачастую приходилось сталкиваться и в центре, и на местах с непониманием новых требований Наркомвоенмора, с консерватизмом, с косностью, с отставанием старых, допотопных методов подготовки и с противопоставлением их новым, прогрессивным методам.

Каких только возражений не изобреталось! На требования изучить технику современного боя, организацию управления боем в глубину, на указание развить посреднические навыки в целях организации глубокого, двухстороннего тактического учения и т. п. возражали: «но ведь это развивает схематизм, это губит инициативу, это повлечет к катастрофе». С другой стороны, на нажим в сторону развития активности, самостоятельности и мобильности мы слышали опасения противоположного характера: «развитие мобильности и активности вырывает из рук командира управление боем, тактика подменяется спортивным элементом, быстрота решений и действий нарушает тактические требования» и т. п. Если консервативные опасения первого порядка приходилось больше всего слышать в первые годы проведения нашего нового курса тактической подготовки, то опасения второго порядка, не менее консервативные, пришлось нередко слышать в течение истекшего учебного года. Абстрактное метафизическое мышление, развивавшееся в военных школах царской армии, еще отдается эхом и

¹ Автор имеет в виду Полевой устав 1929 г. — *Ред.*

в наши дни. В царской школе если теоретически и признавалось, что время является одним из важнейших элементов тактики, то в практической работе, в решениях задач этот элемент совершенно исключался. Развитие тактического мышления предполагало умение правильно оценить расположение и действия противника, учесть рельеф местности и принять правильное решение в отношении группировки и действий своих войск. Решение задач не укладывалось в рамки того времени, которое фактически командир может иметь в бою. Тактическое мышление развивалось в пространстве, но вне времени.

Этот «блестящий» метод подготовки был перенесен и в военную школу Красной Армии, всецело практиковался в ней в годы гражданской войны и после нее и все еще не изжит в ней. Только такое преподавание могло повести на деле к тому, что отдельные голоса среди нашего командного состава стали противопоставлять тактику и мобильность, что является крайней безграмотностью. Во встречном бою решение, принятое в 12 часов по данным об обстановке от 9 часов, явится никуда не годным, безграмотным, хотя бы оно было и идеально грамотно три часа тому назад. И наоборот, может быть и не столь правильное решение в отношении оценки действий противника и использования местности, но решение, принятое на основании последних данных и соответствующее данной стадии развития боя, является тактически более грамотным, более правильным, чем в первом случае. Нельзя противопоставлять мобильности тактику. Тактика опирается на мобильность как на основную часть тактического руководства боем, опирается на нее, считает ее своей составной частью и никак не может ей противопоставляться.

Точно так же не могла противопоставляться плановость руководства боем самостоятельности и подвижности войсковых масс. По этому поводу говорилось уже достаточно, и нет надобности повторяться. Нужно сказать, что истекший учебный год характеризовался значительным усвоением всей массой нашего командного и политического состава и всем общественным красноармейским мнением новой методики тактического обучения и воспитания.

Крупнейшим достижением нашей методической работы истекшего года является то, что мы сумели овладеть всеми каналами проведения подготовки. Наш командный состав тактическую подготовку ставил во главу своей задачи. Наши штабы сделали значительный сдвиг в сторону организации боевой подготовки. Но особенно крупный сдвиг по сравнению с прошлым годом дало участие в деле тактической подготовки политических органов и партийных организаций. Вокруг основных установок, вокруг основных тактических требований, предъявляемых к войсковым частям, заострялось широкое общественное внимание. Военкоры принимали деятельное участие на фронте тактической работы. Впервые был применен тактический инструктаж военкоров, что дало самые положительные результаты. Красноармейское перо

сыграло громадную роль в деле социалистического соревнования войсковых частей на фронте тактической подготовки. Недочеты не скрывались, они обсуждались вслух. Комсостав стремился информировать красноармейскую массу о задачах, о целях, о методах усвоения тех или других тактических положений. Можно констатировать, что там, где целевые тактические установки доводились до сознания красноармейских масс, где красноармеец являлся активным фактором тактического воспитания своей части, — там эти задачи осуществлялись успешно. В первую очередь необходимо отметить, что перелом в мобильности и подвижности произошел именно потому, что эти целевые установки были усвоены всей красноармейской массой. Быстро воспринять полученное распоряжение или реагировать на изменение в обстановке, быстро изготовиться к действиям и выступить с ночлега, быстро развернуться, быстро и четко делать перебежки и проч. и проч. — все это являлось для красноармейца вопросом его долга перед своей частью, перед Красной Армией, перед всеми трудящимися. На этой базе росло и крепло социалистическое соревнование. Такая сознательная самостоятельность красноармейских масс ярко отразилась на всем характере боя и операции.

Значительно больший порядок на марше, движение, согласно уставу, по одной стороне дороги, быстрота развертывания, быстрота наступления, быстрота в изготовке к открытию огня, самостоятельное просачивание во всякую щель в боевом порядке противника — все это резко отличало достижения этого года по сравнению с предыдущими годами. Но и не только в этой области, т. е. в области четкости и мобильности, смелости и инициативы, сказалось влияние общественного красноармейского мнения. Можно отметить, что во всех областях тактической выучки, там, где мы апеллировали к такому самосознанию и общественному мнению, мы неизменно достигали успеха.

Там, где красноармейцы понимали значение придаваемой пехоте артиллерии, где они усваивали роль и значение отделения связи с пехотой (ОСП), там создавались такие условия, такое общественное мнение, которое исключало возможность небрежного отношения командира к связи с артиллерией, к своевременной постановке ей задач и т. д. и т. п. Можно смело сказать, что если хочешь преодолеть какую-либо трудную учебно-тактическую задачу, если хочешь добиться безусловного и четкого ее выполнения, то надо не только тренировать в этом командира, но и добиться усвоения этого требования в красноармейских массах. Если комсостав, политорганы и парторганизации добьются в этом успеха, то можно смело сказать, что вопрос будет практически усвоен быстро и прочно.

Само собой разумеется, что мы и раньше понимали значение и стремились к организации соответствующего общественного мнения и влияния вокруг вопросов тактической подготовки, однако, надо сказать, что впервые в этом году мы его разрешили плано-

и успешно. Это достижение является фактором крупнейшего методического порядка, позволяющим нам с гораздо большей решительностью и смелостью ставить перед собой новые задачи и добиваться окончательного усвоения ранее поставленных. Те совещания начальствующего состава, которые имели место в округах по итогам тактико-стрелковой подготовки, говорят нам об общем росте тактического уровня как командиров, так и политработников. Политаппарат поработал в этом году над вопросами тактики не покладая рук, и тактически его подготовка значительно возросла.

К достижениям тактико-стрелковой подготовки за истекший год, помимо решительного роста активности, мобильности и совершенствования наших учебно-методических навыков, можно было бы отнести и еще целый ряд успехов по различным отраслям тактической подготовки. Однако, не имея места останавливаться на характеристике отдельных достижений и недочетов (причем нужно оговориться, что в этом отношении нет общей равномерности в достижениях), перейдем к основным вопросам, встающим перед нами в деле дальнейшего тактического усовершенствования. Истекший год характеризовался значительным ростом нашей технической мощи в связи с проводимым темпом индустриализации страны. Это мы чувствовали не только по линии специально военной, но и по линии общего накопления технических ресурсов в нашей стране. Рост автомобильного транспорта, рост количества тракторов и т. п.— все это не могло не отразиться на нашей учебной работе. Совершенно естественно поэтому, если в войсках в период учений и маневров по их собственной инициативе стали применяться элементы моторизации и т. п. Мы должны учесть этот ход развития и направить его организованно и планомерно. Мы должны учитывать, что второй год пятилетки, совпадающий с наступающим учебным годом, явится еще более форсированным в деле накопления технических ресурсов. Это мы должны отразить в программе предстоящего учебного года. Мало того, мы должны подумать и о своего рода учебной пятилетке, согласованной с общим хозяйственным планом индустриализации страны.

Научиться овладеть нужными техническими средствами, найти наилучшее их применение в бою и операции, усвоить их, психологически привыкнуть к ним — все это требует времени, и поэтому необходимо заранее в учебно-методическом отношении предусмотреть новые факторы в области развития материальной части и соответственным образом подготовить и выковать кадры, способные с максимальной продуктивностью и эффективностью использовать новые технические достижения и богатства. Во всяком случае в текущем учебном году мы должны подойти ко многим вопросам такого порядка вплотную. Другим фактором крупнейшего значения для подготовки армии является выход Полевого устава 1929 г.

Этот устав дает обобщенный опыт и завершение наших тактиче-

ских исканий за все последние годы военного строительства и учебы. Красная Армия уже вполне подготовлена всем ходом предшествовавшей подготовки к тому, чтобы воспринять ПУ — 29 прочно и сознательно. Однако нужно иметь в виду, что ПУ — 29 дает весьма основательно разработанную систему общевойскового боя, которую необходимо в совершенстве усвоить для того, чтобы изжить все еще имеющиеся дефекты в области общевойскового боя.

На основе значительно развившихся мобильности, активности и самостоятельности войск, на основе высокого уровня их политико-морального состояния и развития этих качеств еще далее мы должны в текущем учебном году добиться везде образцовой работы общевойскового боевого порядка, гибкости и взаимодействия его составных частей, значительного роста его огневой мощи, овладения высшими формами боя и практического изучения новых технических факторов в бою и операции. ПУ — 29, охватывающий все эти вопросы, должен стать основным стержнем в развитии нашей тактико-стрелковой подготовки. Без его практического изучения, без умения применить его на практике невозможно дальнейшее тактическое совершенствование.

Остановимся на некоторых основных положениях общевойсковой тактики, наиболее трудно усвояемых. В первую очередь приходится отметить метод принятия общего тактического решения. Нельзя допускать постановки частных задач подчиненным единицам без того, чтобы была выработана основная идея боя, без того, чтобы был намечен общий план боя. Необходимо добиваться выпуклого, четкого решения для всей части в целом (направление главного удара, каким флангом и проч. и т. п.). На основе общего решения необходимо требовать построения боевого порядка (ударной и сковывающей групп, распределения артиллерии)¹. Только после решения этих вопросов возможна грамотная и четкая постановка задач отдельным подразделениям.

Идеальное усвоение вопроса о вторых и третьих эшелонах должно привлечь к себе самое серьезное внимание. Нигде, пожалуй, не сказывается с такой яркостью консерватизм, как именно в этом вопросе. Дальнейшая и настольная современного огня создают на поле боя глубоко простреливаемые убойные пространства, по которым движение невозможно с любой желаемой скоростью, на которых быстроту движения для первых и последующих эшелонов можно считать почти одинаковой. В силу этого опыт последних войн, а также и опыт мирного времени показывает, что резервы не могут быть введены в дело с желаемой для старшего начальника скоростью, в желаемое время, в желаемом месте. Резервы должны преодолевать на своем пути большое сопротивление.

¹ ПУ — 29 подразделял группу войск, предназначенную для нанесения главного удара на решающем направлении (ударная группа), и более слабую группу войск, обеспечивающую успех главного удара и наносящую вспомогательный удар, под наименованием «сковывающей группы». Позднее от понятия «сковывающая группа» отказались.— *Ред.*

Им приходится бороться с пулеметным и артиллерийским огнем противника. Им приходится усиленно применяться к местности, производить перебежки, нести большие потери и т. д.

В период наступления пехота движется медленнее, чем во время прорывания оборонительной полосы противника. Это прорывание происходит после мощной артиллерийской подготовки, после того, как огневые точки противника окончательно установлены и взяты под обстрел пулеметов и артиллерии наблюдающего, после того, как обороняющийся уже потрясен морально огнем и т. д. В период наступления такого положения нет. Еще продолжается дополнительная разведка расположения огневых средств противника, еще продолжается пристрелка по ним, и только постепенно производится переход на поражение.

Словом, целый ряд обстоятельств делает для пехоты наступление более мешкотным делом, чем прорывание, и это в полной мере относится как к первым, так и к последующим эшелонам пехоты. Если учесть необходимость при наступлении вести систематический огонь по противнику, то, по всей вероятности, средняя скорость наступления никак не может быть больше одного километра в час¹. Было бы очень желательно произвести опытные занятия с боевой стрельбой для более приближенного установления хотя бы общих ориентировочных скоростей наступления пехоты до переднего края оборонительной полосы противника.

Таким образом, если второй эшелон отстанет хотя бы на один километр от первого эшелона, то нужно время не менее одного часа для того, чтобы достигнуть первого эшелона. Помимо того, потребуется дополнительное время на изучение направления, на личную рекогносцировку, на изучение расположения противника, на постановку огневых задач пулеметам и артиллерии и проч. и проч. Словом, время, потребное для ввода в дело отставшего второго эшелона, например, в стрелковом полку, уже измеряется часами. А это говорит о том, что такой эшелон практически не сможет повлиять на исход завязавшегося столкновения, не сможет в критический момент повлиять на его благоприятный для нас исход.

Нередко приходится сталкиваться с товарищами, не усвоившими ни ПУ — 29, ни БУП — 27, но которыми волей-неволей, в соответствии с уставом, задача решается так, что слово «резерв» и не упоминается. Говорится только об эшелонах. Но если вдуматься в сущность решения, то зачастую видишь, что задача второму эшелону фактически превращает его в резерв, ему не указывается общая цель действий, ему не дается свобода действий, он зажи-

¹ Такой медленный темп наступления, принятый в то время, объяснялся слабостью средств подавления обороны и в связи с этим необходимостью систематических остановок для ведения огня, а затем так называемого прогрызания обороны. Последующее обильное насыщение фронта артиллерией и особенно танками позволило вести наступление безостановочно и увеличить значительно его темп.— *Ред.*

мается в руках старшего командира. Подобно тому как мы имеем дело с лжекооперативами, где красуется вывеска «Кооператив», а на самом деле сидит частник, так же мы встречаемся и с лжевторыми эшелонами. Написано «Эшелон», а на деле имеется резерв. Несомненно, наследие старого преподавания не так легко с себя сбросить, не так легко усвоить новые прогрессивные требования ПУ — 29 и БУП — 27¹, но именно поэтому и необходимо обратить на этот вопрос особое внимание и методическими усилиями изжить имеющиеся недочеты. Наполеоновская схема использования резервов, когда таковые двигались по полю боя вне сферы огня, все еще внедряется в современные условия, где она абсолютно неприменима.

При воспитании и обучении действиям вторых эшелонов нужно вести подготовку с двух сторон. С одной стороны, необходимо добиваться, чтобы старший командир, организующий действия своей ударной группы, понимал бы ясно условия работы второго эшелона, правильно ставил бы ему задачу и давал бы ему свободу действий. С другой стороны, подчиненные командиры, работающие во главе вторых эшелонов, должны усвоить положения Полевого устава, которые говорят о том, что вторые эшелоны действуют совершенно самостоятельно, что если они даже не получают указаний и задач от старшего своего командира, то обязаны по собственной инициативе, по собственному почину принять своевременное решение и провести его в жизнь. ПУ — 29 указывает, что ответственность за несвоевременный ввод в дело второго эшелона несет в первую очередь и непосредственно сам командир второго эшелона.

Поэтому необходимо проводить большое число задач и учений на действия второго эшелона, где командир последнего должен по обстановке принимать совершенно самостоятельные решения, не ожидая никаких указаний от своего старшего командира. А для того, чтобы своевременно принять решение, командир второго эшелона должен двигаться в направлении поставленной ему задачи не отрываясь от первого эшелона, должен быть впереди, должен лично рекогносцировать местность и расположение противника, поддерживать непрерывную связь с первым эшелоном и информироваться от него о ходе боя.

К вопросу о правильных действиях вторых эшелонов нужно привлечь внимание широкой красноармейской общественности. Необходимо, чтобы красноармейская масса понимала те требования, которые предъявляются ко вторым эшелонам, ту самостоятельность и обязательность инициативных действий, которые установлены ПУ — 29, чтобы она исключила из обихода и своего сознания самую возможность «ожидания распоряжений».

Опыт истекшего года показывает нам, что там, где общественное мнение клеймило «ожидających распоряжений», там такого рода «полевых бюрократов» не наблюдалось, а те, кто этим делом

¹ Имеется в виду Боевой устав пехоты 1927 г.— *Ред.*

грешили раньше, перевоспитались в духе уставных требований Красной Армии, в духе инициативы, смелости, изобретательности и самодеятельности в бою.

Очень сложен вопрос о поддержке вторых и третьих эшелонов артиллерией. Весьма редко бывают условия, когда артиллерии хватает. Обычно чувствуется артиллерийский голод, и в силу этого она вся поддерживает первые эшелоны, и часть ее переключается во второй эшелон лишь при соприкосновении последнего с противником. Переключение — это дело весьма деликатное, так как очень легко может стать, что оно останется лишь на бумаге, не будет проведено в жизнь. Без наличия отделения связи с пехотой (ОСП) в стрелковых ротах поддержка артиллерии должна считаться фиктивной. А вместе с тем при использовании артиллерии второго эшелона в первом эшелоне, очевидно, в последний будут направлены и ОСП. Таким образом, общевойсковой и артиллерийский командир, организуя обслуживание артиллерии вторых эшелонов, должен уделить самое серьезное внимание вопросу переключения артиллерии и обеспечить это организационно. Следует здесь заметить, что далеко не всегда возможно оставить второй эшелон без артиллерии даже в период его движения без соприкосновения с противником, так как для преодоления открытых мест ему зачастую потребуется подавление станковых пулеметов противника, не говоря уже об его артиллерии.

В работе по повышению качества общевойсковой тактики необходимо обратить особое внимание на стрелковый батальон. Эта единица, хотя и необщевойсковая в смысле постоянной организации, является все же таковой во время боя. Батальон никогда не действует без артиллерии, батальону придаются танки и т. д. Можно без всякого преувеличения сказать, что если батальон не будет подготовлен отлично в общевойсковом отношении, не будет уметь взаимодействовать с другими родами войск, то фактически сведется на нет все руководство общевойсковым боем. Батальон является инстанцией практического применения взаимодействия различных родов войск. Батальон является основным агентом общевойскового боя. Поэтому на подготовку батальонов и их командиров необходимо обратить особое внимание и под этим углом зрения проводить учебную работу в течение года. На готовом батальоне гораздо легче будет достигнуть общевойсковой слаженности стрелкового полка и дивизии.

Наиболее сложным вопросом для батальона в бою является период его сближения, что и подчеркивают БУП — 27 и ПУ — 29. Батальон должен двигаться скрытым подступом, общим строем, хотя бы и разреженным, командир батальона должен идти впереди и лично разведать расположение противника. На основании полученных данных батальонной и личной разведки командир батальона принимает общее решение для боя батальона, т. е. намечает направление главного удара, делает построение ударной и сковывающей групп, распределяет артиллерию для поддержки стрелковых

рот, намечает план развертывания батальона. Это развертывание должно произойти для обороняющегося противника внезапно, причем еще до развертывания стрелковых рот пулеметная рота и артиллерия должны открыть огонь по обнаруженным огневым очагам и наблюдательным пунктам противника.

Такая система действий легко может принять уродливые формы, если командир батальона не будет двигаться впереди, если его батальон не будет двигаться замаскированно, а будет колонной проходить открытые места, если развертывание будет произведено до принятия конкретного решения и до организации пулеметного и артиллерийского огня. Правильная организация сближения в батальоне является залогом морального потрясения противника и успешных действий наступающего батальона, но лишь при условии, если методы наших уставов будут восприняты по существу и не будут принимать уродливых форм. Некоторая потеря времени, которая требуется на принятие командиром батальона решения и заблаговременное открытие огня, с лихвой компенсируется дальнейшими бесперебойными и успешными действиями и уменьшением потерь в живой силе. Для достижения хороших результатов в такого рода действиях необходимо умение хорошо ориентироваться по карте, но, с другой стороны, необходимо также приобрести привычку — прежде всего осмотреть противника на местности, указать его своим подчиненным, затем выбрать по карте, а после разведать и на местности скрытый подступ для движения.

Ошибки, унаследованные от приемов царской армии в действиях стрелковых батальонов, имеющие первоисточником все тот же вопрос развертывания стрелковых рот до принятия общего решения о бое батальона, по существу, означают неумение и непонимание того, как надо организовать маневр живой силы, построенный на использовании пулеметного и артиллерийского огня. Эти ошибки, это непонимание чреваты большими опасностями. Они скажутся большими потерями в боях, снижением темпа наступления, кровавыми неудачами, а в мирное время они порождают и другую ошибку, заключающуюся в противопоставлении тактической и стрелковой подготовки.

Непонимание того, как маневр организуется на базе определенным образом организованного огня пулеметного и артиллерийского, непонимание того, что в этом и заключается вся сущность взаимодействия и львиная доля всей общевойсковой тактики, ведет к тому, что стрелковое дело рассматривается отдельно от тактического его применения и даже противопоставляется ему. Иногда можно встретить таких командиров, которые всякий нажим на тактическое совершенствование рассматривают как пренебрежение стрелковой подготовкой, не понимая того, что стрелковая подготовка и необходимость ее рационализации, повышение ее эффективности именно и вытекает из всех условий и требований общевойскового боя и что эта стрелковая подготовка не может вестись

сама по себе, а должна развиваться под углом зрения предъявляемых ей тактикой требований.

Сложность действий стрелкового батальона в бою, постоянная задача ему других родов войск ставят перед нами во весь свой рост задачу еще большего усовершенствования полевой службы управления при батальоне. К этому вопросу необходимо отнестись с полной серьезностью и с точки зрения организационной, и с точки зрения полевой практики.

Общевойсковой бой не может быть хорошо усвоен, если стрелковые командиры не знакомы с организацией боя артиллерией, методами организации ее управления в бою, с составом огневых позиций и проч. Вместе с тем для правильной организации артиллерии в бою необходимо усвоить характер и сущность пехотного боя. Без понимания этой сущности ни общевойсковой командир, ни артиллерийский не смогут как следует наладить артиллерийского огня и взаимодействия пехоты с артиллерией. Необходимо знать время, потребное на организацию управления в артиллерийском полку, дивизионе, батарее. Необходимо понимать, какой стрелковый командир может давать конкретные целеуказания артиллерии в различных условиях боя. Например, когда оборонительная полоса противника хорошо разведана, имеются точные данные о размещении его пулеметных средств, наблюдательных пунктов и т. п., совершенно очевидно, что даже командир дивизии может поставить артиллерии совершенно конкретные огневые задачи. В этом случае совершенно естественно будет, если командир дивизии откажется от распределения артиллерийского полка и подчинит его непосредственно себе на весь первый период боя.

Это правило можно было бы сформулировать так: артиллерия подчиняется тому стрелковому командиру, который может дать ей конкретные точные целеуказания. Другое дело будет, например, во встречном бою или при наступлении на обороняющегося противника, когда не разведаны точно ни передний край его обороны, ни расположение его огневых средств. В этих случаях все эти точные данные будут поступать в стрелковые роты и батальоны, которые и будут в первую очередь ознакамливаться с действительным расчленением боевого порядка противника. Это говорит о том, что во встречном бою или при наступлении на обороняющегося противника, когда нет времени на производство заблаговременной разведки единственными стрелковыми командирами, могущими ставить артиллерии конкретные и точные целеуказания, являются командиры стрелковых батальонов и рот. Следовательно, в этих условиях централизация управления артиллерии была бы неправильна.

Но даже и во время прорыва хорошо разведанной оборонительной полосы противника, когда артиллерийский полк подчинен непосредственно командиру дивизии, централизованное управление артиллерией не может быть одинаковым во все периоды боя. ПУ—29 говорит, что такая централизация применяется в период сбли-

жения и наступления пехоты, а также в период прорыва переднего края оборонительной полосы противника. С момента прорыва переднего края и начала прорыва в глубину артиллерия должна быть децентрализована, так как борьба в глубине позиции и очаги сопротивления противника не могут быть предусмотрены заранее, а будут выявляться в процессе прорывания, и, следовательно, целеуказания по очагам смогут дать только командиры стрелковых батальонов и рот. Если к этим соображениям прибавить еще время, потребное на организацию централизованного управления артиллерией, то вопрос станет совершенно ясным.

Однако на практике это далеко не так просто усвоится стрелковыми командирами, потому что они не всегда знают организацию артиллерии в бою, и артиллерийские командиры не уясняют себе природы пехотного боя и не всегда понимают, кто и в какой обстановке может поставить им точные конкретные целеуказания. Такое непонимание зачастую приводит к беспорядочной централизации управления артиллерией, к «ультрацентрализаторским зажимам».

Вполне понятно, что несоответствие между организацией управления артиллерией, степенью ее подчинения и степенью реально осведомленных целеуказателей — стрелковых командиров — означает на деле не плановую организацию боя, а его дезорганизацию и нарушение взаимодействия пехоты и артиллерии. ПУ—29 дает по этому поводу исчерпывающие указания, и необходимо добиться практического усвоения их как стрелковыми, так и артиллерийскими командирами. В этом вопросе организующая роль принадлежит войсковым штабам, которые должны уметь спокойно и беспристрастно оценить действительный характер боя и предложить командиру такое расчленение и организацию управления артиллерией, которые по периодам боя обеспечивали бы подчиненную работу артиллерии реальным целеуказанием.

Вопрос взаимодействия пехоты и артиллерии имеет значение не только для хода самого боя, но оказывает и решающее влияние на развитие армейской операции. Хорошо взаимодействовать — значит целесообразно использовать снаряды, а это означает экономию в их подвозе. Современные средства артиллерийского поражения позволяют нам справиться с любой задачей прорыва. Нет такой оборонительной полосы, которую нельзя было бы прорвать при наличии необходимой артиллерии и снарядов.

Таким образом, в масштабе первого сражения большой операции вопрос поражения обороняющегося противника, прорыва его укреплений не представляет трудноразрешимой задачи. Эти трудности возрастают вместе с развитием операции в глубину, где отступающий неприятель может оказывать систематическое сопротивление, обороняясь с применением крупных пулеметных средств, в которых теперь не может быть недостатка. Для прорыва арьергардных оборонительных полос, хотя бы и наспех занятых и приспособленных к обороне, все же требуется мощный огонь артилле-

рии, и если только войска не будут уметь расходовать огнеприпасы рационально, то, имея даже большие успехи в первом сражении, они будут выдыхаться и задыхаться по мере развития операции в глубину. Поэтому на вопрос взаимодействия, повышения его качества необходимо обращать внимание не только с точки зрения самого ведения боя, но и в более широкой перспективе.

Вокруг вопросов взаимодействия артиллерии и пехоты, наличия ОСП при стрелковых ротах, умения действовать отдельными орудиями, на чем так настаивает БУП—27, совместного, по возможности, расположения пехотных и артиллерийских командиров на наблюдательных пунктах, неотрывных действий ОСП с наступающими стрелковыми ротами при любой скорости их продвижения и проч.—в отношении всех этих вопросов должно быть создано общественное мнение, исключающее невнимательность или незнание в данной области. Командный состав, политорганы, партийные организации, военкория, красноармейский актив должны добиться полного усвоения красноармейскими массами основ взаимодействия пехоты и артиллерии и в первую очередь вопросов наличия ОСП в роте. Каждый красноармеец всегда должен знать, какая батарея, какой номер, из какого дивизиона поддерживает его роту, где будет двигаться ОСП, как его искать, подчинена ли батарея командиру роты или только его поддерживает и т. п. Только при глубокой проработке этого вопроса мы создадим условия, исключающие разнобой в этом решающем деле для общевойскового боя.

В проработке оборонительного боя необходимо обратить внимание на упорство обороны. Руководители и посредники должны выработать способность даже у самых мелких подразделений обороняться в условиях окружения, держась отдельными островками. Только такая практика и такое упорство обеспечат своевременный ввод в дело ударных групп обороняющегося в условиях, когда боевой порядок прорывающегося разорван и расстроен. Следует обратить внимание на быстроту и четкость управления в обороне. Если наступающий развивает форсированный темп прорывания, то обороняющейся стороне очень нелегко своевременно реагировать на изменение обстановки, нелегко своевременно ввести в дело ударную группу и восстановить положение и т. п.

Наконец, необходимо обратить внимание на то, чтобы уставные положения для обороны не нарушались. Нет-нет да придется встречаться со случаями, когда, например, командир полка делает нарезку батальонных районов обороны не с общими разграничительными линиями, как это требует ПУ—29, а кружочками, с интервалами между ними, т. е. центрами сопротивления, по польской оборонительной системе. В польском уставе мы определенно видим упор на положение, чтобы командир батальона подбирал в свои руки твердое управление стрелковыми массами. Очевидно, стремление удержать войска в порядке, слабое развитие, с точки зрения защиты интересов буржуазии, боеспособности поль-

ского бойца — рабочего и крестьянина — заставляют польское командование искать спасения в батальонных островках. Само собой понятно, что эти островки, будучи расположены на характерных очертаниях местности, легко будут разгаданы и поражены артиллерийским огнем.

Наш устав требует противоположного. Он требует нарезки батальонных районов обороны с общими разграничительными линиями, т. е. в непосредственном соприкосновении. Это не значит, конечно, что все силы батальона должны равномерно быть распределены по всему району. Но это значит, что батальон несет ответственность за оборону всего порученного ему района, причем располагать свои силы он должен так, чтобы артиллерия противника не могла бы нащупать нашего расчленения пехоты. Поэтому ПУ—29, точно так же как и БУП—27, усиленно рекомендует фланговый огонь пулеметов, расположение их на обратных скатах и т. п.

Для полного усвоения работы авиации и ее взаимодействия со стрелковыми и кавалерийскими частями необходимо практически поставить вопрос об изучении войсковыми командирами авиации в масштабе применения авиационной группы (АГ), согласно ПУ—29. Авиация — новое боевое средство, и если понимание артиллерии в основном уже вкоренилось в сознании всех стрелковых командиров, то значение авиации, ее типов и их свойств оставляет желать еще очень многого. Практически тренировка на общевойсковых тактических задачах по изучению ПУ—29 должна выдвинуть на видное место вопрос о тактических свойствах авиации, и этот вопрос должен быть основательно проработан и усвоен. Практическо-теоретическое изучение вопроса использования АГ на картах должно быть зимой и летом закреплено полевым тактическим взаимодействием.

ПУ—29 дает новые установки по использованию танков совместно с пехотой. Весьма многие танковые командиры не прочь были рассматривать танковый род войск как самостоятельно решающий участь боя. Действия танков понимались ими как самостоятельные. Роль пехоты сводилась к занятию пространства, очищенного танками. В этих взглядах сказываются те же самые ошибки, которые имелись и во взглядах многих артиллеристов до выхода БУА—27. «Группа общего назначения» по их понятиям решала бой. Пехоте не оставалось ничего другого, как занимать пораженное артиллерией пространство. Элемент времени, элемент быстроты, «очухивания» деморализованного противника здесь не учитывался, реальные возможности целеуказаний не принимались во внимание, и отсюда нарушалось взаимодействие пехоты и артиллерии, а тем самым предreshался и проигрыш боя.

ПУ—29 основной задачей танков считает содействие пехотной атаке, причем танки подчиняются пехоте, и каждый отдельный танк получает задачу поддержки того или другого стрелкового звена (роты), который он и обязан проталкивать вперед и от

которого получает целеуказания. Помимо того, ПУ—29 указывает и целый ряд случаев самостоятельных действий танков. По этому вопросу необходимо провести большую практическую работу, причем она особенно важна в стрелковом взводе и стрелковой роте.

Как упоминалось уже выше, рост автонасыщенности нашей страны постоянно толкал наши войсковые части на применение автосредств. Отсюда стихийно нарастает волна моторизованных действий. Это также необходимо ввести в систему. Средств для этого, считая и военные и местные гражданские, имеется совершенно достаточно. Путем моторизации передовых и разведывательных отрядов и т. п. можно приучить войска к приобретению навыков в этом наиболее прогрессивном виде организации современной армии. Помимо того, очень желательно, чтобы Осовиахим вместо стрелковых батальонов выводил к нам на войсковые учения и маневры авиамоторизованные части. Эти части, в состав которых, как правило, должна входить авиация, необходимо снабжать дорожно-мостовыми взводами с возимым запасом особых приспособлений для преодоления заболоченных мест; связь в авиамоторизованных отрядах должна быть радиофицирована.

Успешное усвоение общевойскового боя может быть достигнуто лишь в том случае, если работу войсковых штабов удастся поставить на высокую ступень. Особенно надо обратить внимание на работу штабов полковых и батальонных. Организация управления боем не только в начальной его стадии, но и во всем процессе боя является делом трудным, требующим большой подготовительной работы, предвидения, сочетаемого с четкой и быстрой импровизацией в самом процессе развития боя. Очень трудной отраслью деятельности штабов является организация разведки. Разведка приобретает подлинную ценность лишь в том случае, если она дает своевременно необходимые данные, если управление боем идет не само по себе, а может по времени основываться на этих данных. Быстрота развития маневренного боя делает такую задачу очень сложной и трудной. Многое зависит от предвидения штабных работников.

Необходимо усвоить динамику разведывательной работы: задание на разведку перед боем должно дополняться отдельными задачами доразведки тех звеньев в расположении и действиях противника, которые остаются неясными или вызывающими сомнения на основании прежде полученных данных. Такая нарастающая система уточненных разведывательных целеуказаний, сопровождаемая соответствующей организацией разведывательных действий и обработкой данных разведки, должна явиться надежнейшей базой для управления общевойсковым боем. В процессе развития боя в глубину большие задачи перед штабом встают в области связи в соответствии с переходом командных и наблюдательных пунктов, и этот вопрос должен быть основательно проработан на основе указаний ПУ—29.

Выход из боя и арьергардные бои должны сопровождаться

службой заграждения, т. е. разрушением и созданием целого ряда препятствий на пути наступающего противника, с тем чтобы всемерно его задерживать и заставить оторваться его артиллерию и обозы. Служба заграждения является не только саперным делом. Этим новым вопросом в полном объеме должен заинтересоваться каждый войсковой командир и основательно его изучить.

Общевойсковой бой должен быть усовершенствован и нашей конницей. Удар в конном строю является наиболее сильной стороной конницы. Но этот удар должен быть обязательно подготовлен артиллерийским и пулеметным огнем. В этом и заключается искусство общевойскового боя, искусство взаимодействия для конницы в современном бою, где конница встретит сопротивление, во много раз возросшее, и механизированные силы пехотного огня. Деятельность конницы не сводится, однако, только к конному бою. Применение ее чрезвычайно многообразно. Она должна уметь отлично действовать в спешенных порядках, действовать не хуже пехоты. И в спешенном порядке точно так же уметь взаимодействовать с пулеметным и артиллерийским огнем. Служба ОСП должна быть поставлена везде образцово. Особенно большую пользу могут сыграть кавалерийские части, даже при значительно превосходящих силах противника, когда у него обнажен один из флангов и когда конница может обтекать этот фланг, перемежая действия в конном и пешем строях. Современная конница должна усиленно тренироваться в совместных действиях с пехотой, авиацией и бронетанковыми частями.

Задачи по подготовке технических родов войск весьма многообразны, но, к сожалению, на них за недостатком места нет возможности останавливаться в настоящей статье. Во всяком случае, следует сказать, что вся подготовка технических войск должна вытекать из основных установок общевойскового боя и ведения армейской операции.

Несколько слов о стрелковой подготовке. Уже упоминалось выше о том, что из недостаточного понимания задачи взаимодействия различных родов войск и непонимания общевойсковой тактики как системы, объединяющей огонь и движение, вырастает иногда противопоставление тактической и стрелковой подготовки. Это чрезвычайно опасное заблуждение. Стрелковое дело должно вестись целиком и полностью под руководством и как составная часть общевойсковой тактики.

Тактический рост Красной Армии требует от нас неустанной работы по дальнейшей рационализации стрелкового обучения и по повышению эффективности стрельбы. Усовершенствование знаний теории и практики стрельбы, укрепление бойцов физически, а также изучение и применение научных методов организации стрелкового обучения — все это должно нам дать быстрый дальнейший рост стрелковой мощи.

Выше уже упоминалось о том, что необходимо всемерно искать способы экономии в расходовании снарядов. Один из вернейших

путей — хорошая методика стрельбы. Это касается и артиллерий, и пулеметов, и винтовок. Кстати, упомянем, что вопросу снайперской подготовки должно быть уделено большое и пристальное внимание.

Еще раз не лишне остановиться на роли и значении посреднического аппарата в деле тактической подготовки. Недостаточная активность посредника, недостаточная его сметливость и расторопность будут создавать на двухсторонних учениях противоестественные, с точки зрения хода боя, положения, которые дезорганизуют бойца и прививают ему неправильное представление о современном бое. Посредник должен всегда постыть на линию огня, должен быстро ориентироваться в соотношении сторон и в их действиях и рядом приговоров сторонам на различных участках столкновения должен создать картину гибкого и неравномерного развития боя. Посредник должен приучить оборону к упорству, а наступление — к смелости и предприимчивости. Путем вводных данных, вводом приговоров сторонам на отдельных участках, но, ни в коем случае не командуя сторонами и не вмешиваясь в распоряжения их командиров, посредник должен воспитывать в войсках уставные взгляды. Это требует большой тактической тренировки, отсутствия педантизма у посредника и его способности к быстрому решению и к быстрому передвижению по полю боя.

Несколько слов уже было сказано выше о необходимости прочного проникновения новых тактических методов обучения в нашу военную школу. Они должны идти вперед и являться толчками тактического совершенствования, а не идти в хвосте и на поводу. Мы должны добиваться того, чтобы в школах, как и во всей армии, обучаемые воспитывались по нашим уставам, чтобы за этими последними во всей системе подготовки и воспитания закреплялся бы необходимый авторитет и доверие. Никакое противопоставление своих личных тактических взглядов и воззрений нашим уставам при обучении в школах недопустимо. Полное, по существу, усвоение новых уставов и новых методов тактического обучения и воспитания — вот что должно быть на 100 процентов осуществлено нашими школами, которым необходимо решительно освободиться от всякого консерватизма и рутинерства.

Дальнейшее развитие тактических успехов Красной Армии ставит большие и серьезные задачи перед всем ее начальствующим составом, перед политорганами и парторганизациями. Успех в деле классового воспитания красноармейцев, в социальном отборе младшего командного состава и всего начальствующего состава в целом, устойчивое политико-моральное состояние армии, понимание красноармейскими массами генеральной линии партии, индустриализации страны и социалистической перестройки деревни, понимание обостряющихся отношений между империалистами и Страной Советов — все это создает прочную базу для наших дальнейших тактических достижений.

Но нужно сказать, что и начальствующему составу нельзя рас-

считывать на серьезные, решающие успехи в деле политического и тактического совершенствования армии без проведения более углубленной работы по поднятию своего теоретического, политического и культурного уровня. В выполнении задач наступающего учебного года мы должны, помимо развития и усовершенствования методики нашего тактического обучения и воспитания, учесть еще и тот колоссальный фактор, который с таким успехом проявил себя в истекшем году,— мобилизацию на дело подготовки всех наших каналов воздействия, привлечение к делу подготовки внимания всех слоев начальствующего состава, политработников, партийных организаций, красноармейской активности. Создав широкое общественное мнение вокруг вопросов тактико-стрелковой подготовки, мобилизовав на это все наши силы, направив их на наши основные недочеты, мы сможем на базе имеющихся уже достижений эти успехи развить и расширить во много раз и в деле укрепления обороны страны не отставать от темпа ее индустриализации и социалистического переустройства.

НА БАЗЕ ДОСТИГНУТОГО — К НОВЫМ ЗАДАЧАМ¹

Перед нами стояла большая задача — выполнить установки, поставленные Революционным Военным Советом Союза.

Большая, напряженнейшая работа всего нашего начальствующего состава, наших политорганов, громадная волна общественности в области вопросов боевой подготовки в нашем округе — все это дало ряд положительных сдвигов. Достигнутое является прочным фундаментом для дальнейшего движения вперед. Сейчас перед нами стоит задача — четко наметить пути предстоящего учебного года.

Товарищи, для того чтобы правильно поставить перед собою задачу, для того чтобы ее успешно осуществить, необходимо докопаться до корня всех корней какого-либо вопроса. Точно так же, как и в бою, как в ведении операции, приходится найти какой-то центр тяжести в расположении и в системе действий противника и наносить по нему удар, — точно так же и в деле подготовки мы не можем рассматривать все наши достижения одинаково полноценными. Поэтому найти какой-то корешок, за который мы могли бы ухватиться и потащить, привести всю машину в действие, чтобы можно было потащить за собою все отрасли военного дела, — это является вопросом не простым, а чрезвычайно трудным и сложным.

Когда мы в прошлом году пробовали определить, в чем заключается основной наш недостаток, то мы, как вы помните, единогласно пришли к мнению, что основным нашим недочетом, в который упираются все дальнейшие тактические совершенствования, является вопрос недостаточной нашей активности, недостаточной мобильности. И мы говорили, что, лишь только преодолев этот основной недостаток — нашу неподвижность, — только в этом случае мы сможем развиваться дальше.

Задача была сформулирована так: «Во главу угла должен быть поставлен вопрос о достижении решительного перелома в отношении увеличения подвижности и поворотливости войск, т. е. активности, инициативы и быстроты действий, решительности и смелости в принимаемых решениях и упорства в их выполнении». Основа методической установки заключалась в том, что все должно проводиться под углом развития нашей мобильности, точно так же как вся подготовка Красной Армии должна разви-

¹ Из доклада на совещании высшего начсостава ЛВО. «Красная звезда», 1929, 13 октября, № 237. — *Ред.*

ваться под углом зрения развития, в первую очередь, нашей тактической мощи.

Каким же образом мы разрешали это? Мы поставили перед собой задачу привлечь к этому вопросу широчайшее общественное мнение и красноармейцев и начсостава. Конечно, это дело не новое для Красной Армии. Мы всегда и по всяким вопросам заостряем общественное внимание. Но в истекшем году перед Красной Армией был поставлен совершенно конкретно, четко и остро именно этот вопрос, ибо без заострения общественного внимания на нашем основном недостатке, без привлечения всей красноармейской активности, общественности под руководством начсостава и наших партийных организаций, политорганов мы не сумели бы добиться здесь перелома.

Политорганы и партийные организации вполне организованно подошли к разрешению этой задачи. Если к этому прибавить еще усовершенствование методов подготовки и работы комсостава, переход к прикладным методам, при которых можно требовать большей четкости и быстроты в принятии и выполнении решения, то, как видно, вся эта система мероприятий была направлена в одно место. Мы мобилизовали красноармейский актив, нашу военкорию, постарались, сколько было возможно, подготовить военкоров, ознакомили их с тактическими требованиями, которые стоят перед войсками округа. Попробовали обучить их критическому подходу к происходящему на поле боя, на занятиях, чтобы они могли более самостоятельно отмечать, что идет в развитии наших установок, что — против и т. д.

В результате таких мероприятий всеми, без исключения, отмечается большой сдвиг в этом году.

Я не хочу сказать, что мы достигли всего, что нужно было в этом направлении. Несомненно, наша активность и мобильность может и должна быть еще повышена. Но в области мобильности, подвижности, активности мы имеем еще массу грехов и пробелов, и, несомненно, тот упор на тактическое совершенствование, который мы делали, мы должны сохранить и в будущем.

Основной вывод мы делаем совершенно положительный: наши войска встряхнулись, сумели развить навыки, создать такой обиход внутреннего распорядка во всех условиях боевой обстановки, когда мы больше не упираемся в недостаток подвижности и активности.

Я хотел бы остановиться и на ряде других достижений, которые мы имеем в войсках. К этим достижениям необходимо отнести более плановую постановку занятий с начальствующим составом. В прошлом году у нас в течение года было два-три слома нашей учебной установки. В прошлом году у нас не было объединенного плана для зимы и летней учебы. В истекшем учебном году, в 1928/29, мы имели одну общую плановую установку, которая охватывала и зимние, и летние месяцы учебы. Это явилось нашим большим достижением.

Дальше, мы имеем повышение ответственности командиров за войсковую часть. Мы имеем некоторый опыт, который едва ли удавалось сделать раньше, — действия пехоты с танками. Это является крупнейшим для нас достижением. Мы имеем более широкое применение, чем в прошлом году, химических средств во время боя. Мы провели зимой тактические действия на лыжах, что опять-таки дало большую тренировку войскам, показало, что можно растянуть тактическую программу общевойскового обучения не только на лето, но и на зиму, и открыло перед нами новые перспективы. В форсировании рек мы имеем безусловно успехи, резко шагнув от уровня прошлого года в этом отношении. Лесные бои точно так же увенчались в этом году успехом по сравнению с прошлыми годами.

Словом, по целому ряду вопросов мы имеем достижения. Поэтому можно сказать, что войска поработали в истекшем году недаром и повысили значительно свою активность и мобильность.

Вот этот решительный перелом в общей активности и мобильности делает уровень ряда отделов боевого обучения просто уже несоответствующим, а значит, для нас и определенно отсталым. На это определенно указывает и то обстоятельство, что в деле войскового боя не все дивизии округа достигли одинакового уровня. Уровень грамотности боевого порядка не у всех увязан с требованиями ПУ—29 и с тем, к чему обязывает достигнутая мобильность частей.

Прежде всего, о принятии решений. До сих пор, товарищи, встречаются еще командиры, которые начинают перечислять сразу задачи подразделения, без должного учета общей задачи. Отсюда получается бесформенное решение и, естественно, вытекает невозможность правильного построения боевого порядка. Отсюда вытекает и то, что командир, подчиненный ему, не слишком ухватывает основную идею его решения, ибо он не знает основной установки, основной идеи. На эту сторону необходимо обратить серьезное внимание.

Затем, встречаются еще командиры, которые не овладели построением боевого порядка по ПУ—29: эшелонирование боевого порядка, отказ от резервов, построение ударной группы двумя-тремя эшелонами, с тем чтобы вторым или третьим эшелонам, одновременно с первым эшелонам, ставились конкретные тактические задачи. Были случаи, когда говорят эшелону:

«Я вам дам задание тогда, когда вы дойдете до такого-то места».

Говорить так — значит не дать командиру второго эшелона никакого приказания.

Такое отношение ко вторым эшелонам сводит их, по сути дела, к резервам образца наполеоновской тактики, на которой воспитывали военные школы старой армии. Но сейчас бой развивается по-другому: сейчас нащупать можно только боем. Для этого надо двинуть первыми эшелонами. Первый эшелон продвигается

медленно, с большим огневым боем. И второй эшелон, если бы командир даже и хотел его двинуть, когда он нацупал пункт, то должен будет проделать такие же махинации: будет двигаться перебежками, под огнем. Значит, скорость движения второго эшелона не может быть больше, чем скорость первого. Отсюда-то и вытекало то решение, которое вложено в наш Боевой устав пехоты и которое закреплено в нашем Полевом уставе 1929 г.: второй эшелон должен получить тактическую задачу одновременно с первым эшелоном, и командир второго эшелона, получив эту задачу, действует совершенно самостоятельно.

Такое решение приняли потому, что во время войны резервы всегда запаздывали. Поэтому мы и перешли на новую систему.

Вопрос о вторых эшелонах является вопросом крупнейшего значения, без него не может быть живого боевого порядка. Поэтому нужно считаться с жизнью и решительно проводить в этом вопросе ту линию, которая проводится нашей Красной Армией, чтобы к требуемому уровню подравнялись решительно все; к этому вопросу должно быть приковано общественное внимание партийных организаций и политорганов. Нужно, чтобы начальствующий состав все внимание сконцентрировал на этом вопросе и в конце концов изжил эти резервистские настроения. Этот вопрос — один из крупнейших вопросов, который не допускает никаких, даже «некоторых», исключений.

Дальше, товарищи, вопрос действия наших батальонов. Тут сдвиг в хорошую сторону имеется более резкий. Батальоны уже усвоили требования Боевого устава пехоты. Они уже не разворачиваются за 3—4 километра в боевом порядке. Они идут теперь общим строем, закрытыми подступами и стараются сблизиться, с тем чтобы поближе сделать развертывание на основе принятого решения о бое. Но у некоторых комбатов и тут имеются дефекты. Если батальон движется закрытым подступом, то командир батальона должен выйти вперед. Прежде чем повести свой батальон в бой, он должен разведать подступы, разведать расположение противника самым элементарным образом. У нас же этого еще нет.

Основное требование устава состоит в том, чтобы, если надо вести батальон скрытым подступом, командир батальона, дойдя до конца подступа, смог бы рекогносцировать положение противника и принять решение о наступлении, развернуть батальон в развитие этого своего решения, причем развернуть под прикрытием артиллерийского и пулеметного огня.

Дальше, не у всех одинаково хорошо налажен в батальонах вопрос управления. В некоторых дивизиях над этим вопросом работали много, и там дело обстоит благополучно. Но в некоторых случаях не организуют у себя никакого управления, нет распределения труда между начальником штаба, адъютантом и остальными лицами, которые ему приданы. А между тем по Уставу 1929 г. батальон является, по существу, первой единицей обще-

войскового порядка. И тут одним командованием не обойдешься, здесь нужен хоть какой-нибудь штабик.

Дальше, об артиллерийском вопросе. По сравнению с прошлым годом, мы усвоили взаимодействие пехоты и артиллерии. Но достигнутые результаты общего темпа работы требуют теперь и по взаимодействию большего.

В чем заключается условие организации артиллерийского управления, которое заложено Полевым уставом 1929 г.? Оно заключается в **разнообразии установки**. Одно дело, когда командир наступает на обороняющегося противника, зная **расположение противника**. В таких условиях вполне правильно организовать **централизованное управление артиллерией**.

Централизация управления заключается в том, **кто является основным целеуказателем**. Если командир полка хорошо знает расположение противника, он может дать конкретное задание для обстрела по определенному объекту, и он имеет полное право управления. **Но если он не знает, если данные он может получить только в ходе боя, он не может организовать управления**. Артиллерийский начальник, который централизует управление артиллерией, всегда отдает основную массу средств на организацию и связь артиллерии. **И в этом случае не хватает связи с пехотой**. Когда централизуется управление артиллерией, то в эту сторону получается основной крен, основной нажим. Если так прорабатывается вопрос, то всегда отходит на второй план взаимодействие артиллерии с пехотой, а если и не отходит на второй план, то отступает перед основными задачами. И вот, когда командир полка централизует два-три дивизиона в руках одного начальника, подчиняет себе, не зная всей обстановки, значит, не конкретизируя задания артиллерии, то получается, что ни он не ставит цели, ни ротный командир. В общем — никто не ставит себе определенной цели для использования артиллерии. Артиллерия стреляет сама по себе, пехота наступает сама по себе, и нет взаимодействия артиллерии с пехотой.

Дальше — о работе отделений связи с пехотой (ОСП). Достигнутая войсками подвижность обязывает теперь наши ОСП к большему. Когда начинается движение в период атаки переднего края, то связь еще есть. Затем она зачастую нарушается. Это говорит, что в смысле взаимоотношений пехоты с артиллерией мы сделали еще не все то, к чему обязывает общий масштаб.

Некоторые командиры пехоты не интересуются артиллерией, не знают, подчинена ли она им или только придана, не интересуются, имеет ли ОСП достаточное количество кабеля. Эти вопросы, которые должны бы брать за живое каждого пехотного командира, не всегда еще его интересуют. С другой стороны, и некоторые командиры батарей недостаточно инициативны и самостоятельны. Они часто еще ждут распоряжений, не пуская в ход своего оружия, не принимая самостоятельного решения. Артиллеристам надо на этом участке подтянуться.

В использовании пулеметных рот имеются еще навыки шаблона: пулеметные роты или все время используются как пулеметные батареи, или же с самого начала распределяются по стрелковым ротам и не оказывают никакого влияния на ход боя со стороны командира батальона. А ведь в различных условиях и использование пулеметных рот различно. В период **развертывания** — целесообразно использовать пулеметную роту как одно целое. В период **прорывания** оборонительной полосы — пулеметную роту приходится **децентрализовать** и т. д. Нам нужно добиться, чтобы решительно все командиры батальонов умели строить свой маневр на тех огневых ресурсах, которые имеются. Совершенно противоестественно, когда батальонный маневр основывается не на огневых ресурсах, отсюда — противопоставление стрелкового дела — тактическому. Нам надо перебороть безграмотное рассуждение о том, что, сделав упор на тактическую подготовку, можно добиться хороших результатов, не добившись успехов в стрелковой подготовке.

Высокая подвижность, достигнутая частями, выдвинула особо большие требования перед разведкой. И в этом вопросе как коннице, так и пехоте надо много поработать, чтобы разведка была решительно поставлена в уровень общей подвижности и на основе нашего Полевого устава.

В организации обороны мы встретили еще некоторых командиров, которые не придерживаются строго того положения, чтобы между разграничительными линиями не было никакого промежутка. Необходимо этому делу положить конец и в этом году таких явных нарушений ПУ, такого отсутствия дисциплины не допускать. Дальше, товарищи. В прошлом году к нам было предъявлено требование организовать более упорную оборону. На деле же мы иногда видели, что, как только сбит передний край, начинается отход. Упорство обороны, приучение к обороне островками — это надо воспитывать. Можно отвести весь фронт, но оставить где-нибудь островок, который защищался бы до последнего и помог контратаке восстановить нарушенное положение.

Конница, для которой вопрос подвижности имеет особое значение по самой сущности этого рода войск, достигнутые в этом отношении результаты считать удовлетворительными для себя не может. И наряду с подтягиванием всех звеньев боевой подготовки вообще, конница и достижение подвижности должна на предстоящий год считать для себя задачей столь же актуальной, как и в прошлый год.

Какие установки можно теперь поставить на будущий год?

То, о чем я докладывал, говорит, что в той или другой степени все упирается в основу общевойскового боя, в ту основу, которая дана в новом Полевом уставе. В первую очередь мы должны изучить Полевой устав, изучить не по книжке, а изучить практически. Полевой устав дает ответ на все недочеты, которые мы здесь встречаем.

Необходимо, товарищи, нам кроме изучения Устава еще поставить перед собой и целый ряд практических вопросов. В этом году всем нашим командирам батальонов, комполкам, комдивам и высшему начсоставу надо дать возможность командовать батареями. Надо организовать хотя бы кратковременные стажировки между артиллерийскими и пехотными частями.

Но коннице новых установок ставить не следует. Ей надо повысить результаты, добытые по установкам прошлого года.

В этом году мы должны глубже поставить изучение авиации. Точно так же надо продолжать дальнейшее изучение в связи с ПУ действий танков. Есть еще целый ряд вопросов, которые нужно проработать. Например — связь. Обучение связи надо построить так, чтобы первые учения происходили только по световым сигналам, и только после усвоения можно присоединять радио, телефон и проч. Затем, товарищи, надо налечь на тыл.

Наконец, некоторые новые установки. Мне кажется, что моторизация не является делом такого отдаленного будущего. Опыты по моторизации воочью показывают, как иногда самый маленький моторизованный отряд может внести элемент такой неожиданности для противника, что совершенно переворачивает все привычные действия. Имеем ли мы достаточную базу для действий моторизованных частей? Да, основанне к этому мы имеем в связи с неуклонной индустриализацией страны. Этого мы не можем недоучитывать в развитии нашей боевой подготовки.

Мы должны крепче увязать работу военкоров с нашими задачами. Проведенная в прошлом году работа в этом направлении дала большие результаты. Если мы еще больше поднимем тактическую грамотность военкоров, если вместе с ними проработаем ряд целевых тактических установок, которые стали перед войсками, то несомненно, что сможем двинуть дело еще лучше.

И, наконец, мы должны сказать, что во всей тактической подготовке особое внимание нам следует обратить на стрелковую подготовку. Не может быть общевойскового боя и общевойскового совершенствования без решительного поднятия стрелкового дела.

Вот, товарищи, те основные установки, которые мы должны принять на будущий год. Они заключаются в том, что на базе реализации решений РВС СССР и ЦК партии по вопросам военного строительства, на базе дальнейшего развития нашей политической крепости, политической сознательности, классовой активности мы должны достигнуть еще более высокой степени мобильности, предприимчивости, активности, самостоятельности и т. п. В эту активность и мобильность мы должны вложить больше тактического общевойскового содержания. Этот основной упор на наше тактическое развитие мы должны вести в направлении всех установок, которые включены в новый войсковой Устав 1929 г.

НАШИ УЧЕБНО-ТАКТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ¹

Учебно-тактические установки являются основными предпосылками для годового учебного плана. Тактической подготовки нельзя вести «вообще». Это целиком и полностью должно относиться к войскам, а в значительной мере и к военно-учебным заведениям. Если вообще вся учеба должна ежегодно охватывать все стороны тактической подготовки, то основные нажимы и методические проработки должны каждый год отмечать наиболее слабые места тактических успехов. Такие учебно-тактические нажимы особенно напрашиваются в тех случаях, когда необходимо усвоить целый ряд положений, даваемых новыми уставами. Это целиком и полностью касается Красной Армии, получившей в своих новых уставах целый ряд таких положений, которых старые не давали.

Учебно-тактические установки, организуя годовой план учебы, предполагают параллельный рост и совершенствование, а главное, конкретное приспособление к этим установкам соответствующих методических форм обучения. Если учебно-тактические установки требуют верной характеристики имеющихся успехов и недочетов и правильной постановки дальнейших целей, то методика обучения должна проявить громадную гибкость и изобретательность для наиболее эффективного использования времени и достижения наилучшего усвоения определенных тактических форм и положений.

Хорошая тактическая подготовка, предполагающая умение быстро ориентироваться, быстро принять решение и провести его в жизнь, не может быть основана на одном, хотя бы и углубленном, изучении какого-либо вопроса, если это обучение не поставлено в рамки определенного времени и повторности упражнений. Учебно-тактический опыт должен прийти на помощь или на замену боевого опыта. Поэтому нельзя, например, просидеть над каким-либо тактическим положением в формах определенной задачи целый год (хотя бы при этом были всесторонне проанализированы и изучены особенности задачи) и достигнуть на ней необходимой степени опыта. Последняя достигается не только значимо-

¹ Из книги М. Тухачевского «Наши учебно-тактические задачи». М.—Л., Госиздат, 1929. — *Ред.*

стью полученного впечатления, но и количеством самих впечатлений.

Длительная работа над какой-нибудь одной задачей может позволить хорошо ее разработать, но это не значит еще, что обучаемый получит ту пользу, какую должен бы получить. Помимо того что он за длительный промежуток времени успеет освоиться лишь с одним каким-либо тактическим положением, он приучится еще к медлительности работы, к восприятию обстановки без учета того времени, которое он реально имел бы в боевой обстановке, приучится к принятию решений и проведению их в жизнь с гораздо большим прохладцем, чем это на самом деле позволяет боевая обстановка. Любовью к длительному обсасыванию задач и решениям их абстрактно, т. е. вне реального жесткого времени, весьма страдала методика царской армии, и этой же болезнью страдают немалые круги учебного и командного состава нашей Красной Армии. Это несчастное наследство мы с каждым годом отбрасываем в сторону, но пока что гири его мы чувствуем на своих ногах и до сего дня. Опыт истекшего учебного года говорит нам о том, что с этими допотопными методами решения задач вне конкретного времени и сокращением их числа до минимума надо решительно бороться. Объяснениями вроде того, что надо достигать успехов качеством, а не количеством, мы не должны позволить морочить себе голову. Понятно, что при известном числе задач количество их может перейти в скверное качество. Это надо трезво учитывать. Но, с другой стороны, мы должны видеть, что пока главная опасность грозит не отсюда. Во всяком случае, подготовку мы должны базировать на большом числе тактических упражнений, поставленных в жесткие рамки времени боевой действительности.

Постановка занятий должна отличаться большим разнообразием, должна увлечь обучаемого и вместе с тем должна давать ему возможность накапливать опыт. Поэтому общие тактические установки, несомненно, должны в смысле напора на ту или другую сторону обучения варьировать в зависимости от степени усвоения тех или других сторон тактики обучаемым.

Немалое значение имеет умение хорошо составить учебное задание. Последнее должно отвечать реальности современного боя. Учебное задание не терпит никакой искусственности. Как бы ни было заманчиво допустить некоторую искусственность, чтобы ярче оттенить какое-либо интересное тактическое положение, которое необходимо усвоить обучаемому, сделать этого нельзя. В конечном счете такие упражнения дезориентируют обучаемого, и он не будет отдавать себе отчета в действительном развитии современного боя. Так, например, если по цели занятий надо пройти прорыв оборонительной полосы противника, то нельзя допустить при этом наличия у противника открытого фланга, ибо в последнем случае было бы целесообразно главный удар наносить именно в этот фланг и т. п.,

Годовой учебный план представляет собой одно целое, но должен распадаться на известные циклы, связанные между собой и вытекающие один из другого. В этом смысле зимний учебный период является подготовкой к летнему периоду, неизбежно отличается от последнего несколько большей искусственностью в смысле учебной обстановки. Здесь будут преобладать тактические занятия на картах и планах, выходы в поле и проч. по сравнению с летним периодом, где большее применение имеют действия войсковых частей.

Зимний период является периодом весьма напряженным для командного и политического состава. Обучение новобранцев, межсборная работа, допризывная подготовка и проч. в значительной мере уплотняют все рабочее время. Между тем интересы тактической подготовки требуют уделения значительного времени. Вопросы тактики, уровень тактического искусства войсковых соединений занимают в условиях современной войны, организации и вооружения армий такое решающее место, что этому должно быть уделено основное внимание. Как известно, больше всего бьют в глаза интересы сегодняшнего дня, интересы административного и хозяйственного порядка. В наших условиях эти заботы так велики, что нетрудно в конце концов утратить и тактическую ориентировку. Поэтому надо организовать работу в части так и поставить начальствующий состав в такие условия, чтобы он был освобожден от ненужной суетолики и нагрузки и мог уделить необходимое время для повышения своих тактических знаний и искусства.

В итоге партийно-политической работы и боевой подготовки войск мы видим рост политико-моральной крепости армии и — что особенно важно для тактической деятельности — сознательности, активности и дисциплинированности красноармейской массы. В этом отношении мы имеем совершенно неизмеримое преимущество по сравнению с царской армией, и тем не менее до сих пор мы не можем еще отделаться в известной степени от пороков медлительности в маневренно-тактическом отношении. В значительной мере виной этого является та неусовершенствованная методика обучения, от которой мы отделались лишь несколько лет назад. Сидение на одной задаче, «проработка в глубину», а на самом деле топтание на месте, создавали предпосылки для действий с прохладцем. Растущая активность красноармейской массы, тот значительный уровень технической насыщенности, которого мы достигли, делают эти пережитки архаизмом, недопустимой, противостественной отсталостью. Несомненно, вся наша методика обучения должна быть построена так, чтобы она развивала тактическую активность, смелость, напористость, быстроту действий и мобильность войск.

Само собою разумеется, что эта задача не может быть делом только тактическо-методической работы. Эту задачу должно решать всей системой партийно-политической работы в армии, развивая в этом направлении общественное мнение в армии и закреп-

ляя в нем основные положения уставов РККА, проникнутых этими решительными смелыми установками. Успех во всей системе тактической подготовки может быть достигнут только на основе дальнейшего развития величайшей активности партийно-политического воспитания, осуществления решений II Всеармейского совещания секретарей ячеек и июньского Пленума РВС СССР.

Развитие активных, политически сознательных красноармейцев, широкая работа начальствующего состава с красноармейской массой, сближение с ней, работа начальствующего состава над усовершенствованием своих тактических навыков, слаживание работы штабов и войсковых частей в целом — все это должно быть приноровлено к подготовке армии к подвижной, маневренной войне. Эта подготовка вовсе не исключает методических подходов к разрешению тех или других вопросов боя. Наоборот, только при овладении способами методического управления можно искусно и решительно маневрировать в условиях современного боя, усложненного современной техникой. Всю методическую работу по тактической подготовке мы должны вести таким образом, чтобы, внедряя в войска определенные методы ведения боя, вводя наши уставы, приучая войска к четкой работе управления и исполнения, выработать подвижные, напористые и расторопные части.

Зимний период обучения должен давать каждому командиру обстоятельную индивидуальную подготовку для того, чтобы практическая летняя работа уже не встречала тех затруднений и шероховатостей, которые командир чувствовал в прошедшем учебном году. Эта работа должна подготовить командиров так, чтобы они в бою могли наилучшим образом организовывать управление, что предполагает как выработку у командиров умения руководить тактической деятельностью своих подчиненных, так и слаженность аппаратов управления, и в первую очередь штабов. В силу этого зимняя тактическая подготовка начальствующего состава должна охватывать все виды индивидуальной учебно-тактической работы и работу коллективно-групповую, в виде работы внутри штаба и полевого управления, а также взаимной работы штабов, находящихся на разных ступенях. Эти групповые занятия, соответственно называемые одностепенными и двухстепенными, должны еще в зимний период усложняться работой с частями связи в поле. Весьма значительную тактическую тренировку дают военные игры, число которых должно быть возможно больше.

Летний период включает в себя частично те же виды занятий, но значительно более времени уделяет практике, заполняя почти всё учебное время занятиями с войсковыми частями. Именно поэтому зимняя работа, как подготовительная к летнему периоду, имеет особо ответственное значение. Всякая недоработка командиром того или иного тактического вопроса отразится в летний период не столько на нем, сколько на подчиненной ему части.

Искусство организации тактического обучения заключается, как уже упоминалось об этом выше, в правильном нащупывании,

в правильном диагнозе тех или других недостатков подготовки части и подготовки отдельных командиров. Метод занятий не может быть стандартизован, штампован для всех одинаково. Индивидуальный подход должен быть развит до высшей степени.

Проработка намеченного тактического вопроса или положения должна вестись на основе определенной постепенности, причем необходимо прежде всего добиться, чтобы обучаемый усвоил каждую деталь, каждый этап и оборот всего сложного процесса развития в бою данного тактического положения. Это достигается тем, что руководитель расчленяет свою задачу на отдельные этапы и, прежде чем перейти к следующему этапу или к изучению всего процесса в целом, добивается усвоения этого отдельного отрезка. Например, если руководитель желает обучить искусству совершения обхода и нанесения противнику окончательного поражения этим наиболее решительным и смелым приемом, он не может пройти мимо следующих вопросов, встающих как отдельные элементы обходного маневра: 1) изучение действий сковывающей группы, долженствующей своими активными действиями сковать с фронта главные силы противника; 2) изучение действий ударной группы, где должен быть выделен вопрос наступления и введения в дело второго эшелона и тому подобное.

Я сознательно на первое место выдвигаю именно второй эшелон, так как действия первого эшелона гораздо более понятны, значительно привычнее для войск, чем правильное использование вторых эшелонов. Наполеоновская схема ведения боя до сих пор еще имеет широкое отражение в мышлении современных военных работников, представляющих, что войска первого эшелона ведут бой, нащупывают наивыгоднейшее и наиболее решительное направление для главного удара, после чего на это направление движется резерв по мановению палочки старшего командира. Если во времена Наполеона такое движение резерва могло быть своевременно выполнено, в силу незначительной дальности ружейного и артиллерийского огня, то в современных условиях положение самым резким образом изменилось. Благодаря дальности и убойности современного артиллерийского, пулеметного и ружейного огня, резервы должны применять те же строи, что и войска первого эшелона, должны применять те же методы перебежек и накопления, что и первые эшелоны. И поэтому жест палочки старшего командира, желающего бросить свой резерв туда, где в нем обнаружилась потребность, остается жестом, ибо «бросить» современный резерв невозможно. Он должен перебегать, ползти, накапливаться, теряя примерно столько же времени, сколько на это дело затратил и первый эшелон.

Уже русско-японская война показала несоответствие современным условиям наполеоновской схемы использования резерва. Царская военная академия незадолго до империалистической войны выдвигала идею маневренного резерва, имеющего заранее определенное тактическое предназначение, и резерв старшего началь-

ника, долженствовавшего служить «затычкой» для парирования случайностей. Полевой устав 1912 г. точно так же, как и Наставление для действий пехоты в бою 1914 г., не усвоил происшедших сдвигов и вопрос о резервах решал по старинке. Империалистическая война в подавляющем числе случаев доказала неизбежность постоянных запаздываний резервов. Гражданская война подтвердила то же самое положение. Маневры послевоенного времени большинства современных армий подтверждают тот же самый вывод. И, несмотря на все это, нет более трудного дела, как сломать схему Наполеона. Столетняя давность, величие былых успехов — жестокое к тому препятствие.

Уставы Красной Армии ставят этот вопрос по-современному, но все же надо проделать большую учебно-воспитательную работу для того, чтобы требование устава являлось привычной тактической реальностью.

Занятие со вторым эшелоном должно подвергнуть изучению все стороны выполнения им своей задачи, как-то: самостоятельное движение за первым эшелоном в указанном старшим командиром направлении, движение в такой близости за флангом первого эшелона, чтобы иметь возможность своевременно развить его удар до решительного поражения противника, определение момента самостоятельного удара, избрание направления главного удара и вспомогательного и т. д. Вместе с тем очень сложным для второго эшелона является и вопрос придачи ему группы или подгруппы ПП. С одной стороны, к моменту начала нанесения удара вторым эшелоном эта артиллерия должна целиком и полностью поддерживать его наступление; с другой стороны, до момента выхода второго эшелона на линию огня предназначенная для него группа или подгруппа ПП обычно больше бывает нужна первому эшелону, чем ему. Тем не менее эта артиллерия нужна второму эшелону и до выхода его на линию огня, так как зачастую без подавления тех или других пулеметных точек противника он не сможет продвинуться туда, куда ему необходимо. Таким образом, проработка вопросов придачи артиллерии второму эшелону является крупнейшей учебной задачей. Второй эшелон должен установить связь подгрупп с батальонами, ротами и взводами так, как это делают и части первого эшелона. Вместе с тем те же батареи могут и должны связываться с частью, идущей в первом эшелоне, чтобы поддерживать ее, пока они не потребуются второму эшелону.

Немалую сложность представляет и вопрос управления вторым эшелоном. Его командир должен лично наблюдать за ходом боя, поэтому зачастую ему придется быть где-то в расположении или двигаться на фланге первого эшелона. Он должен своевременно поставить в известность подчиненных ему командиров о принятом им плане нанесения решительного удара, о группировке и последовательности действий. Зачастую ему придется прокладывать колонные пути для артиллерии и организовывать переправы для пехоты. От количества связи в полосе действий второго эшелона,

ее бесперебойности в значительной мере будет зависеть весь успех действий. Организуя занятия со вторым эшелоном так же, как и по какому-либо другому тактическому вопросу, руководитель должен так построить свое задание, чтобы, во-первых, оно давало наиболее характерное понятие о действиях второго эшелона; во-вторых, чтобы все внимание обучаемых было сосредоточено на этом центральном вопросе, для чего руководитель дает обстановку и решение старшего войскового начальника, т. е. силы и задачу сковывающей группы, силу и задачу ударной группы. Он же дает информацию о решении командира первого эшелона ударной группы соседей и данные о противнике.

Обучаемый организует работу по всем вышеупомянутым вопросам.

В процессе решения задачи командир второго эшелона может столкнуться с различными вариантами, в соответствии с обстановкой.

Сковывающая группа приковала к себе фронт противника и втянула в бой его резервы. Первый эшелон ударной группы атакует противника во фланг (схема 1).

Командир второго эшелона быстро выдвигает свои силы за левым флангом первого эшелона и атакует противника еще глубже во фланг и тыл, усиливая разведку и охраняющие части для прикрытия своего фланга.

Сковывающая группа достигла тех же результатов, что и в первом случае. Первый эшелон ударной группы наносит такой же удар. Противник начинает отходить из расположения *А* в расположение *Б* (схема 2).

Второй эшелон атакует во фланг отходящие части и выдвижением частей в район *Б* стремится овладеть им раньше достижения его отходящими частями противника.

Сковывающая группа и первый эшелон ударной группы действуют, как и раньше. Резерв противника атакует во фланг первый эшелон ударной группы (схема 3).

Командир второго эшелона самостоятельно атакует резерв противника во фланг для дальнейшего развития успеха во фланг и тыл главных сил противника. Сковывающая группа действует, как в предыдущих случаях. Первый эшелон ударной группы — точно так же, но резервы противника атакуют его во фланг и сковывают его дальнейшее продвижение (схема 4).

Резерв противника, в связи с действиями соседней группировки противника, не дает возможности второму эшелону развить успех в прорыве, и командир эшелона атакует главную группировку противника между сковывающей группой и первым эшелоном ударной группы.

Сковывающая группа с неожиданным успехом развивает свое наступление в глубину и врывается в расположение противника. Первый эшелон встречает упорное сопротивление, и его наступление застопоривается (схема 5).

Схема 1

Схема 2

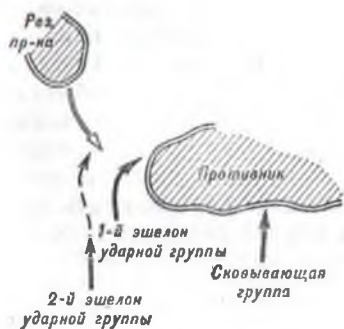

Схема 3

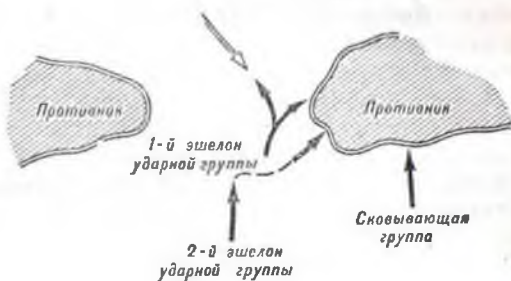

Схема 4

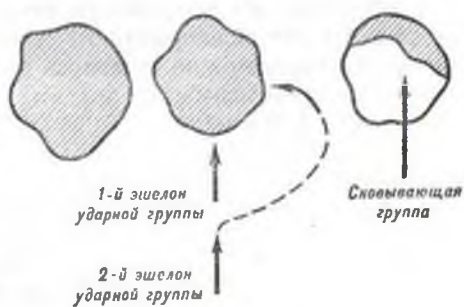

Схема 5

Командир второго эшелона самостоятельно принимает решение и, продвигаясь в полосе сковывающей группы, атакует во фланг группировку противника, оказывающую сопротивление первому эшелону ударной группы.

Уже из этого краткого перечня возможных положений, перечня, далеко не исчерпывающего, видно, сколько надо потратить занятий на то, чтобы всесторонне изучить тактику действий второго эшелона. Никакое углубленное изучение одной какой-либо задачи на эту тему не решает вопроса. Отсюда становится точно так же ясным, что эти задачи не должны быть длительны, ибо, во-первых, иначе не хватит времени на прохождение и изучение необходимого числа положений и, во-вторых, командир второго эшелона не получит практики в решении своих задач с величайшей быстротой. Если на первых занятиях можно еще допустить некоторое промедление для уяснения метода работы, то с каждым новым занятием и новой задачей на одном и том же занятии необходимо достигать все более и более быстрого темпа. При этом не следует допускать никаких пенужных рассуждений и мотивировок. Решение командира, ясно выраженное в форме точного и категорического приказа, само по себе объясняет и оценку командиром обстановки и его план действий. Только такая система вырабатывает способность быстро формулировать свои мысли и передавать их для исполнения в категорической форме. Все это является необходимым условием для развития активности, напористости и мобильности войск. На занятиях не надо допускать ни одного лишнего слова. Лучше вместо лишних слов разыграть лишнюю задачу. Большое число задач выдвигает необходимость распределить руководство частью занятий между самими обучаемыми, постепенно втягивая в организацию занятий весь обучаемый состав. Если руководитель зацентрализует за собой составление всех задач и проведение занятий, то ему не хватит времени на хорошую подготовку и разработку самих заданий и, с другой стороны, такая система не будет развивать самостоятельности и расширять опыта у обучаемых.

Пример со вторым эшелоном приведен здесь лишь для характеристики методики обучения. О разработке вопросов действий боевых порядков сказано ниже. Совершенно очевидно, что приводимыми здесь примерами невозможно заменить творческую учебную фантазию руководителя. В этом направлении необходимо работать немало и постоянно. Если какой-нибудь вопрос, какое-либо тактическое положение усваивается обучаемым плохо, то командир-руководитель должен проанализировать вопрос, отдать себе отчет, что именно не может уловить обучаемый, и в соответствии с этим составить ряд таких учебных заданий, которые бы помогли обучаемому на конкретных случаях усвоить то, в чем он не уверен.

Одним из основных вопросов в выработке высоких маневренных качеств войсковых частей или соединения является организация правильного управления. Это — понятие очень широкое и охва-

тывает многочисленные стороны обучения. Учебная система должна быть построена таким образом, чтобы у обучаемого создавалось совершенно твердое и глубоко освоенное положение о том, что в современном бою насыщенность и убийность огня достигают значительных пределов, его боевой порядок расчленен вплоть до мельчайших единиц. Живое, маневренное, гибкое управление не может быть основано на одной централизации боя. Если учебная система будет проникнута развитием идеи централизации, то эта последняя перерастает неизбежно в ультрацентрализаторские навыки, и боевой порядок станет косным, неподвижным, не реагирующим ни на приказания свыше, ни на изменения обстановки. Природа современного боя и боевых порядков требует управления, основанного на встречном движении двух усилий: планового начала — управления сверху вниз, и самостоятельного, инициативного, жизненного реагирования на обстановку снизу отдельными бойцами и самими младшими командирами. Только сочетание этих двух начал, находящихся в известном противоречии, ибо самостоятельность снизу не может не идти иногда вразрез с плановыми предначертаниями свыше, может обеспечить на деле наиболее успешное выполнение общей задачи. Планово управлять можно лишь живым, одухотворенным боевым организмом. Всякое иное разрешение вопроса в конце концов выливается в своего рода боевой бюрократизм, сопровождающийся окостенением аппаратов управления, бездушным выполнением массажи воли начальства, медлительными, тяжелыми и неповоротливыми в тактическом отношении действиями, при которых слабейшие, но более энергичные и маневренные войска легко будут бить самые крупные силы. Это именно те недостатки, которыми страдала царская армия и которые германский генеральный штаб оценил следующим образом:

«Передвижения русских войск совершаются теперь, как и раньше, крайне медленно. Быстрого использования благоприятного оперативного положения ожидать от русского командования так же трудно, как быстрого и точного выполнения войсками предписанного приказом маневра. Для этого слишком велики препятствия со всех сторон при издании, передаче и выполнении приказов. Поэтому немецкое командование при столкновении с русскими будет иметь возможность осуществлять такие маневры, которые оно не позволило бы себе с другим, равным себе противником»¹.

Все вышеизложенное не означает, конечно, что командир должен распустить вожжи по ветру и смотреть, что вытанцуется из действий его части. Это было бы вернейшим условием постоянных поражений. Самодетельность подчиненных единиц может успешно развиваться лишь в условиях, планово задуманных и организованных обеспеченных необходимыми средствами подавления на решающем направлении и обеспеченных всеми необходимыми техническими средствами и огнеприпасами.

¹ Ганс Кульб. Германский генеральный штаб. М., изд. Высш. воен. ред. совета, стр. 66.

Степень централизации управления резко различается от условий ведения боя. Во встречном бою, в условиях быстро развивающихся событий, децентрализация получает наибольшее выражение. В условиях прорыва укрепленных полос — выпячивается на первый план централизация. Между этими крайними видами активных наступательных операций необходимость централизации или децентрализации управления принимает самые разнообразные формы, в зависимости от обстановки. Нет смысла централизовать управление больше, чем войсковой командир может это практически осуществить. Перецентрализация означает практически бездействие, ибо старший начальник не может претворить в жизнь того, что хочет, а младший зацентрализован и ждет распоряжений. Поэтому даже в одном и том же бою, где, скажем, командир может осуществить централизованное управление всеми сочленениями боевого порядка и взаимодействием родов войск, могут встретиться отдельные участки, на которых это неосуществимо. И здесь должна проявиться гибкость и широта взгляда командира, и он должен предоставить необходимую свободу действий своему подчиненному на этом участке, указав ему общую задачу войск на прочих участках и тот характер действий, который он от него требует.

Принимаясь за тренировку командиров, штабов и политорганов в управлении, следует начать с усвоения вопросов разведки, а эта задача требует, в свою очередь, изучения прежде всего тактической установки вероятных противников и самого тщательного изучения системы расчленения их боевых порядков. Практика нам показывает, что штабы, не знающие характера расчленения боевого порядка противника, не могут поставить себе конкретной задачи для его расшифровки. Эти задания отличаются в таких случаях крайней расплывчатостью, постановкой разведке задач «вообще». На эти «вообще» разведка дает ответы тоже «вообще», что фактически является самообманом и отпиской от конкретного изучения противника. Каждый устав обращает самое существенное внимание на маскировку принимаемых войсками расчленений. Она в значительной степени изменяется вместе с изменениями тех основ, которые заложены в уставах. Поэтому, например, одни уставы обращают особое внимание на замаскирование в обороне переднего края обороны, другие — на замаскирование центров сопротивления и на создание в интервалах между ними ложных центров сопротивления и т. п. И это вполне понятно, ибо если противник сумеет хорошо распознать систему расчленений, то он сможет наиболее целесообразно и наиболее планомерно подготовить подавление артиллерийскими средствами обороняющейся пехоты и тем самым обеспечить успех. В современном бою, где роль и значение пулеметов чрезвычайно выросли, этот вопрос получает наиболее ответственное значение. Только тогда можно наиболее эффективно использовать свои артиллерийские средства, когда расчленение боевого порядка противника хорошо изучено и когда

разведывательные данные соответствуют его действительному расчленению. Таким образом, тренировка на изучении уставов противника, на методах расчленения его боевых порядков в различных условиях боевой обстановки должна быть первой задачей для выработки хороших разведывательных навыков.

При занятиях на разведывательную тему особенно надо обращать внимание на то, чтобы задачи разведке не ставились «вообще». Обучаемый должен отдать себе ясный отчет в том, что именно ему надобно узнать в боевом порядке противника, и в такой ограниченной постановке и должен ставить задачи разведывательным органам. При этом он должен учитывать, что разведывательные средства требуют такого же сосредоточения своих усилий на решающем направлении, как это практикуется для организации боя.

Образно говоря, разведывательная деятельность должна быть построена на принципе «доразведки». Это означает, что разведка ведется не вообще по отношению ко всему боевому порядку противника и его группировке, а по отношению лишь тех неясных мест, которые имеются в разведывательных о нем сведениях. Практически не бывает или, по крайней мере, не должно быть такого положения, когда бы войсковой командир ничего не знал о том противнике, против которого ему придется действовать, за исключением отдельных случаев встречных столкновений и тому подобных обстоятельств.

Если войсковой командир получает разведывательную сводку, основанную на данных авиационной и агентурной разведки, то он, в соответствии с полученной им задачей, должен уточнить и проверить полученные им сведения. Прежде всего, он заинтересован в том, чтобы поимкой ряда контрольных пленных проверить общую группировку и расположение противника. Во-вторых, он заинтересован в том, чтобы определить теми же методами ширину фронта отдельных войсковых частей противника. Эти сведения дают ему достаточную канву для того, чтобы составить себе представление о боевой насыщенности фронта противника. Далее, ему необходимо уточнить это расположение расшифровкой расчленений его боевого порядка. Если, например, войсковому командиру известна ширина фронта дивизии противника и если путем поимки некоторых пленников установлено, что в первом эшелоне обороняющейся неприятельской дивизии находятся два пехотных полка, то такая канва дает ему возможность путем индивидуальной разведки центров сопротивления и опорных пунктов значительно уточнить расчленение противника.

Уточнить расчленение — дело чрезвычайно трудное, но и совершенно необходимое. Занося на карту с крайней тщательностью и точностью отдельные сведения о всех обнаруженных пулеметах и участках колючей проволоки, в конце концов войсковой штаб получает возможность составить точную картину для того, чтобы, сопоставив с ней отрывочные разведывательные данные об общем

расположении противника, расшифровать с достаточной точностью его боевое расчленение. Итак, определение переднего края оборонительной полосы, умение отличить, где кончается полоса охранения и где начинается передний край оборонительной полосы, определить глубину эшелонирования неприятельской обороны, число полков и центров сопротивления первого эшелона, а также последующих эшелонов, умение расчленить центры сопротивления на опорные пункты, и наоборот, на основании обнаруженных частей опорного пункта, разведать весь центр сопротивления — является делом крупнейшего значения, которое должно быть войсками усвоено в совершенстве.

Принцип «доразведки» в том и должен заключаться, что, например, зная расположение полков противника и обнаружив разведкой пехоты части какого-либо опорного пункта, штаб войскового соединения с необходимостью приходит, например, к выводу, что этот опорный пункт является составной частью еще не обнаруженного центра сопротивления. Этот вывод заставляет штаб немедленно организовать дополнительную разведку для расшифрования всего центра сопротивления. В связи с этим он дает совершенно конкретную задачу авиации, такую же задачу ставит пехотной, артиллерийской, инженерной разведке и, наконец, лично организует разведку от штаба. Вся система таких мероприятий в конце концов позволит с необходимой точностью установить расчленение боевого порядка противника. Эта работа не слишком трудна, если для производства ее имеется значительное время, но она становится чрезвычайно затруднительна, когда этого времени мало и вместе с тем необходимо разыграть наступательный бой. Поэтому четкость и быстрота действий в разведке, умение по отдельным звеньям, обнаруженным в расположении противника, воссоздать целое и проверить это целое рядом дополнительных организованных разведывательных усилий являются необходимым условием умения одерживать успехи в бою.

Вся система разведывательной тренировки мирного времени должна полностью охватывать эти вопросы. Организация разведывательных занятий может различаться значительным разнообразием, а поэтому руководитель должен целым рядом задач сосредоточить внимание обучаемых на отдельных элементах и этапах полевого разведывательного дела. Например, руководитель дает разведывательную сводку на основе агентурных и авиационных данных и сообщает поставленную войсковому соединению задачу. Обучаемый, играющий роль разведывательной части войскового соединения, должен поставить задачи коннице, артиллерии, инженерам по организации разведки и должен организовать разведку от штаба. Если это бой наступательный, то он должен включить элементы разведки в действия передовых батальонов, которые будут уничтожать охранение противника. Поимка контрольных пленных должна быть организована по настоянию разведывательной части оперативным руководством. Руководитель в соответствии

с решениями обучаемого должен давать новые данные о противнике, и обучаемый должен вновь оценить расположение противника и поставить дополнительные задачи тем частям боевого порядка своего соединения или специальным органам, разведывательным отрядам, которые наилучшим образом смогут удовлетворить интересы разведки. Обучаемый должен знать, что не только специальные органы разведки и разведывательные отряды дают эти данные, но что он может получить их от действий войсковых частей и соединений. Зачастую ценнейшие разведывательные данные, благодаря недостаточно четкой и напряженной работе разведывательных органов, проходят мимо них без всякого учета. На таком занятии можно показать обучаемому весь процесс организации и детализации постановки разведывательных задач.

Проводя разведывательные занятия, руководитель дает обучаемым многочисленный разведывательный материал отрывочного, а частью и противоречивого характера. Путем тщательного сопоставления и нанесения на карту разведчик должен дать необходимую оценку этим материалам и, накапливая их, расшифровать расположение противника.

Разведчик должен играть немалую роль в постановке войсковым частям задач чисто боевого порядка. Организация специальных отрядов, организация охраняющих частей и действий передовых батальонов таким образом, чтобы можно было при выполнении их общей боевой задачи выполнить и специальные разведывательные задачи по захвату контрольных пленных, должны быть делом, обычным для разведчика. В этом смысле его постоянное общение с оперативной частью и влияние на ее работу конкретными предложениями должны служить предметом особого внимания.

Нет надобности перечислять все те задания, которые должно ставить разведчику и которых от него потребует общевойсковой командир. Руководитель в ходе учения должен эти вопросы исследовать самым тщательным образом, т. е. определить передний край полосы обороны, центры сопротивления, артиллерийские позиции и т. п. Но надо заметить, что при этой работе необходимо обращать внимание на то, чтобы отличить ложные оборонительные мероприятия противника от настоящих. То же самое относится и к активным действиям противника в виде группировок его решительных ударов и демонстраций.

Вне зависимости от того, предполагается ли или не предполагается танковая атака обороняющегося противника, необходимо систематически изучать его противотанковую систему обороны как в отношении огневых, кинжальных средств, так и в отношении искусственных препятствий и минных полей.

Крупнейшим вопросом в деле организации управления является отдача предварительных распоряжений. Очень часто штабные работники задерживают отдачу предварительных распоряжений, ожидая решения командира. Это ни в коем случае не может

считаться правильным методом. Предварительные распоряжения должны быть отданы немедленно по получении приказа высшего начальника, а также в том случае, если выяснено, что будет отдано самостоятельное распоряжение данным войсковым соединением. Например, если получен приказ о том, что дивизия должна будет на следующий день с рассветом перейти в наступление, то совершенно очевидно, что тотчас же по получении этого приказа, одновременно с докладом его командиру дивизии, штаб должен отдать предварительные распоряжения, которые не предрешали бы решения комдива, но которые давали бы возможность войскам своевременно изготавиться к наступлению. В этом случае немедленно по получении приказа следовало бы отдать предварительные распоряжения примерно следующего содержания: «Дивизия с рассветом переходит в наступление. Приказ последует дополнительно».

Как только командир дивизии примет решение, это последнее точно так же должно быть в форме предварительного распоряжения немедленно передано полкам, так как составление приказа и его пересылка обычно занимают немало времени. В этих распоряжениях кратко указывается время выступления и направление действий каждого полка без изложения общей обстановки — она будет дана в приказе. Эти краткие дополнительные указания помогут командирам полков своевременно принять меры к разведке предстоящего им пути движения и проч.

Если подчиненные части расположены недалеко, то к моменту окончания приказа весьма полезно вызвать от подчиненных частей начальников штабов или оперативной части, а иногда и командиров. Помимо передачи приказа в этом случае можно дать и дополнительные указания о предположениях старшего войскового начальника. Вызов представителей от частей производится по инициативе начальника оперативной части, иногда с доклада начальнику штаба.

По получении приказа свыше начальник связи немедленно принимает меры к тому, чтобы можно было в срочном порядке передать предварительные распоряжения при помощи телефона, посыльных и т. п. Эту подготовку начальник связи обязан произвести совершенно самостоятельно, не ожидая никаких указаний. Точно так же начальник оперативной части должен предупредить войсковые части и штабы о передаче предварительных распоряжений и вызове ответственного лица штаба.

При организации занятий по отдаче предварительных распоряжений, которые безусловно являются одним из основных методов быстрой мобилизации войсковых масс на предстоящее боевое столкновение, руководитель выделяет из обучаемых основных работников штаба и дает составленный им приказ. Каждый должен по своей линии принять все меры для немедленной отдачи предварительных распоряжений. Немедленно по принятии командиром решения штаб должен предварительными распоряжениями преду-

предить подчиненные части о частной задаче каждой из них и вызвать представителей, если это надо, для получения приказа.

Отдача предварительных распоряжений является делом чрезвычайно ответственным, так как при неумелом пользовании ими легко может быть создана путаница, отмена одних распоряжений другими, что может осложнить дело и подорвать веру войск в руководство. Поэтому предварительные распоряжения должны включать в себя лишь те данные, которые не могут быть изменены последующим решением командира. Точно так же весьма важным вопросом является умение правильно формулировать предварительные распоряжения. Они должны быть отданы кратко и без потери времени. Поэтому на тренировку обучаемых в стиле и содержания предварительных распоряжений должно быть обращено руководителем самое серьезное внимание, и этому делу должно быть уделено необходимое число занятий.

Обучение управлению боем должно вестись в строгом соответствии с уставами и Наставлением для полевой службы штабов. Различные отделы Наставления для полевой службы штабов должны быть проработаны на ряде задач различными методами: односторонними и двухсторонними, одностепенными и двухстепенными задачами.

Тренировка штаба войскового соединения в правильном разделении труда и организации работы должна основываться на формировании штабов из числа обучаемых, причем число основных сотрудников должно примерно соответствовать штатам военного времени. Для работы штаба необходимо, чтобы задания на учение руководитель подготовил в разрозненном виде, т. е. нельзя, например, давать обстановку в форме готовой оперативной и разведывательной сводки. Наоборот, должно быть заранее подготовлено большое количество материалов в форме донесений, отдельных сводок, телефонограмм и т. п. по различным отделам полевого управления. Дежурный по штабу должен быстро рассортировать корреспонденцию и непосредственно передать ее тем лицам, которые в ней больше всех заинтересованы, или по крайней мере информировать их об интересующих их бумажках, если эти последние адресованы не на их имя. Начальники оперативной, разведывательной части и по службе тыла должны быстро изучить поступающий к ним материал, сопоставить многочисленные данные, зачастую противоречивого и сбивчивого порядка, и сделать определенные выводы. Различные отделы штаба в этой работе не должны действовать оторванно один от другого и обязаны взаимно информировать обо всем касающемся их компетенции. Начальник оперативной части должен заранее предупредить начальника связи и прочие органы о предстоящих действиях и отдать предварительные распоряжения. Начальник разведывательной части должен подготовить распоряжения по организации разведывательных отрядов. Политотдел должен информироваться в ходе работы обо всех основных данных оперативного и разведы-

вательного характера и состоянии тыла. Самостоятельная, чеканная работа отделов должна позволить начальнику штаба суммировать весь материал и доложить командиру свои общие выводы.

Составление такого задания требует от руководителя предварительной затраты большого труда, и, кроме того, во время занятия он должен будет постоянно реагировать на телефонные и прочие обращения сотрудников штаба к подчиненным и высшим штабам, а также соседям. Это делает такие занятия весьма ответственными и напряженными, и потому здесь особенно ярко подчеркивается необходимость для руководителя привлекать, под своим общим наблюдением, для руководства теми или другими занятиями наиболее подходящих для этого лиц из состава обучаемых. Темп работы штаба с каждым занятием должен повышаться и должен достигнуть инициативной и четкой работы в самые жесткие сроки.

Следует обращать особое внимание на точность нанесения на карту начальником разведывательной и оперативной части всех поступающих донесений и на ясность и четкость письменных формулировок. Такая же четкость должна быть достигнута и в отношении устных формулировок. Необходимо добиться от обучаемых, чтобы они умели ясно и без поправок формулировать свои мысли в форме докладов или распоряжений.

При составлении приказа следует добиваться и упражнять обучаемых на конкретных формулировках тех пунктов приказов, которые дают характеристику противника и постановку общей задачи. В приказе следует излагать не сжатую оперативную сводку, а ту характеристику группировки и действий противника, на основании которой командир принимает решение. Эта характеристика должна быть дана сжато и вышукло. Точно так же громадное значение имеет законченная формулировка общей задачи войсковой части не в той форме, в какой она поставлена высшим начальником, а в той форме, в какой командир соединения принимает идею своего решения. Эта идея решения должна быть сформулирована так ясно и четко, чтобы в процессе боя, даже в случае порыва связи и управления, каждая составная часть войскового соединения отлично знала и понимала как общую задачу соединения, так и свою частную задачу.

С большой пользой могут быть поставлены такого же рода занятия по тренировке политорганов в их работе в полевых условиях. На фоне определенного тактического задания и тактического решения командира руководитель подготавливает точно так же необработанный материал, поступающий в политотдел как из вышестоящего политоргана, так и из подчиненных и соседних. Помимо того, сообщаются данные от оперативной, разведывательной части и службы тыла штаба. Политорган должен организовать работу с правильным разделением труда и с обобщением ее начальником политоргана. На занятиях штаба и политоргана должны быть выработаны методы теснейшей работы, взаимной информации

и содействия. Вопросы организации наступления, организации тыла и т. п. должны прорабатываться в деталях, должна изучаться техника взаимоотношений и совместной работы.

Несмотря на теснейшую связь между работой штаба и политоргана, до объединения их работы на тактическом запятии необходимо произвести ряд отдельных занятий подготовительного порядка как работы внутри штаба, так и внутри политоргана.

Когда усвоены методы работы внутри полевого управления войскового соединения, необходимо переходить от одностепенных занятий к двухступенным. Полезнее всего эти занятия проводить в поле, причем в первое время правильнее всего ограничиваться лишь конными средствами связи. Когда штаб научится управлять боем без телефона, ему следует придать и это техническое средство, которое должно облегчить и усовершенствовать его работу. Такая постановка занятий должна преследовать ту цель, чтобы даже в случае порыва телефонной связи, что в бою является делом обычным, штаб умел продолжать управление боем и умел выходить из самых тяжелых положений. Двухступенные занятия, все больше усложняясь, доходят до своего рода маневров войск связи на двухступенных выходах в поле штабов, что является наиболее полезной тренировкой штабов в вопросах управления перед началом общих сборов и маневров. На этих же занятиях производится проработка взаимодействия и всего партийно-политического аппарата.

Большая работа должна быть проделана в отношении правильной постановки боевых задач, группировки войск, направления их действий и проч. в условиях различной обстановки: встречный бой, обход фланга, прорыв фронта и т. п.

Серьезнейшее внимание штабов должно быть привлечено к вопросам взаимодействия различных родов войск, что неразрывно связано со всей системой управления в бою. Штаб не может ограничиться установлением связи к началу боя. Он должен предусмотреть план развития боя по ряду рубежей, находящихся впереди. Управление должно быть заранее подготовлено в отношении ориентировочной наметки перехода командных и наблюдательных пунктов командира и штабов по мере продвижения войск вперед. Командиры подчиненных частей должны знать, где и за каким рубежом им следует искать своего начальника. Начальник связи должен заранее предусмотреть, куда и как подать концы, как перекатывать средства связи по мере перехода командного пункта вперед на новый рубеж. Очень существенным вопросом при этом является заблаговременная разведка пути движения командира и штаба на новый командный пункт. Штаб должен заранее предусмотреть и назначить, если это надо, посылку срочных донесений с определенных рубежей. Точно так же им должна быть установлена, в мере надобности, подача определенных условных сигналов по занятии тех или иных рубежей войсковыми частями.

Только такая планомерная, заблаговременная подготовка

управления может обеспечить максимально бесперебойное руководство в бою. Однако нужно учитывать, что предварительные расчеты и плановые наброски всегда могут по обстановке измениться. Неуспех первого эшелона ударной группы и, наоборот, успех сковывающей группы может превратить эту последнюю в ударную группу, а первый эшелон ударной — в сковывающую группу. Второй эшелон может двинуться для развития успеха сковывающей группы. Таким образом, в этом случае, как и в ряде других, перед штабом войскового соединения всегда может встать неожиданная задача изменения управления, которая потребует от него быстроты действия и четкости в налаживании управления на новых рельсах. Очень часто такая импровизация потребуется при совершении обходов. Хорошо натренированный штаб, отдающий себе отчет в происходящем и владеющий всей техникой управления в современном бою, всегда сумеет удачно сымпровизировать необходимые мероприятия и упорядочить ход боя.

Штаб войскового соединения является аппаратом в руках своего командира по организации взаимодействия различных родов войск, а в стрелковых войсках — в первую очередь пехоты и артиллерии. В соответствии с принятым решением и группировкой стрелковых войск штаб разрабатывает для доклада командиру распределение артиллерии. При этом штаб, в соответствии со степенью укрепления расположения противника, должен рассчитать ширину фронта главного удара, обеспеченного уставными артиллерийскими нормами. Ударная группа должна быть обеспечена этими нормами. Обычно в условиях маневренной войны перед штабом будет вставать противоречивая обстановка. С одной стороны, для успеха действий ударной группы необходимо обеспечить ее уставными нормами батарей на 1 километр фронта. С другой стороны, успешность маневра ударной группы будет тем легче, чем более широкий участок будет обеспечен ей для наступления. Для решения этой задачи лучшим подспорьем является конкретная обстановка, но во всяком случае следует учитывать, что сила современного пулеметного огня в обороне требует в первую очередь обеспечения необходимых артиллерийских средств на каждый километр наступления в условиях прорыва и большей свободы маневра при совершении обходов. В соответствии с характером местности и темпом развития боя должен быть решен вопрос о форме управления артиллерией, т. е. централизованного или децентрализованного ее использования. Штаб войскового соединения не только должен решить этот общий вопрос, но должен проверить сверху и донизу, насколько группы и подгруппы ПП установили связь с батальонами, ротами и взводами, насколько командиры этих последних знают расположение наблюдательных артиллерийских пунктов и насколько проработали они вопросы взаимодействия на всем протяжении процесса наступательного боя.

Штаб должен разработать основные соображения о возможной и необходимой скорости прорывания оборонительной полосы,

что должно быть выражено в плановой таблице с указанием сроков, к которым те или другие рубежи должны быть достигнуты. В позиционной войне эти сроки обычно точно зафиксированы, в маневренной же войне они являются ориентировочными, но вместе с тем они абсолютно необходимы, так как дают пехоте и артиллерии определенную установку того напора, который от них требуется. Учитывая, что ориентировочные сроки могут быть и не выдержаны, необходимо одновременно установить подачу пехотой определенных сигналов по занятии тех или других рубежей, что весьма существенно в первую очередь для артиллерии, а также и для высших штабов. Штаб должен разработать совместно с начальником артиллерии план сопровождения пехоты артиллерией, что должно быть рассчитано строго по рубежам и обеспечено сооружением, где это надо, колонных путей.

Выше упоминалось уже о сложности использования артиллерии второго эшелона, с тем чтобы она могла быть привлечена и для поддержки частей первого эшелона ударной группы. Штаб должен проработать этот вопрос со всей тщательностью и проверить ее фактическую готовность.

Для обеспечения бесперебойного взаимодействия артиллерии и пехоты необходимо, чтобы имелась в наличии хорошо составленная ориентирная схема. Эта последняя, точно так же как и плановая таблица, не является артиллерийской специальностью, а должна быть плодом штабной разработки. И плановая таблица, и ориентирная схема должны быть одинаково обязательны как для артиллерии, так и для пехоты. Между тем составление ориентирной схемы — дело далеко не легкое. Если имеется значительное время на подготовку наступления, то при наличии авиации эту задачу выполнить сравнительно легко. Но очень сложно и трудно достигнуть своевременного составления ориентирной схемы, при условии, конечно, соответствующего ее качества, когда на наступление имеется всего лишь один день, причем в этот день приходится преодолевать и полосу охранения и оборонительную полосу противника. Штаб дивизии должен заранее подготовить скелет ориентирной схемы, размноженной на стеклографе. Необходимое количество этих схем должно быть роздано в передовые батальоны, задачами которых будет уничтожение охранения противника, в артиллерию, приданную этим батальонам, а также инженерной и специальной штабной разведке. Авиация также должна получить конкретные задачи по составлению ориентирной схемы, в форме ли нанесения данных на заготовленный скелет или фотосъемок. В продолжение борьбы в полосе охранения эти скелеты должны быть заполнены и доставлены в оперативную часть штаба дивизии, который должен свести их в одну ориентирную схему, где ориентировка должна быть всемерно облегчена путем нанесения на схему предметов, которых нет на картах, как-то: стог сена, желтые, зеленые или вспаханные поля, темный куст, красная крыша и т. п. Эти ориентиры должны получить свои

краткие названия, что в дальнейшем значительно облегчит взаимную ориентировку. Нанесенные на схему ориентиры должны быть нанесены на стеклограф и переведены на заранее подготовленные скелеты, что значительно сократит время, потребное для изготовления схем.

Такая организация работы при хорошей тренировке штаба может позволить к началу наступления главных сил раздать ориентирные схемы пехоте и артиллерии, вплоть до командиров рот и батарей. Само собою разумеется, что эта отрасль работы требует громаднейшей тренировки штабов и всего командного состава, но вместе с тем она настолько ответственна и необходима для боя, что в этом вопросе должны быть преодолены все трудности.

Большую работу должен проделать штаб по взаимодействию родов войск на речных переправах. На решающее место, на одном уровне с пехотой и артиллерией, здесь выдвигаются инженерные войска. Тщательный тактический расчет, основанный на конкретных технических переправочных возможностях, расчет по времени и по рубежам, является необходимым условием успешной переправы. Штаб при докладе командиру обстановки обязан иметь все необходимые расчеты по плановой таблице на переправу.

Напряженность современного боя требует значительного расхода огнеприпасов, и вместе с тем длительность современного боя заставляет подвозить к полям сражений громадное количество продовольствия, фуража и прочих видов снабжения. В условиях малокультурных в отношении дорог театров войны справиться с этой задачей — дело крайне трудное. Поэтому тренировка штабов должна уделять пристальное внимание вопросам организации тыла. Последний должен быть обеспечен и политически, и технически. Штаб работает здесь рука об руку с политорганом и карательными органами.

Гужевой обоз обычно растягивается на значительную глубину, что требует большой дисциплины в транспортных колоннах и величайшей четкости их работы. Своевременный выход транспортов, очередность их движения, подача в войска того, что им потребно в данное время, своевременное питание войск горячей пищей — все это должно быть строго рассчитано и должно подвергаться жесткому руководству со стороны штаба войскового соединения. В подготовке войсковых штабов к решению этих задач необходимо учитывать все те явления, которые сопровождают на войне работу тыла, как-то: наличие, наравне с военным обозом, обоза крестьянского, со слабыми лошадьми, с малоемкими повозками, слабой дисциплиной повозочных, пугливостью лошадей к автомашинам и т. п. Штабы должны уметь не только организовать движение, но и поставить всю работу тыла в такие рамки тренировки, которые в самый короткий срок позволили бы воспитать и подготовить тыл четким, гибким и дисциплинированным.

Особый цикл занятий должно составить изучение динамики боевого порядка войсковых соединений. Наибольшая сложность

для действий боевого порядка, естественно, будет касаться наступательного боя, хотя и в оборонительном бою встают многие существенные учебные задачи. Руководитель должен всесторонне тренировать войска на постановке задач боевому порядку. Так, например, давая уже определенную силу ударной и сковывающей группам, в условиях данной обстановки и задачи, руководитель требует от обучаемого постановки конкретных задач ударной группе. Далее, на основе общей задачи ударной группе руководитель дает частную задачу первому эшелону ударной группы и требует от обучаемого постановки задачи второму эшелону и т. п. На ряде таких задач-летучек руководитель добивается от обучаемого правильного понимания использования на решающем направлении превосходящих сил и правильной постановки задач вторым эшелонам.

Выше уже приводился ряд примеров, касающихся различных родов действий вторых эшелонов в бою главным образом при наличии у противника открытого фланга. Действия ударной группы должны быть столь же гибкими и при прорывах фронта противника. Здесь может встретиться бесчисленное количество различных положений, но обучаемые должны изучить хотя бы наиболее характерные боевые примеры. Второй эшелон может наносить удар во фланг противнику, задержавшему продвижение первого эшелона; он может развить удар во фланг противнику, задерживающему сковывающую группу, когда первый эшелон успешно развивает наступление; он может быть использован для развития успеха сковывающей группы, с превращением таковой в ударную, и т. п.

Использование в боевом порядке артиллерии, танков и проч. должно на всех задачах получать самое разнообразное освещение, о чем будет еще говориться ниже.

В обороне ударная группа может иметь различное применение. Если прорвавшиеся силы противника дезорганизованы или если они не представляют собой подавляющего превосходства в силах, то ударная группа решительным контрударом во фланг опрокидывает и отбрасывает назад прорвавшуюся пехоту противника. Если же прорвавшиеся силы противника имеют подавляющее превосходство над ударной группой, то эта последняя стремится «обкленить» прорвавшуюся группу, создав против нее новую огневую ружейно-пулеметную полосу. При прохождении действий ударных групп в обороне следует изучить различные возможные варианты их использования.

Нельзя пройти мимо изучения действий и сковывающей группы. Она только тогда выполнит свою основную задачу, когда, сковав по фронту превосходящие силы противника, осуществит успешное наступление, что в условиях неравенства сил является делом весьма сложным. Поэтому наступательные задачи сковывающей группы по необходимости должны иметь строго ограниченную цель, соразмеренную с ее артиллерийскими ресурсами. Овладение рядом точек или районов, облегчающих выполнение задачи ударной

группы или отвлекающих от нее главные силы противника, должно быть обеспечено по возможности уставными артиллерийскими нормами. Это говорит о том, что фронт атаки сковывающей группы не должен равномерно распределяться по всей предоставленной ей полосе и что сковывающая группа в свою очередь должна выделить ударную и сковывающую группы со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Вместе с тем сковывающая группа не должна поддаваться психозу своей слабости и безнадежности наступательных действий. Боевой опыт говорит о том, что иногда предварительные соображения перевертывают вверх дном и успех достигается там, где он менее всего ожидался. Командир сковывающей группы должен выдержать напористый темп наступления в пределах поставленной себе задачи и стремиться всякий частный достигнутый успех развить в более широкий, а если есть возможность, то и в поражение противника.

Руководитель, организующий занятие со сковывающей группой, должен предусмотреть, на случай успешного развития ее действий, удар ее силами во фланг противнику, сдерживающему наступление ударной группы, а также своевременное извещение второго эшелона ударной группы о достигнутом успехе и о возможности, при своевременной поддержке, развить этот частный успех в успех общий.

Организация занятий с боевым порядком производится на односторонних задачах-летучках, которые путем вводных данных развивают динамику боя, на односторонних военных играх, на выходах в поле с обозначенным противником и соседями. При изучении действий второго эшелона первый эшелон может быть разыгран самим руководителем. Следует еще раз обратить внимание на важность задачи тренировки в наступательных действиях вторых эшелонов. Эти действия должны развиваться при поддержке артиллерии, при поддержке танков, причем в этом случае может быть предусмотрено решение, когда, во-первых, танки сопровождают и первый и второй эшелоны и когда танки сопровождают только второй эшелон, а атака первых эшелонов поддерживается лишь артиллерией, а также при поддержке авиации, конницы и самокатных частей.

Для усвоения действий боевого порядка исключительно важное значение имеют правильные действия батальонов, т. е. производство ими сближения общим строем по скрытым подступам вплоть до того рубежа, когда они смогут развернуться во исполнение принятых решений для наступления под прикрытием огня станковых и ручных пулеметов, батальонной и полковой артиллерии.

Свойство и тактика артиллерии должны быть основательно усвоены всеми командирами, и, в частности, пехотными не хуже, чем артиллерийскими. Уже когда говорилось об организации управления штабом войскового соединения, вопросы взаимодействия пехоты и артиллерии, естественно, заняли одно из важных

мест. Но это дело должно быть усвоено не только штабами, но и всем строевым командным составом. Занятиям по тактике артиллерии должно быть уделено специальное внимание. Руководитель на ряде практических задач добивается от обучаемых усвоения основных положений по использованию артиллерии, требуемых нашими уставами. Например, руководитель дает обстановку и решение войскового командира. Обучаемый должен распределить артиллерию и организовать управление ею. Он распределяет ее на группы и подгруппы ПП и ДД, формулирует их задачи, организует проверку взаимного ознакомления пехотных командиров и соответствующих подгрупп ПП, добиваясь, чтобы каждый командир взвода и роты знал, где и как будет передвигаться наблюдательный пункт, передовой наблюдатель, отделение для связи с пехотой. На войсковых занятиях необходимо требовать такой тщательной проработки артиллерийского вопроса, чтобы не только командиры, но и рядовые красноармейцы были хорошо осведомлены, какая артиллерия обслуживает их часть и где находится и как будет двигаться артиллерийский наблюдатель.

На задачах руководитель должен добиться усвоения обучаемым наиболее целесообразных методов управления артиллерией. Наибольший эффект, наиболее рациональное использование артиллерийской силы получается при централизованном управлении, хорошо подготовленном и осуществленном, но это совершенно ясное и бесспорное преимущество централизованного использования артиллерии может принять совершенно противоположные формы в условиях быстротечного боя, когда на подготовку не будет достаточно времени. В таких условиях, как, например, во встречном бою, централизованное управление не только не окажет поддержки пехоте, не только исключит возможность успешного взаимодействия, но и может нанести своим собственным войскам поражение почти с таким же успехом, как и противнику. На пересеченной местности эта опасность еще больше увеличивается. Поэтому к централизации артиллерии следует прибегать лишь в тех случаях, когда для подготовки имеется достаточное время и если это позволяет характер местности.

Централизацию управления нельзя смешивать с сосредоточением артиллерийского огня. Сосредоточение огня с совершенно одинаковым успехом достижимо как для централизованной, так и децентрализованной артиллерии. Группы и подгруппы ПП, будучи подчинены тем пехотным частям, которые наносят главный удар на узком фронте, тем самым могут достигнуть и необходимого массирования артиллерийского огня. Разница будет только в том, что при централизованном управлении огонь был бы более рационально организован, расход снарядов был бы более экономичен и т. п. Но зато подчинение артиллерии пехотным частям имеет за собою то преимущество, что взаимодействие в этих условиях всегда будет выше, чем при централизованном управлении.

Наш артиллерийский устав, в соответствии с диалектическим

развитием боя, дает систему использования артиллерии, обеспечивающую наилучшим образом как централизованное ее применение, так и неразрывную ее огневую связь с пехотой. Даже при централизации управления артиллерией эта последняя, разбиваясь на группы и подгруппы ПП, должна выполнять боевые требования тех командиров, части которых она обслуживает. В таких условиях излишняя централизация управления всегда может быть прокорректирована пехотными командирами. Но, несмотря на такое гибкое решение вопроса, стремление к излишней, или, как мы ее называем, «ультрацентрализации» управления артиллерией, без учета обстановки, неизбежно влечет за собой печальные последствия. Обычно «ультрацентрализаторскими» навыками страдают командиры, которые не слишком хорошо отдают себе отчет в свойствах и тактике артиллерии. В силу этого они обращают недостаточно внимания на вопросы распределения артиллерии, на вопросы установления связи между пехотными частями и подгруппами ПП и т. д. И эта небрежность неизменно влечет за собой фактический порыв взаимодействия.

Итак, обучаемый должен усвоить, что каждому виду боя и различным условиям обстановки соответствуют различные формы управления артиллерией, переходя от централизованного управления вплоть до подчинения отдельных орудий. Даже в одном и том же бою на различных этапах боя и на различных участках боевого фронта управление артиллерией должно гибко применяться к условиям обстановки, переходя от централизации к децентрализации и обратно.

Обучаемый должен разработать вопрос обслуживания артиллерией второго эшелона ударной группы и увязать ее действия на первый период боя с первым эшелоном. Обучаемый должен выяснить у руководителя, представляющего собой штаб соединения, как планируется продвижение командных пунктов войскового начальника, в связи с чем он разрабатывает план продвижения наблюдательных пунктов. В связи с плановой таблицей он намечает продвижение артиллерии колесами по рубежам, с тем чтобы атакующая пехота не могла бы остаться ни на минуту без действительной поддержки артиллерии. Эти занятия руководитель проводит первоначально по разделениям. Например, на одной задаче — общее распределение артиллерии; на другой — обслуживание артиллерией второго эшелона; на третьей — продвижение артиллерии с производством необходимых расчетов по прокладке колонных путей, переправ и т. п. Потом, добившись усвоения обучаемыми основных элементов использования артиллерии в бою, руководитель переходит к артиллерийской летучке в полном объеме, требуя от обучаемых, чтоб они строго укладывались в жесткие рамки времени. При занятиях с пехотными и кавалерийскими командирами руководитель должен обратить подчеркнутое внимание на постановку задач артиллерии. Пехотный командир должен ставить артиллерии задачу не в общей форме требования поддержки,

а в форме конкретного целеуказания для подавления определенных огневых очагов противника, мешающих наступлению его части. С этой стороны постановка задач артиллерии теснейшим образом совпадает с умением организовать разведку и с пониманием приемов расчленения боевого порядка противника. Без знания тактики и уставов этого последнего командиру трудно будет ориентироваться в определении значения того или другого основного препятствия, и постановка задач артиллерии будет носить форму требования, ничего не говорящего артиллерии, — «поддерживать наступление пехоты».

Артиллерийские командиры должны научиться поддерживать пехоту в самые короткие сроки времени. Если наш устав говорит о 30 минутах для развертывания артиллерийского дивизиона от момента получения им боевого приказа и об одном часе — для артиллерийского полка, то это не значит, что огонь артиллерийского дивизиона будет открыт лишь через 30 минут и артиллерийского полка — через час. Эти сроки надо рассматривать как максимальные сроки полной организации управления, установки всех батарей на позиции, выбора всех командирских и вспомогательных наблюдательных пунктов. Между тем отдельные батареи могут открыть огонь до организации общего управления. Особенно важно это во встречном бою, где быстрота открытия артиллерийского огня имеет совершенно решающее значение. Поэтому безусловно необходимо добиваться того, чтобы во встречном бою артиллерийский дивизион умел открыть огонь, хотя бы одной батареей, минут через 10 после приказа пехотного командира. Прочие батареи в возможно более короткий срок присоединяются к этой батарее и ведут огонь первое время хотя бы при наличии какого-либо одного, наспех выбранного, наблюдательного пункта. Тем временем общая организация управления артиллерией должна налаживаться и, идя полным ходом, должна быть закончена полностью в рамках установленных сроков. Это требование, безусловно, должны усвоить не только артиллерийские командиры, но и пехотные, что позволит им с гораздо большей энергией и напором развивать бой.

Немалое внимание должно быть уделено на артиллерийских занятиях противотанковой обороне, о чем подробнее будет говориться ниже.

Противовоздушная зенитная оборона должна быть изучена на походе, в наступательном бою, причем в условиях прорыва оборонительной полосы противника необходимо предусмотреть борьбу с авиацией противника над самой оборонительной полосой в момент вклинения в нее наступающего боевого порядка, на речных переправах, в обороне, при выходе из боя, при выгрузке на железнодорожных станциях и т. п.

Особую программу работы, особую по ее удельному весу, но тесно переплетенную со всеми сторонами обучения, должно составить обучение по использованию и совместным действиям с тан-

ками и танков с пехотой и конницей. В область этого обучения должны войти все виды маневренного боя, в связи с чем обучение этому делу опять-таки должно распадаться на изучение его по отдельным элементам на ряде задач-летучек, с постепенным переходом к более сложным и общим видам боевых действий.

Тренировку необходимо начинать с самых мелких частей, причем обучаемые должны изучать использование танков не только в масштабе той части, которой они командуют, но начиная с самых мелких единиц и отдельных танков. Прежде всего должны быть изучены боевые порядки танков и их тактические свойства. Должны быть усвоены наиболее типичные случаи взаимного построения и движения танков с пехотой в условиях прорыва оборонительной полосы и прочих видов боя. Обучаемые должны быть ознакомлены с тем, что до того времени, как танки врываются в оборонительную полосу противника, они постоянно будут находиться под жестоким артиллерийским обстрелом, который если и не всегда причинит большой вред танкам, то может нанести серьезные потери идущей рядом с ними пехоте. В таких случаях пехоте выгодно двигаться на некотором незначительном от них расстоянии (около 200 метров), с тем чтобы догнать и поравняться с танками в момент перехода их в расположение оборонительной полосы противника, когда деятельность его артиллерии будет стеснена своими собственными войсками. Пехота должна отдать себе при этом отчет, что очень легко отстать от танка и далеко не легко догнать его, что танки, не поддержанные пехотой, в конце концов будут истреблены артиллерией противника, если пехота не сможет закрепить и поддержать развитый ими успех. Обороняющийся своей основной задачей будет ставить — отделить артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем наступающую пехоту от танков и пропустить эти последние сквозь свое оборонительное расположение, не прекращая самой обороны и создавая ожесточенную борьбу всеми оборонительными средствами против ворвавшихся танков.

Таким образом, взаимодействие танков и пехоты, пожалуй, должно быть еще более неразрывным, чем пехоты и артиллерии, причем, как правило, это взаимодействие основывается на децентрализованном взаимодействии взводов, рот и батальонов с подчиненными им танковыми частями.

В пределах допустимого сохранения тайны и внезапности операции, т. е. в условиях, когда на подготовку имеется самое незначительное время, пехотные командиры должны обрекогносцировать предстоящую полосу наступления совместно с командирами танков, им приданных. Исходя из общей установки и плановой таблицы овладения различными рубежами, командиры взводов, рот и батальонов договариваются с соответствующими танковыми командирами о порядке развития прорыва, о последовательности овладения теми или другими очагами сопротивления противника, о методах связи, сигнализации и проч. Связь между танками, пе-

хотой и артиллерией чрезвычайно затруднена. Поэтому перед каждым боем необходимо договориться о конкретных формах этой связи. Радиоустановки имеют первоклассное значение, но в условиях напористого прорыва могут давать большие перебои и пока что мало применимы для мелких частей пехоты. Частично может быть использован телефон, хотя действия его будут еще менее надежны. Сигнализация системой флажков, ракетами, мигалками (светосигнальные приборы) может явиться более целесообразной. Здесь, во всяком случае, необходимы мероприятия, дополняющие общую систему связи.

Таким образом, заблаговременная плановая разработка развития прорыва должна быть дополнена целой системой мероприятий по связи, что наилучшим образом должно обеспечить взаимодействие как со стороны внутреннего содержания, так и со стороны его формы.

Действия танков, сопровождающих пехоту, не могут быть прямыми в прорыве. Задержка пехотной части каким-либо огнем очагом противника должна заставить танк повернуться в направлении этого очага. Пехота должна уметь передать танку и помочь обнаружить встреченное ею препятствие. Танк должен уметь быстро найти это препятствие и подавить его огнем и движением. Пехота немедленно использует оказанную ей поддержку и прорывается дальше, а танк вновь развивает свою дальнейшую поддержку. Такие взаимные действия танков и пехоты, по сути, являются нанизанными на одно направление многочисленными боевыми тактическими эпизодами. Обучение взводов и подчиненных им танков должно идти по пути изучения именно этих боевых эпизодов в их бесконечном разнообразии. В изобилии таких тактических примеров и положений должны сказаться изобретательность и способность руководителя, основывающиеся в то же время на строгой реальности и естественности создаваемой обстановки.

Большие затруднения наступлению танков создают искусственные препятствия, созданные противником как у переднего края, так и в глубине оборонительной полосы. Постоянная разведка, ведущаяся в направлении изучения оборонительной полосы противника, должна располагать всеми сведениями о произведенных противником работах по противотанковым искусственным препятствиям. Авиация, агентура, артиллерийское, пехотное и инженерное наблюдения могут обеспечить выполнение этой задачи. В соответствии с характером имеющихся у противника препятствий, в план прорыва танками включается и способность преодоления этих препятствий. Танки могут подвезти на себе фашины и особые приспособления для преодоления рвов и тому подобных препятствий. Разнообразие препятствий требует от наступающего большой изобретательности и гибкости в подготовке к каждому отдельному бою. Но помимо этих технических приемов большая работа выпадает по преодолению танками препятствий на саперов.

Они должны скапывать стенки рвов, в которых засели танки, уменьшая крутость ската; делать проходы через минные поля; определять, где находятся ложные и где искусственные препятствия. Это взаимодействие по преодолению препятствий должно являться одной из самых основных задач подготовки. Если танк своим движением и огнем прокладывает дорогу пехоте вперед, то при хорошей слаженности и связи он может на отдельных участках протолкнуть вперед сопровождающих его пехоту и саперов для производства разведки и уничтожения препятствий. В этой работе точно так же на отдельных тактических приемах должно быть разработано возможно большее число положений, причем обучаемые должны усвоить, что всех положений заранее предусмотреть нельзя и что в ходе боя в жестких сроках и под огнем противника придется постоянно находить новые подходы и новые приемы для преодоления танками препятствий, что обеспечит дальнейший успех наступающей пехоте.

От небольших пехотных и танковых частей обучение должно переходить к все более крупным. Так, например, от стрелкового взвода с отдельным танком — к стрелковой роте с танком или со взводом танков и т. д.

Тактическое использование танков может быть самым разнообразным. Возможна атака переднего края оборонительной полосы противника непосредственно танками без предварительной артиллерийской подготовки. Возможна, наоборот, предварительная артиллерийская подготовка и овладение при помощи артиллерии первым эшелоном опорных пунктов или центров сопротивления противника, после чего будут введены в дело танки для развития этого прорыва в глубину.

При решении этого вопроса необходимо учитывать то положение, что артиллерия могущественна главным образом против тех целей, которые она видит или которые при длительном стоянии на месте могли быть ею заранее и точно определены как на обратных скатах, так и за различного рода укрытиями. Некоторое облегчение может создать корпусная авиация. В условиях же маневренной войны, когда зачастую наступление придется предпринимать без точных данных о противнике, без наличия достаточного времени на подготовку, артиллерия будет оказывать пехоте, безусловно, решающую поддержку при преодолении ею первых эшелонов противника, но будет невольно ослаблять эту поддержку по мере развития прорыва в глубину. Вместе с успехом прорывания на пехоту будет взваливаться все большее и большее количество задач самостоятельного преодоления препятствий, когда артиллерия будет отказывать. Полковая и батальонная артиллерия, продвигаясь за прорывающейся пехотой, должна ослаблять эти затруднения, точно так же как ослаблять их должно продвигающееся за пехотой отделение для связи с пехотой.

Но, несмотря на все эти усилия, необходимо все же отдать себе ясный отчет, что трудности взаимодействия пехоты с артилле-

рией в глубине оборонительной полосы противника будут все больше и больше возрастать. Танк — орудие ближнего боя — может сопровождать пехоту во всю глубину боевого порядка противника и, действуя совместно с пехотой, поддерживая с нею непосредственное соприкосновение, всегда может подавить те огневые очаги, которые не могут быть обнаружены до начала атаки. В связи с этим вполне возможно такое использование артиллерии и танков, когда их решающее участие взаимно ослабляет недостатки одного другого. Так, атака пехоты, поддержанная мощной артиллерийской подготовкой и сопровождением, может увенчаться наиболее уверенным успехом по овладению первыми эшелонами противника, когда обороняющийся потеряет многие выгодные артиллерийские наблюдательные пункты. В этот момент танк может совершить наиболее безболезненное сближение и проникновение в оборонительную полосу противника, и в тот период, когда артиллерия будет встречать все большие затруднения для поддержки связи с пехотой, танки же могут ослабить и возместить нарастающие затруднения.

Однако эти выгоды имеют и очень опасные стороны, и от них часто отказываются. Трудность такого использования вызывается тем обстоятельством, что танкам очень трудно будет найти в прорыве те пехотные части, с которыми они должны действовать. В силу этого практика может вылиться в разрыв во взаимодействии, и наступательный бой будет сорван. Этот вид взаимодействия с танками требует большой предварительной подготовки, умения точно удерживать направление как пехотой, так и танками и строго продуманной и подготовленной системы опознавательных знаков, хорошо заметных как для тех, так и для других.

Руководитель должен практически проработать с обучаемыми все виды использования артиллерии и танков. В этом вопросе, в зависимости от обстановки, могут быть применены различные методы. Возможен, например, случай, когда на направлении главного удара противник имеет трудно преодолимые для танков искусственные или естественные препятствия, но танки могут атаковать на участке скользящей группы или на участке соседа и атаковать во фланг противника, обороняющегося в направлении главного удара. В этом случае очень трудно надеяться на организацию хорошего взаимодействия, но если других выходов в конкретной обстановке сложится бы не могло и если бы все прочие преимущества для наступления пехоты, поддержанной артиллерией, находились на участке, невыгодном для танков, то и такая комбинация могла бы иметь место. Словом, в использовании танков меньше, чем где бы то ни было, может применяться какой-либо определенный шаблон, но, во всяком случае, основным принципом их использования является взаимодействие с пехотой. Это тот принцип, который при прочих равных условиях должен ставиться на первое место.

Следует проработать и вопрос распределения танков в боевой

порядок. Небольшая часть танков может быть придана скрывающейся группе. В ударной группе должно иметь место распределение танков между первым и вторым эшелонами. При наличии значительного количества танков они могут строиться в несколько эшелонов, причем помимо танков, непосредственно сопровождающих пехоту, выделяются эшелоны танков дальнего действия, атакующих непосредственно артиллерию противника, особенно же кинжальные батареи.

Крупнейшие изменения вносят танки и в план оборонительного боя. Подготовка войск к борьбе с танковыми атаками должна основываться на развитии в пехоте привычки встречаться с танком, пропускать его через свой окоп, что должно исключить возможность возникновения безотчетного страха в бою перед надвигающимся «чудовищем», на стрельбе пехоты по смотровым щелям танка, на метании против танков пачек ручных гранат, на метании ружейных гранат, на применении особых крупнокалиберных винтовок, бронебойных пуль из пулеметов и крупнокалиберных пулеметов. В пехоте должно быть выработано умение приносить танкам возможный вред, а также умение маскироваться от танка, наблюдение из которого весьма ограничено, с тем чтобы пропустить его мимо себя и ружейно-пулеметным огнем остановить пехоту, сопровождающую танки. В этой задаче отделения наступающей пехоты от танков должна заключаться основная сила обороны пехоты. Пулеметы, расположенные в глубине, должны выполнить эту основную задачу, что будет все больше и больше отрывать наступающую пехоту от танков, если последние будут нащупывать и бороться с пулеметами, ведущими огонь из глубины. Выдержка пехоты, понимание ею этой основной своей задачи должны явиться основой, на которой можно построить успешную оборону против танков.

Эту задачу должен осуществлять общевойсковой план обороны.

Если прежде оборонительное расположение и передний край обороны в первую очередь приходилось избирать, исходя главным образом из основ артиллерийского боя, когда противник был лишен глубокого наблюдения, то теперь, при возможности иметь дело с атакой танков, приходится выбирать переднего края и всего оборонительного расположения производить, исходя из этих двух основных средств (т. е. танки и артиллерия) подавления обороняющейся пехоты. С этой точки зрения передний край обороны выгодно избирать с таким расчетом, чтобы он включал в себя возможно больше естественных препятствий, непреодолимых для танков, как-то: глубокие ручьи, озера, болота, крупный строевой лес и т. п. Оборона еще больше будет упрощаться, если при этом естественные препятствия будут преграждать и в глубине оборонительной полосы дорогу танкам на наиболее выгодных для наступления направлениях. Схема естественных препятствий должна быть усовершенствована искусственными препятствиями в виде главным образом рвов и минных полей. Рвы отрываются в первую очередь

против легкого танка и постепенно развиваются до более глубокого профиля против более тяжелых типов танков. Система искусственных препятствий должна быть усовершенствована ложными искусственными препятствиями, которые бы, с одной стороны, не позволили танку составить себе ясное представление о схеме действительных искусственных препятствий и которые, с другой стороны, могли бы вызвать задержку в наступлении противника в связи с необходимостью разведать эти искусственные препятствия, особенно же поля минных заграждений.

Совместная схема естественных и искусственных препятствий должна быть дополнена установкой кинжальных орудий, батарей и противотанковых пулеметов. В связи с этим обороняющаяся пехота должна быть разведена так, чтобы в определенной узкой полосе, главным образом вдоль искусственных препятствий, артиллерия могла вести огонь прямой наводкой, не поражая своих войск. На этих направлениях может сосредоточить свой огонь большая часть артиллерии, если она заранее наметит и подготовит себе позиции, куда она сможет быстро выскочить в случае появления танков и проникновения их в оборонительную полосу. До подхода танков к переднему краю обороны вся артиллерия ведет против них огонь с занимаемых ею позиций. По мере проникновения танков в оборонительную полосу, во избежание поражения своей собственной пехоты, артиллерия должна занять те позиции и вести огонь лишь по тем направлениям, где она не поражала бы своих бойцов.

Во избежание обходов танками искусственных препятствий с соседних участков при наличии времени могут создаваться такие препятствия отсеками.

Занятия в условиях различной местности и наличие различного времени для подготовки должны выработать у обучаемых умение готовить наиболее реальный и эффективный план обороны против танков.

Оборона речных преград должна быть тщательно проработана. Мы очень часто сталкиваемся с превратным пониманием обороны рек. При пассивной обороне нередко встречаются такие решения, когда русло реки не избирается передним краем обороны, а таковой относится на некоторое расстояние от реки. Обычно это объясняется стремлением занять для обороны высоты, которые обыкновенно отстоят на некотором расстоянии от реки. Такое стремление занимать высоты вне зависимости от обстановки является формальным пониманием свойств обороны. С другой стороны, такие решения зачастую принимаются из «ультраактивных» намерений. Обороняющийся в этих случаях предполагает наблюдать течение реки и по переправе некоторой части сил противника «обрушиться» на него своими главными силами и утопить в реке. Такое решение могло бы быть целесообразным лишь в случае, если обороняющийся обладает не меньшими силами, чем наступающий в данном районе, чего на самом деле почти никогда не

бывает. Помимо того, необходимо учесть, что наступающий никогда не совершает одной переправы, а производит их или в нескольких пунктах, или же, если не хватает средств, то, во всяком случае, помимо основной переправы организует одну-две демонстрации.

Таким образом, в результате «обрушивание» превращается в «распыление» и без того скудных сил и средств, и, в конце концов, такая оборона не затрудняет, а облегчает противнику форсирование реки. Река, особенно если она представляет собой крупное препятствие, должна обязательно избираться передним краем обороны. Низменные берега могут растянуть в глубину сверх нормы оборонительную полосу, но в общем не должны отменить этого основного положения.

Очень интересный пример подобного рода ложного шаблона приводит Ганс Куль:

«Еще Наполеон учил, и все книги по тактике указывали, что лишь активная оборона реки достигает цели. Непосредственная оборона всей линии реки, гласит руководство по тактике 1912 г. для военных училищ, неосуществима. Если неприятель прорвет ее в одном месте, то вся позиция будет потеряна. Правда, далее оговаривалось, что непосредственная оборона реки все же имеет смысл при некоторых обстоятельствах, когда мы слишком слабы для действительного сопротивления и хотим лишь временно задержать переход неприятеля через реку. Но на это обращали мало внимания. Как общее правило, при всякой обороне реки ограничивались тем, что наблюдали за течением реки посредством сторожевого охранения, а главные силы держали наготове позади, в качестве главного резерва, чтобы ими атаковать неприятеля во время перехода.

Подобным образом поступали и в 1914 г. на Марне. На смешанную бригаду ф. Кревеля и конный корпус ф. дер. Марвица (без 1-й дивизии) была возложена оборона марнского участка. В распоряжении конного корпуса находились еще четыре егерских батальона и небольшой отряд 3-й пехотной дивизии. Штаб 1-й армии надеялся, что ему удастся этими силами заткнуть дыру на Марне. Марна представляет собой широкую быструю реку, протекающую между холмами, частью поросшими лесом и удобными для обороны».

«Я полагаю, что держать силы сосредоточенными и активно оборонять Марну 8 и 9 сентября было совершенно неуместно».

«В этом случае нужно было иметь в виду преимущественно местную оборону, задержку противника и выигрыш времени, а не длительную оборону реки и решительную победу. Цель была бы достигнута, если бы противнику помешали перейти здесь реку 9-го и 10-го числа. В важнейших пунктах следовало выставить отряды для упорного сопротивления и взорвать мосты. Конный корпус, после того как он отошел за Марну, должен был действо-

вать преимущественно в пешем строю при поддержке своей артиллерии. Огнем винтовок, карабинов, артиллерии, а главным образом пулеметов можно было отбить всякую попытку к переходу через реку.

В действительности только мост у Ла-Фертэ су-Жуарр был разрушен и оборонялся кавалерией и егерями. Это задержало весь английский 3-й корпус, который смог перейти здесь через Марну лишь 10-го числа, когда мы уже давно отступили. Френч лично отправился туда 9-го и установил, что ввиду наличия, по-видимому, крупных сил у обороняющегося переход через реку невозможен. Все остальные мосты дальше к востоку попали в руки неприятеля неразрушенными и необороняемыми.

Днем 9-го англичане перешли здесь реку, хотя и крайне нерешительно, головными частями 2-го и 1-го корпусов. Если бы бригада Кревеля действовала так же, как конница Марвица, то 9 сентября ни один англичанин не перешел бы через Марну¹.

При активной обороне реки точно так же приходится зачастую наблюдать архаичные тактические приемы. Старые положения гласили, что мост должен быть прикрыт таким тет-де-поном, который бы прикрывал его от артиллерийского огня. В современных условиях это является делом невозможным. Такая оборона практически из тет-де-пона выросла бы в оборону широким фронтом, имея у себя в тылу крупную речную преграду. Максимум, к чему следует стремиться в современных условиях, — это прикрыть мост от артиллерийского наблюдения противника и обеспечить его от действительного пулеметного обстрела. Это требует создания активной обороны, основанной не на одном мосту или переправе, а на нескольких, с тем чтобы система тет-де-понов образовала широкий плацдарм, обеспечивающий переход в наступление. Такая оборона является и значительно более упорной. Если мы представим себе тет-де-пон, описанный от одного моста радиусом хотя бы в 12 километров, то получим полукружие, равное 35—40 километрам, что потребует для пассивной обороны 3—4 дивизии. Между тем противнику совершенно достаточно подавить на каком-либо одном направлении 1—2 полка и развить решительное наступление в сторону переправы, чем он заставит отступить весь обороняющийся корпус, поставив его в очень тяжелые условия. В этом и заключается вся невыгода такой обороны.

Как видно из этого примера, противник вовсе не обязан атаковать четыре дивизии, а может ограничиться атакой одного-двух, максимум трех полков для того, чтобы достигнуть поставленной себе цели. При наличии же у обороняющегося нескольких переправ противник должен будет брать их поочередно, причем должен будет вводить против каждого отдельного небольшого тет-де-пона и его гарнизона превосходные силы. Если река составляет благо-

¹ Ганс Куль. Воспитание мирного времени и опыт войны. М., изд. Высш. воен. совета, 1923, стр. 29, 30 и 31.

приятные изгибы, то мосты и тет-де-поны при них могут быть скомбинированы обороняющимся таким образом, что они будут взаимно фланкировать друг друга, что потребует от противника выставления ряда заслонов и вообще усложнит всю операцию.

На усвоение более современных форм обороны рек, как активной, так и пассивной, основанных на учете действительности современного огнестрельного оружия и на упорстве обороны, должно быть обращено необходимое внимание.

Форсирование реки, обороняемой противником, представляет в силу вышеизложенных условий значительные трудности. Оно требует наличия отлично подготовленных переправочных средств и тщательного инженерного и артиллерийского расчета. Сочетание понтонных и лодочных переправ и мостов, действия передовых частей с артиллерией и переправкой главных сил должны быть строго соразмерены. Плановая таблица при форсировании реки выдвигает на решающий уровень использования инженерных средств переправы. Время изготовления к действиям, тщательно организованная рекогносцировка инженерных и пехотных командиров, должностящих действовать совместно, разведка вместе с ними артиллеристов, поддерживающих переправу, расчет по времени переправы передовых частей, наводки моста и переброски на ту сторону последующих эшелонов с расширением на той стороне реки занятого плацдарма по рубежам и времени — должно составить основу плана по форсированию реки и должно быть зафиксировано в плановой таблице. Штаб войскового соединения разрабатывает таковую, привлекая к ней начальников инженеров и артиллерии. Связь переправившихся частей с главными силами, находящимися еще на этой стороне, со штабами и с артиллерией должна быть обстоятельно подготовлена. Взаимодействие пехоты и артиллерии встречается крупными препятствия, но должно быть четко организовано, ибо малейший перерыв повлечет за собою неудачу.

Руководитель, организуя занятие по борьбе на реках и особенно при форсировании рек, начинает прорабатывать с обучаемыми отдельные элементы всего вопроса, как-то: расчет переправочных средств, расчет времени, потребного на переброску части и соединения, развитие действий передовыми частями с поддержкой могущественной артиллерией, переправа артиллерии и т. д.

Дымовые завесы являются могущественным техническим средством современной тактики. Умение наблюдать направление ветра и в соответствии с этим намечать районы для пуска дымовых завес является основой обучения. Для дымовых завес могут использоваться как специальные дымовые средства, так и местный подсобный материал: сучья, навоз и т. п. При организации плана дымовых завес пехотные командиры должны согласовать его с артиллеристами, дабы не нарушить артиллерийского наблюдения. Организуя занятия, руководитель может подработать обстановку и решение общевойскового командира, которому не слишком способствует характер местности. Обучаемый должен наметить план

организации дымовых завес на различных этапах наступления, при учете определенного направления ветра, для наиболее успешного наступления, при котором противник не мог бы разгадать основной группировки наступающего. В таком же духе полезно решать задачи с дымовыми завесами в обороне на форсирование рек и в различных видах обстановки. Направление ветра полезно прочертить стрелкой на карте.

Для усовершенствования взаимодействия пехоты, конницы и авиации командиры должны практически тренироваться в постановке задач различным видам авиации. При этих занятиях необходимо тренироваться и в организации ВНОС в соответствии с наставлением. Работа ВНОС должна быть внедрена в практику войсковых командиров и их частей и являться для них обыденным и привычным делом.

Летный состав необходимо тренировать в изучении всех изложенных выше вопросов, ибо только при взаимном понимании свойств и способов действий можно достигнуть хорошего взаимодействия.

Тактическую работу в различных условиях обстановки необходимо усложнять ночными боями: тщательной проработкой постановки задач, размеров этих задач, организации связи, управления и проч.

Применение танков в ночном бою может оказать существенную помощь.

Конница в программе своей учебы необходимо должна охватить весь тот цикл вопросов, о которых говорилось выше. Имея организацию и вооружение, которое дает наибольшую эффективность лишь при действии в конном строю, конница в современных условиях должна уметь вести и спешенный общевойсковой бой, вплоть до прорыва оборонительных полос. В этом случае конница должна тренироваться в совместных действиях с современными быстроходными танками, для чего танками должна быть организована очистка проходов от колючей проволоки. При действиях на флангах противника и при невозможности смять его в конной атаке конница должна перейти к спешенной атаке и, постепенно обтекая фланг и принуждая противника ко все большему и большему отходу, применяя при этом спешенные действия и в конном строю, конница в конце концов должна дезорганизовать фланг и тыл противника, принудить его к общему беспорядочному отходу и докончить его поражением в конном строю. В общем и целом условия современной войны требуют от конницы усвоения помимо действий в конном строю всей методичности современного общевойскового боя. Поэтому с кавалерийскими командирами необходимо проводить углубленную проработку вышеизложенных вопросов.

Вся подготовка как зимнего, так и летнего периода должна вестись под углом зрения развития самостоятельности, активности, напористости, расторопности командиров и красноармейцев и общей мобильности войск. Методичность действий должна сочетаться

с гибкостью и смелостью действий войсковых частей и их командиров. Под этим углом зрения, повторяю, должны строиться все занятия. Наши уставы проникнуты активностью и смелостью.

Полевой устав говорит:

«Готовность нести ответственность за смелое решение является основой командования.

Упрека заслуживает не тот, кто в стремлении уничтожить врага потерпел неудачу, а тот, кто, боясь ответственности, не бросил всех своих сил и средств для достижения победы».

Вокруг наших уставов должно быть создано такое общественное мнение, которое обеспечило бы им не только формальное выполнение, но и усвоение их идейно и убежденно. Весь начальствующий состав и политорганы всей системой своего воспитательного воздействия, всей системой партийно-политического руководства должны обеспечить Красной Армии знание техники современного боевого дела и незыблемое закрепление в общественном сознании нашей армии тех методов и положений, которые утверждены нашими уставами.

ОРГАНИЗАЦИЯ БОЕВОЙ ПОДГОТОВКИ ¹

Общие установки, даваемые армии по вопросам тактико-стрелкового обучения, не освобождают ни одной командной инстанции от самостоятельной оценки достижений и недочетов своей части или соединения. Даже в условиях наиболее успешного роста нельзя ожидать полной равномерности в достижениях. Мы же, несмотря на бурный рост наших тактических успехов, такой равномерностью вообще не можем особенно хвалиться. Поэтому общие установки для армии должны преломляться, в смысле организации своих методических усилий, через качественное состояние тактического уровня данного соединения или части. Вот почему тов. Ворошилов так настойчиво заостряет внимание всего начальствующего состава на проблеме руководства подготовкой.

Усвоение этого вопроса должно происходить под углом зрения крупнейшего нового фактора в жизни Красной Армии, а именно — появления ПУ—29². Достижения и недочеты войскового соединения должны быть проанализированы с точки зрения требований Полевого устава. Важно определить не тактический уровень «вообще», а степень усвоения основных положений нашей тактической доктрины, оформившейся в ПУ—29. Несмотря на то что ПУ—29 является завершением в основном уже усвоенного БУП—27³ и БУА—27⁴, все же он выдвигает и ряд новых положений и дает более обстоятельную, углубленную разработку вопросов организации и управления боем соединенных родов войск. Эта работа по выявлению степени усвоения новых уставных положений, степени усвояемости отдельных элементов из этих положений и определения наиболее легко и наиболее трудно дающихся элементов составляет крупнейшую часть методической работы командира.

Разбрасывать свою подготовку по всем направлениям, считать обязательным прохождение всех уголочков устава, всех возможных видов боевых столкновений и проч.— это значит не знать, как надо воспитывать и обучать свое соединение. В ходе тактической работы различные положения Устава проходятся сами собою. Чем большей будет практическая работа, чем большее число задач будет прорешено, тем больше будет и общая тренировка. Но эта об-

¹ «Красная звезда», 1929, 22 декабря, № 295. — *Ред.*

² Полевой устав 1929 г. — *Ред.*

³ Боевой устав пехоты 1927 г. — *Ред.*

⁴ Боевой устав артиллерии 1927 г. — *Ред.*

щая тренировка может систематически хромать в своих отдельных звеньях. И методическое искусство командира должно состоять в том, чтобы эти звенья уловить, их определить, охарактеризовать и составить план изжития именно этих недочетов. В соответствии с трудностями того или другого отдела, со степенью его усвояемости, командир намечает и соответствующее количество практических упражнений на данную тему. В этом и заключается метод повторности — не вообще повторять все, а повторять те элементы, те составные части, которые нарушают общее целое. Тот командир, который видит, что дело у него хромает, но который не умеет отыскать этих слабых звеньев и который постарается изжить недочеты путем повторных упражнений в задачах общего характера, тот никогда не добьется благоприятных результатов и в конце концов сам дезориентируется. Анализ уровня и сущности тактических достижений в том и должен заключаться, чтобы найти неувоенные звенья и переходы и план методического усовершенствования построить так, чтобы эти элементы, каждый в отдельности, путем настойчивой практической проработки были бы наконец усвоены и практически преодолены. Только после такого усвоения отдельных элементов есть смысл переходить на задачи и упражнения (в классе и в поле, без войск и с войсками, одностепенные и двухстепенные) обобщающего характера, т. е. включающие в себя все элементы боя.

Само собою понятно, что такой анализ командир может дать лишь в том случае, если он сам обстоятельно изучит Полевой устав и усвоит его требования по организации боя и по управлению боем, во всю глубину его развития, с учетом всех характерных особенностей различной обстановки и различного сочетания родов войск. В этом смысле ПУ—29 дает богатейший материал, но изложенный сжато и требующий поэтому большей самостоятельной работы от каждого командира. Динамика управления, его гибкость и жизненность даются наиболее трудно, и потому на этих вопросах необходимо особенно внимательно останавливаться, не говоря уже о большом числе новых технических средств, которыми необходимо научиться пользоваться.

Хочется обратить еще внимание на вопрос давно знакомый, но являющийся чрезвычайно трудно усвояемым, это — вопрос об общевойсковой роли стрелкового батальона. Развертывание батальона из общего строя, после сближения по скрытому подступу, развертывание, происходящее при поддержке уже организованного артиллерийского огня и огня пулеметной роты, включает в себя или, вернее говоря, предполагает наличие уже принятого плана боя, в котором маневр батальона, т. е. движение ударной и сковывающей групп, соответствующим образом базируется на огневом применении артиллерийских и пулеметных средств. Стрелковый батальон является той единицей, которая приспособляет к жизни, к обстановке общевойсковые решения дивизии и полка. Даже при централизованном, жестком управлении в масштабе дивизии на батальон

все же выпадает эта самая задача, т. е. приспособление к жизни, приспособление к обстановке, на различных участках поля боя, в различные его периоды общих тактических решений и планов. Централизованное управление артиллерией не может быть хорошо осуществлено, если подгруппы ПП не будут связаны прочно с батальонами и если эти последние не смогут правильно, целесообразно ставить огневые задачи артиллерии. То же самое касается применения танков и других технических средств, обеспечивающих наступление, атаку и прорывание пехоты. Высшие формы тактического искусства недостижимы, если батальоны являются только пехотными единицами и не умеют выполнять той общевойсковой роли, которая на их плечи возлагается современным боем. Такое положение требует от батальона умения предвидеть развитие боевого столкновения и подготовиться к управлению ротами и приданными или обслуживающими батальон техническими средствами на различных этапах боя. Предварительная подготовка и разработка плана управления боем на весь процесс его развития являются крупнейшей задачей батальона, к которой штаб батальона должен быть обстоятельно подготовлен. Для этой цели следует решительно рекомендовать командирам батальонов на время всех батальонных учений создавать временный штаб в составе: адъютанта, двух младших командиров для поручений и трех младших командиров-наблюдателей. Все эти командиры должны быть отличными и наиболее квалифицированными. ПУ—29 излагает действия главным образом полка, дивизии и корпуса. Батальон находит, конечно, широкое освещение в Уставе, но все же от комбата требуется способность к самостоятельному приспособлению к батальону всего того, что вытекает из указаний ПУ—29 для полка и дивизий. БУП—27 хотя и построен на тех же началах, что и ПУ—29, но, как составленный и выпущенный за два года до последнего, естественно, не содержит в себе тех дополнительных проработок, которые нашли место в ПУ—29. В общем, на общевойсковой подготовке стрелкового батальона и на подготовке органа его управления необходимо сосредоточить крупнейшее внимание. Лишь только овладев этим звеном в отношении общевойсковой подготовки, можно справиться с таковой и в более крупном войсковом масштабе. Вполне понятно, что и для батальона, как для полка и для дивизии, одни элементы даются легче, другие — труднее, и методика должна ответить на это соответствующим распределением задач и временем, отводимым на их разрешение.

Неравномерность тактических успехов направляется по двум линиям. Во-первых, одни части в общем оказываются лучше других, и, во-вторых, в одной и той же части одни элементы боя усвоены хорошо, другие скверно. Методический план командира должен учесть это и соответственным образом организовать свои силы: отстающие части привлекают его особое внимание, получают поддержку отличными командирами-инструкторами, для них выкраивается и выгадывается наибольшее время для занятий, наибольш-

шее освобождение от нарядов, предоставление наилучших учебных полей и проч. и т. п. Оставшиеся же неувоенными элементы боя обставляются наиболее напряженной тренировкой, т. е. для них выделяется относительно большее время занятий и по ним проходит большее число задач и учений.

Анализируя состояние части или соединения и выработывая план подготовки, командир должен учесть все каналы воздействия, которые можно для этого дела использовать. Прежде всего необходимо усвоить, что в условиях развития Красной Армии общественный элемент имеет решающее значение. Мы можем и должны обучать наши красноармейские части не как бездушные организмы, а как организмы живые, активные, с энтузиазмом занимающиеся военным делом, изучающие его в своих собственных классовых интересах. Одними административными мерами, одним инструктажем нельзя добиться всего. Нельзя, чтобы учил один только командир. Необходимо еще создать такое положение, чтобы самостоятельно училась, под руководством командира, вся красноармейская масса. Только развивая пытливість, активность, инициативу, любовь и увлечение своим делом, можно достигнуть тех темпов нашего тактического совершенствования, каких мы желаем добиться и каких, конечно, не сможет добиться никакая буржуазная армия. Выработывая свой план обучения, командир должен учитывать этот вопрос и мобилизовать для его разрешения все имеющиеся ресурсы и возможности. Политаппарат, партийные и комсомольские организации окажут командиру активную и решительную поддержку, но для этого он должен ознакомить их и поставить перед ними те вопросы тактического обучения, усвоения которых он хочет добиться. В свою очередь, политорганы, партийные организации и все общественные организации, работающие в Красной Армии, должны поставить перед собою проблему обеспечения и совершенствования тактической подготовки. Каждая организация должна разработать план своего участия в этой работе. Не должно быть в армии ни одного звена, не мобилизовавшего на этом важнейшем фронте своих сил и средств. Громадные задачи выпадают на **военкоровское движение**.

Но мы должны ставить вопрос и шире. Не только внутри армии, но и вне армии мы можем найти возможности, ускоряющие наше развитие. В первую очередь поддержку нам могут оказать шефы. Если в военных уголках шефских организаций войсковые части будут экспонировать данные об успехах и недочетах подшефной части, если они будут знакомить шефские рабочие массы с задачами и установками боевой подготовки, если военкоры будут информировать шефов о ходе занятий, если успехи социалистического соревнования в частях будут делаться достоянием рабочих масс и списки и описания отличившихся и выдержавших соревнование будут известны на заводах и т. п., — то все это создаст условия весьма сильного воздействия шефства на более напряженное и активное развитие нашей тактической подготовки.

Опыт последнего времени нам показывает, что мы с поразительной быстротой добиваемся усвоения тех тактических положений, которые становятся достоянием широкой красноармейской общественности. Например, если вопросы смелости, инициативы, мобильности нам трудно было толкать одними методическими указаниями, то мы могли быстро толкнуть вперед их развитие тогда, когда довели эти цели и задачи, их необходимость, их смысл до сознания широких красноармейских масс, когда на этом вопросе было заострено пристальное внимание наших партийных и общественных организаций. Только будучи общественником, командир сможет мобилизовать широкое общественное внимание вокруг вопроса подготовки, а следовательно, и достигнуть максимального темпа успехов. При этом общественное мнение должно работать не «вообще» по вопросам подготовки, а по тем конкретным элементам, которые ставятся в порядок дня обучения.

Разработав план подготовки, командир должен обеспечить организационно вопрос руководства. О мобилизации общественного мнения и общественной поддержки уже говорилось выше. В данном случае речь идет об объединении работы тех командиров-инструкторов, которые будут проводить намеченные установки. Для каждого конкретного плана необходимы конкретные подготовленные инструкторы. Поэтому войсковой командир, прежде чем начать общую учебу, должен ознакомить основные руководящие кадры, части или соединения с теми установками, которые он на основе общеармейских установок выдвигает для своей части, с теми элементами, которые он считает в состоянии подготовки наиболее слабыми, и с теми методами, которыми он думает эти недостатки изжить и дать общему развитию по совершенствованию максимальный темп. При хорошей сработанности такие инструктивные занятия не займут много времени. Если командир хорошо отдает себе отчет в действительном состоянии части, если он умеет уловить и выделить хромающие элементы или звенья, то на этих занятиях он не будет «растекаться мыслью по древу», сумеет добиться усвоения основных положений рядом задач по наиболее ударным вопросам. При этом нельзя, конечно, упускать из виду и тех новых задач, которые выдвигает развитие современной техники и по поводу которых мы имеем достаточные указания в ПУ—29. Подготавливая руководящие кадры для занятий, во всяком случае для занятий командирских, старший начальник может и не руководствоваться строгим соблюдением иерархии. Для успешности тактических занятий с командирами особенно важно, чтобы руководитель умел живо и интересно проводить занятия, разнообразить их вводными данными, сосредоточивать общее внимание на прорабатываемом вопросе. Руководитель по своей категории может быть и младшим по сравнению с теми командирами, которые работают в группе. Особенно это касается проведения военных игр. Далее, руководитель в группе не сам проводит все занятия, а распределяет темы между участниками, которые и руководят ими

поочередно, консультируясь с руководителем группы. Как общее правило, каждая задача, каждая летучка проводится с участием других родов войск, для чего всегда должны участвовать начальник штаба, начарт (командир группы или подгруппы ПП), начальник связи и проч. Каждая задача должна охватывать бой во взаимодействии родов войск, и притом не на одном каком-либо рубеже, а на всем процессе развития боя. Войсковой командир должен участвовать в занятиях не только как руководитель, но и как участник. Будет очень полезно, если он сам будет работать под руководством кого-либо из подчиненных, особенно по тем задачам, где он хочет показать примерность исполнения.

Каждый руководитель занятия должен понимать, что от качества его работы зависит и само усвоение тактических элементов. Необходимо, чтобы тактическое задание прежде всего отвечало интересам усвоения прорабатываемого тактического элемента, интересам изжития тех недочетов, которые в этом вопросе до сих пор проявлялись. Поэтому задание должно быть составлено так, чтобы оно по данному вопросу было характерно и поучительно. Необходимо указать, что зачастую приходится сталкиваться с большим злоупотреблением чрезмерно широкого изложения обстановки. Эта последняя должна даваться лишь в той мере, в какой она необходима для решения данной задачи. При проработке политэлемента рамки обстановки иногда приходится сознательно расширять, но опять-таки это расширение должно иметь определенное целевое назначение. Разборы занятий должны отличаться краткостью и большой определенностью. В разборе лучше всего отражается — уловил ли руководитель ту конкретную задачу, с преодолением которой поднимется общий тактический уровень, или же он подходит «вообще», т. е. и сам хорошо не понимает, чего он ищет.

Нередко приходится сталкиваться с высказываемыми соображениями о том, что-де число занятий идет в ущерб их качеству. Плохое качество занятий может иметь место и при ограниченном числе задач, и при большом их числе. Но если ставить занятия грамотно, то само собою понятно, что, чем большее число раз каждый из тактических элементов будет проработан, тем в большей степени он будет усвоен. Важно, чтобы каждое занятие охватывало деятельность всех родов войск и весь процесс боя, в пределах изучаемого элемента боя. При соблюдении этого условия число задач всегда играет положительную воспитательную роль.

Уже в период осенних и зимних занятий с командирами старший начальник должен предусмотреть подготовку посреднического аппарата для действий в поле. Посредники — это такой институт, который с наибольшим успехом позволяет достигать повышенных учебных результатов. Однако плохо подготовленный посредник часто превращается в помеху рациональному тактическому обучению, особенно если он начинает командовать сторонами, проявлять самодурство и недостаток тактического чутья. Посредник должен быть проводником основных тактических установок, по

должен достигать этого не командованием обеими сторонами, а вводными данными, приговорами на отдельных участках, которыми он может иллюстрировать качество тех или других решений. Особенно недопустимо приговаривать стороны к бездействию или разводить части. Нормальное положение следует восстанавливать путем дополнительных вводных данных в форме приговоров на флангах и т. п. Посредник не должен забывать давать данные о развитии боевых действий условными частями на флангах. Посредник должен всей суммой своей деятельности прививать войскам смелость, активность, подвижность, упорство.

План тактично-стрелковой подготовки должен добиваться того, чтобы тактика была построена на сочетании огня и движения, т. е. на маневре. Никакого отрыва и тем более противопоставления тактики и стрелкового дела не должно существовать. Весь ход обучения должен быть построен так, чтобы маневр был основан на сознательном и строгом сочетании огня и движения.

План обучения не может оставаться в процессе его проведения без известных коррективов. Успешность усвоения одних тактических элементов, отставание других и т. п. должны вносить и соответствующие коррективы в намеченное распределение тем и занятий. Поэтому не только до составления плана, но и в процессе его осуществления командир должен внимательно изучать тактический рост и состояние его части или соединения, анализировать этот рост и сделать соответствующие методические выводы.

В заключение необходимо еще раз повторить, что мобилизация широкого общественного внимания и интереса к делу подготовки лучше всего обеспечивает выполнение намеченного плана. В частности, организация военкоровского дела должна быть предметом самого пристального внимания войскового командира. Очень важно, чтобы военкоровское перо писало по тактическим вопросам не «вообще», а в духе тех установок, которые выдвинуты перед армией, в духе тех конкретных недочетов и задач, которые выдвигаются перед данной частью. Для этого командир должен тактически подготовить своих военкоров. Подобно тому, как он проводит занятия с основным инструкторско-командирским кадром, он должен и с военкорами провести такую же работу, добиться того, чтобы они изучали учебно-тактические установки, уставные требования по этому вопросу и методы проведения их в жизнь. В таких условиях военкоровское движение окажет громадное, незаменимое содействие командиру в его учебно-методической работе.

Чем больше будут изживаться отдельные слабые места, чем большее соответствие будет достигнуто в усвоении отдельных элементов общевойсковой тактики, тем быстрее будет и общий рост тактической подготовки. Мобилизацией всех усилий — и организационно-методических, и общественного внимания, вовлечением широких красноармейских масс в осуществление задач тактической подготовки — мы сумеем достигнуть того темпа в совершенствовании войск, который нам необходим.

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ Г. ДЕЛЬБРЮКА «ИСТОРИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА В РАМКАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ»¹

Издание «Истории военного искусства в рамках политической истории» Ганса Дельбрюка представляется нам чрезвычайно своевременным. Этот труд, охватывая военное дело с эпохи Возрождения и кончая эпохой французских революционных войн, представляет крупнейший исторический интерес. Потребность в Дельбрюке на русском языке ощущается давно.

Дельбрюк — профессор Берлинского университета. Характеризуя его, Франц Меринг в своих очерках по истории войны и военного искусства, между прочим, говорит: «Не совсем мало важным для характеристики автора является то, что в предисловии он тотчас же рекомендуется как прежний воспитатель принца, многому научившийся от другого, военного воспитателя принца, в то время как наши молодые господа играли под нашим наблюдением на гимнастической площадке у нового дворца»².

Сильной стороной Дельбрюка является чрезвычайно добросовестное исследование. Он злейший враг материализма, и диалектического материализма в частности, что неоднократно подчеркивается им в своей истории. Несмотря на это, «его военно-научные исследования именно потому, что он серьезно производит их, ведут всегда к экономической подоплеке явлений, и вследствие этого он гораздо ближе подходит к материалистическому методу изучения истории, чем это можно было бы заключить по его устрашающим проклятиям против этого метода»³.

Любимым героем Дельбрюка является «царственный полководец» Фридрих Великий. Его восхищение вызывает и Наполеон. Со всем иначе он относится к революции и народным массам. Мы встречаем по их адресу самые дикие словечки. Говоря о военном строительстве Франции в 1793 г. и о достигнутом перевесе сил, он

¹ Г. Дельбрюк. История военного искусства в рамках политической истории. Перевод с немецкого А. К. Рачинского. Т. 4. Новое время. М., Госиздат, 1930.— *Ред.*

² Ф. Меринг. Очерки по истории войны и военного искусства. Изд-во «Пролетарий», 1925, стр. 56.

³ Там же, стр. 57.

тем не менее добавляет: «Действительное превосходство сил они, однако, еще не получили, так как террористическое правительство было не способно дать твердое устройство этой огромной массе людей»¹. Описывая далее историю революционных войн и останавливаясь на факте искажения по приказанию Наполеона истории Итальянской кампании 1800 г., Дельбрюк, указывая, что это не делает чести Наполеону, вместе с тем заявляет, что Наполеон прекрасно понимал то, что он делал, так как «он знал, что истинное величие недоступно пониманию народа». Консерватизм Дельбрюка, как на это указывает и редакция, еще больше обострился после германской революции.

Но тем не менее Дельбрюк является ученым первоклассной величины, иногда подходящим к материалистическому пониманию истории. Его полемика с прусским генеральным штабом, о чем речь будет идти дальше, вызвана именно тем, что он, как историк, стремящийся понять диалектическое развитие событий и добросовестно подходящий к их изучению, нередко идет в ногу с выводами историко-марксистов. Но зачастую Дельбрюк катится вниз и из диалектика превращается в метафизика и эклектика.

Подходя к исследованию форм ведения войны в различные эпохи, Дельбрюк волей-неволей, ввиду своей исторической добросовестности, часто приходит к материалистическим выводам, хотя с точки зрения диалектического материализма они зачастую оказываются неверными, а иногда абсурдными. Мы постоянно встречаемся у него с указаниями на то, что «каждая война в сильной степени определяется экономическим моментом». Указывая на новые формы стратегии в связи с развитием капитализма и ростом абсолютизма в Европе, Дельбрюк по-своему материалистически говорит: «Во втором томе этого сочинения мы познакомились с тем, как крушение античного денежного хозяйства и катастрофическое возвращение Европы к натуральному хозяйству способствовало развалу римских легионов. Теперь мы наблюдаем обратное явление: с возрождением денежного хозяйства снова создаются дисциплинированные постоянные армии»². Если посмотреть, в чем заключаются разногласия между Дельбрюком и прусским генеральным штабом о характере стратегии Фридриха Великого, то мы опять-таки увидим, что Дельбрюк характеризует стратегию Фридриха как резко противоположную стратегии Наполеона, ибо войны, веденные ими, порождались совершенно различными социально-экономическими условиями.

Дельбрюк неоднократно делает выпады против материалистов, а вместе с тем его характеристика многих стратегических эпох и причин, порождавших новые изменения, почти целиком совпадает с краткими замечаниями и положениями Энгельса в «Анти-Дюрин-

¹ Г. Дельбрюк. История военного искусства в рамках политической истории, стр. 390.

² Там же, стр. 215.

ге» и в статье «Возможность и предпосылки войны Священного союза против Франции в 1852 г.». Характеристика эпохи французской революции почти целиком совпадает у Дельбрюка с Энгельсом. Только в двух местах Дельбрюк как бы огрызается по адресу Энгельса, не упоминая его имени. «Мы,— говорит Дельбрюк,— обзирающие эволюцию в ее последовательном ходе, видим военно-историческое значение революционных войн не в усовершенствовании пороха и ружей»¹. «Единственным решающим для нас моментом является новая организация армии, сперва породившая новую тактику, из которой затем должна была расцвести и новая стратегия»². Рассматривая далее причины образования новой организации армии, Дельбрюк представляет их в том же виде, как и Энгельс. Предпосылкой для таких изменений является солдатский материал, от которого ожидается в деле ведения войны, «что он обладает доброй волей». Далее Дельбрюк констатирует: «В артиллерии значительные улучшения в конструкцию орудий внес Грибоваль еще в последние годы старой монархии. Постепенно открыли, где можно сэкономить на металле и весе орудий без ущерба для прочности их»³. «Грибоваль настолько уменьшил вес полевых орудий, что на поле сражения их перевозить могли сами солдаты, снабженные с этой целью кожаными ляжками»⁴. «Наполеон, немедленно по вступлении его в командование, внес то улучшение, что он милитаризировал ездовых»⁵. «Большая подвижность этой артиллерии дала возможность выдвинуть новый тактический принцип ее применения. Сосредоточивали действие огня на определенный пункт, который, таким образом, подготавливали для прорыва пехоты. Такой результат достигался с тем большей легкостью, когда это удавалось выполнить неожиданно для неприятеля»⁶. «Стрелковый бой, рассчитанный на большую продолжительность и требовавший взаимной поддержки разных родов войска, сделал желательным более постоянное объединение войсковых частей. Поэтому французы создали сначала дивизии, а позднее — и армейские корпуса»⁷.

Итак, мы видим, что, несмотря на оговорки, Дельбрюк в конце концов приходит к выводам Энгельса, которые сформулированы следующим образом: «Этот новый боевой метод, основанный на соединении стрелковых команд с колоннами пехоты и на разделении армии на самостоятельные, составленные из всех родов оружия дивизии или армейские корпуса, был вполне разработан Наполеоном как со стороны тактики, так и стратегии. Из сказанного выше видно, что он стал необходимым прежде всего вследствие из-

¹ Г. Дельбрюк. История военного искусства в рамках политической истории, стр. 396.

² Там же, стр. 397.

³ Там же, стр. 402.

⁴ Там же, стр. 403.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

менения солдатского материала, которым располагала французская революция. Но для успешного применения его требовались еще два очень важных технических условия: во-первых, более легкие лафеты полевых орудий, устроенные Грибовалем, благодаря чему только и стала возможной требуемая теперь от них большая скорость движения; во-вторых, введенная во Франции в 1777 г. и заимствованная у охотничьего ружья изогнутость ружейного приклада, представлявшего раньше прямое продолжение ствола,— что сделало возможным целить в определенного человека, не делая непременно промахов»¹.

«Если бы кто вздумал заключить, — говорит Дельбрюк по поводу стратегических форм Наполеона, — что новая стратегия выросла на почве новых отношений как их естественный продукт, сама собою, то это было бы заблуждением. Лишь творческий гений великой личности вылепил фактически новое явление из данного ему материала. Именно на этих моментах истории с особенной ясностью убеждаешься в том, что мировая история отнюдь не представляет естественно-исторический процесс, как то думают материалисты»². Дельбрюк как будто бы нарочно забывает о том, как Энгельс характеризовал процесс развития французской революционной тактики и стратегии. Помимо вышеприведенных выдержек из «Анти-Дюринга» приведем характеристику, данную Энгельсом тому же процессу в статье «Возможность и предпосылки войны Священного союза против Франции в 1852 г.». «Эта массовая тактика, — говорит Энгельс, — осталась в зачаточном состоянии, и, например, в 1794 году она не применялась французами при Туркуэне и Флери (французы вместе с самим Карно делали грубейшие ошибки), пока Наполеон во время шестинедельного пьемонтского похода в 1796 году уничтожением превосходных сил неприятеля по частям не показал людям, к чему они приходят, сами того не сознавая»³.

Вернемся, однако, к более ранним эпохам. «Введение огнестрельного оружия повлияло революционирующим образом не только на самое ведение войны, но и на политические отношения господствующих и угнетенных классов. Чтобы добыть огнестрельное оружие, нужны были промышленность и деньги, а тем и другим владели горожане. Огнестрельное оружие было, поэтому, с самого начала оружием городов и возвышающейся монархии, которая в своей борьбе против феодального дворянства опиралась на города. Непрístupные до тех пор каменные стены рыцарских замков не устояли перед пушками горожан. Пули бюргерских ружей пробili рыцарские панцири»⁴. «Таким образом, борьба между разверну-

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Изд-во «Московский рабочий», 1923, стр. 192.

² Г. Дельбрюк. История военного искусства в рамках политической истории, стр. 418—419.

³ Ф. Энгельс. Статьи и письма по военным вопросам. Изд-во «Красная Новь», 1924, стр. 20.

⁴ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 190.

той цепью и эскадром, между копьем и пистолетом представляет не только техническую антитезу, но и спор двух исторических эпох. В этом случае в легенде, будто огнестрельное оружие одолело средневековое, — действительно есть крупница истины»¹. Даже приходя к тем же самым выводам, что и Энгельс, Дельбрюк не может удержаться, чтобы не назвать положения, выдвинутого Энгельсом, легендой. Итак, исторические исследования Дельбрюка, несмотря на все его отвращение к диалектическому материализму, в вопросах, касающихся военного искусства и влияния на него экономики социальных отношений, а также роста военной техники, во многих случаях приближаются к выводам марксистов. Но эти выводы самим же Дельбрюком постоянно опротестовываются, его материализм перемешивается с идеализмом, диалектика с метафизикой, и поэтому читатель должен весьма критически пользоваться трудом Дельбрюка, в котором, несмотря на все недочеты, он может почерпнуть много ценного.

Развитие капитализма шло рука об руку с развитием огнестрельного оружия. На смену рыцарству — основной форме вооруженной силы феодализма — явилась пехота. Денежное хозяйство породило и обеспечило организацию наемной пехоты. Долгое время наемная пехота являлась монополией швейцарцев, и, даже после того как появились германские наемники — ландскнехты, швейцарцы долгое время оставались непобедимыми. Дельбрюк указывает на сражение при Гинегате в 1479 г. как на первое, где появилась не швейцарская пехота. Развитие таковой шло и в Германии, и в Испании. Многие страны принимали меры к созданию своей пехоты, но это не везде удавалось. Централизирующая монархическая власть в своей борьбе с феодалами постоянно опиралась на наемные войска. Торговый капитал явился в этом деле основной силой. Однако после, когда монархическая власть достаточно укрепилась, мы замечаем приближение более родственной ей аристократии к государственному аппарату, в то время как буржуазия ввиду ее роста и опасности увеличения ее удельного веса стала отстраняться и в первую очередь была вытеснена из офицерского состава. Так продолжалось вплоть до французской революции, пока буржуазия не взяла во Франции власть в свои руки.

Феодализм жестоко сопротивлялся той революции, которая произошла в военном деле. Эта борьба шла как по линии политической, так и по линии специально военного дела. В то время как наемная пехота, а затем и конница все более и более вводили на вооружение огнестрельное оружие, и ручное и артиллерию, и все более его совершенствовали, феодальное рыцарство для борьбы с огнем не находило иных мер, кроме утолщения брони. Дельбрюк приводит об этом целый ряд свидетельств современников. «Таванн сообщает, что рыцари заказывали себе все более и более тя-

¹ Г. Дельбрюк. История военного искусства в рамках политической истории, стр. 130.

желые латы, чтобы защищать себя от пистолетных пуль». «Чрезмерно тяжелые латы делают того, кто их носит, неспособным к бою». Де ля Ну писал то же самое: «Если, правда, у них и были основания делать свои латы несколько более прочными и надежными, чем раньше, ввиду той опасности и силы, которую представляют пистолет и пищади, то все же они настолько превзошли в этом отношении надлежащую меру, что большинство их нагружает себя вместо того, что можно бы назвать латами, целою наковальней». «То вооружение, которое носят в настоящее время, так неудобно и тяжело, что у дворянина лет 35 под этими латами болят плечи. Раньше мне пришлось видеть, как господин Дегильи и рыцарь Лью Греффье, два почтенных старика, целый день ездил впереди своих рот, одетые с ног до головы в латы, между тем как теперь ни один капитан, даже гораздо более молодой, не захочет, да и не сможет пробить в таком виде и двух часов».

В общем с конца XV века рыцарство идет по нисходящей линии, и пехота занимает первенствующее место. Дельбрюк чрезвычайно обстоятельно разбирает внутреннюю организацию наемных войск. Феодалное общество, уступавшее дорогу капитализму, породило немалое количество деклассированного элемента, чем обеспечило широкое развитие наемничества. Как указывает Меринг, наемники имели свой ценовый порядок. «Они образовали вполне уважаемое и по тогдашнему времени неплохо оплачиваемое ремесленное сословие». «Однако военное ремесло переняло от средневекового цеха лишь свои формы; в действительности же оно с самого начала покоилось на капиталистической основе». Вербовка наемников производилась или по частной инициативе отдельных командиров, которые затем поступали на службу любого государства, или же по поручению правительства особыми подрядчиками.

Но не только пехота вытесняла рыцарство. На смену ему пришла и наемная конница, которую Дельбрюк рассматривает не как реорганизацию рыцарства, а как вооруженную силу, противопоставленную ему. Социальный дух рыцарства не позволял введения строгой дисциплины, которая является необходимой со времени введения огнестрельного оружия и появления пехоты. Например, «французские рыцари, — говорит Дельбрюк, — представляли чересчур неподатливый материал. Они были, по единогласному отзыву наших писателей, слишком горды, чтобы дать себя построить в эскадрон, ибо все они хотели стоять в первой шеренге, никого не хотели пропускать стать впереди себя и ненавидели пистолет. И дисциплина, и это оружие противоречат сущности рыцарства. Между тем простые наемники давали себя строить и стали одолевать своей массой рыцарей». Наемная конница, как и пехота, пережила длительную эволюцию боевых порядков и методов атаки в связи с различной силой сочетания огня и холодного оружия.

Стрелковое оружие в пехоте вначале было использовано в форме цепей застрельщиков, которые подготовляли атаку глубоких

колонн, построенных массивованно и сомкнуто. Дальнейшее развитие огня, как пехотного, так и артиллерийского, толкало боевые порядки по пути уменьшения глубины построения. Число стрелков-мушкетеров непрерывно возрастало за счет процентного снижения копейщиков. Во времена Густава Адольфа мушкетеры и пикинеры ставились вперемежку. Дальнейшее усовершенствование ружейного огня и сочетания ружья со штыком совершенно вытеснило пику и породило трехшереножный линейный боевой порядок. Таким образом, на протяжении примерно полутора столетий происходил первый этап превращения пехоты из массивованной и глубоко построенной в тонкую, длинную линию, зато чрезвычайно мощную своим огневым действием. Этот линейный порядок представлял большие трудности для маневрирования и требовал высокой тактической подготовки, строгой дисциплины и воинского порядка. Об условиях, обеспечивающих такое развитие пехоты, будет сказано несколько ниже. Все это превращение шло под давлением двух причин: с одной стороны, действие артиллерии и стрелков неприятеля делало глубокие колонны слишком уязвимыми, и с другой — для развития максимальной силы огня необходимо было вводить в дело возможно больше стрелков, что также требовало большей линейности.

Интересно отметить, что пехота претерпела затем еще ряд коренных изменений. Во время французской революции фридриховский линейный порядок сломался и вместо него вновь наступил глубокий боевой порядок. Причины, создавшие это положение, с одной стороны, заключались в том, что революционная армия, как слабо обученная, легче справлялась с колонным построением, чем с линейным, требовавшим длительной подготовки и муштры. С другой стороны, такое построение было обеспечено наличием стрелков, могущих сражаться враспынную, чего, например, не мог добиться Фридрих при неблагоприятных условиях комплектования своей армии. Наконец, усовершенствование приклада и введение в небольшом числе нарезного оружия, позволявшего вести меткий огонь, точно так же способствовали образованию стрелковых цепей, отдельных от колонн. В дальнейшем своем развитии пехота, вооружаясь однообразным оружием, как бы возрождая давно прошедший процесс XVII века, вновь переходит от колонного построения к линейному и, пережив различные этапы тактики, вышла с ним и на империалистическую войну. Вкрапление в стрелковые взводы ручного пулемета, условия борьбы с неприятельскими огневыми точками, а также воздействие мощной неприятельской артиллерии вновь взломали пехотную линию и создали глубокий боевой порядок в новом, соответственно современному вооружению, виде. Если автоматическое оружие будет все шире и шире внедряться в пехоту и вытеснит магазинную винтовку, то не исключена возможность, что погоня за силою автоматического пехотного огня заставит пехоту вновь отказаться от современных форм тактики и перейти к линейным.

Артиллерия пережила длительную эволюцию, обстоятельно разработанную Дельбрюком. Формы ее применения носили весьма разнообразный характер. Интересно упомянуть о том, что в 1511 г. в сражении при Равенне артиллерия впервые была применена в тесном взаимодействии с другими родами войск. План атаки, составленный французами, был построен на использовании остальных родов войск. Однако этот высший вид тактического взаимодействия развивался далеко не гладко.

Уменьшение глубины колонн и развитие линейного боевого порядка пехоты в основном берут начало во второй половине XVII века в Нидерландах. В этой стране развивалась промышленность и имелся сильный торговый капитал как на континенте, так и на морях. Цветущее экономическое положение Голландии позволяло ввести в наемную пехоту необходимую дисциплину и поднять военное искусство. Обычно наемные армии в связи с невыплатой жалованья расходились или переходили на службу к другим государствам. В таких условиях не могло быть, конечно, и речи о настоящей дисциплине и организации войск. В Нидерландах под давлением обстоятельств и борьбы с Испанией голландские купцы нашли возможным содержать армию бесперебойно. Мориц Оранский с большим трудом, но все же добился у Нидерландских генеральных штатов необходимых денежных ресурсов и внимания. Изучая классические образцы военного искусства, он ввел не бывшую до того в употреблении муштру, шагистику, что имело тогда не только воспитательное, но и тактическое значение. Этим было достигнуто упорядочение построения и тактических действий армии, стрелковая подготовка и, наконец, возможность рыть укрепления. Раньше наемный солдат отказывался от рытья укреплений, и только вся система укрепления дисциплины и аккуратная выплата жалованья позволили усилить и эту трудность.

«Завершителем военного искусства Морица, — говорит Дельбрюк, — был Густав Адольф, который не только воспринял и развил новую тактику, но и положил ее в основу стратегии широкого масштаба». Густаву Адольфу удалось организовать выдающуюся армию. Хотя во время войны в шведскую армию вербовалось много иностранцев и даже пленных, ее основное ядро набирали в своей стране не только добровольно, но и по принудительному набору. «Таким образом, шведы были первым народом, который организовал у себя национальную армию». Анализируя построение шведского боевого порядка, основывавшегося на линейном построении в шесть шеренг глубиной, — причем, как указывает Рюстов, отряды пикинеров и мушкетеров чередуются между собой, и мушкетеры в случае атаки конницы отступают за пикинеров, и их место занимают отряды пикинеров, стоявшие во второй линии, — Дельбрюк приходит к выводу, что такие манипуляции весьма сомнительны. Поэтому, не углубляясь в технический характер построения боевого порядка Густава Адольфа, Дельбрюк

делает вывод, что вопрос развития военного дела сводится к большому числу мушкетеров, связанному с усовершенствованием их оружия. «Вес мушкетов настолько уменьшается, что можно обойтись без сошек — это означает ускорение стрельбы».

В вышеуказанном предположении Рюстова об отходе мушкетеров за пикинеров сказывается взгляд на то, что мушкетеры без пикинеров не могут противостать кавалерийской атаке. Дельбрюк, указывая, что уже в то время по этому поводу были разногласия, приводит свидетельство одного из современников: «Длинные пики представляют скорее ослабляющий войну элемент, чем ее нерв. Ружья защищают пики». По всей вероятности, чередование пикинеров и мушкетеров в боевом порядке Густава Адольфа и было вызвано именно этим обстоятельством, основанным на усовершенствовании мушкета. Значительную реформу провел Густав Адольф в артиллерии. Вес системы был уменьшен, и шведская армия обладала многочисленной легкой артиллерией. Конница также претерпевает развитие: от 5—6-шереножного построения она переходит к 3-шереножному. При этом было отменено «караколирование», т. е. стрельба из пистолетов в упор передовыми всадниками, которые, сворачивая в сторону, позволяли вести огонь следующей подошедшей шеренгой и т. д., чем наносилось противнику огневое поражение, но чрезвычайно ослаблялась атака. Конница шла галопом в атаку, действуя холодным оружием, причем первые две шеренги могли дать в упор по одному выстрелу. Дисциплина, введенная в шведской армии, «была поставлена лучше и строже, чем у ландскнехтов».

Очень подробно и обстоятельно изучен Дельбрюком процесс образования постоянных армий. Эти армии развивались вместе с усилением монархии. Феодалные силы, несмотря на то, что были побеждены развивающимся абсолютизмом, все же заняли руководящее положение в государственном аппарате, и в первую очередь в армии. «Предпосылкой или, скажем, побочным моментом крупного изменения характера армии явилось образование нового правительственного аппарата — чиновничества, задача которого — собирать налоги, требуемые содержанием армии, и заботиться об экономическом положении и общем благосостоянии и культуре, дабы развить в возможной степени размеры усилий, которые страна может нести. Появляется государство как особый организм, отличный от властителя страны, управляющего территорией, принадлежащей его роду, и отличный даже от народа, являющегося для государства лишь объектом. Это разделение оказывает обратное влияние на идею войны и на способ ее ведения» (Дельбрюк).

Характер абсолютистского государства в значительной степени сковывал развитие производительных сил капитализма, что отразилось и на характере ведения войны, о чем речь будет идти ниже.

Офицерский состав комплектовался исключительно из дворян-

ства. Правда, некоторый процент представителей буржуазии имелся в армиях, причем по этому вопросу мы видим целый ряд отклонений то в ту, то в другую сторону, но в общем и целом право занимать офицерские должности в постоянной армии перешло к аристократическому классу.

Вербовка в постоянную армию производилась всеми возможными способами: и по линии добровольного найма, и по линии незаконного, случайного, принудительного набора. Основной массой для вербовки в армию явился всякого рода деклассированный элемент, преступники и бродяги, которых после Тридцатилетней войны имелось очень много.

Но так как людей не хватало, то «офицеры хватали подходящих людей где попало и принуждали их побоями записываться в рекруты. Или же поручалось местной власти поставлять в полки известное число людей своего округа. Пронзвол оскорблял всякое чувство справедливости и наносил страшный вред стране. Естественным последствием явились злоупотребления и взяточничество». «Крестьяне переставали привозить в город свои продукты, опасаясь, что их там арестуют и передадут в руки вербовщиков. Молодые люди толпами уходили за границу, чтобы избежать военной службы. Наместник Померании доносил в 1706 г., что подданных вконец разоряют приемы вербовки и прочих тягот. В 1707 г. из Миндена доносилось, что сельскохозяйственных рабочих уже нельзя достать, потому что вербовка разогнала всех молодых людей в соседние провинции» (Дельбрюк).

В армии Фридриха солдатский состав был чрезвычайно пестрым. Среди них большею частью были иностранцы. В 1768 г. на 90 000 иностранцев в армии насчитывалось, по-видимому, всего 70 000 коренных пруссаков. «Дворянский состав офицерского корпуса являлся для короля ручательством за верность и добросовестность войск. Офицерский корпус при помощи дисциплины должен был настолько держать в руках солдат, чтобы они, несмотря ни на какую опасность, следовали за офицерами, ибо солдат должен был бояться своего офицера больше, чем неприятеля». Основным средством для внедрения дисциплины и воспитания армии являлись муштра и палка. Обращение офицеров с солдатами было до варварства грубо и жестоко. Такое положение создавало массовое стремление к дезертирству, а это в свою очередь наложило решительную печать на тактику и стратегию эпохи Фридриха Великого. Войска не могли останавливаться на почлег вблизи леса, не могли действовать в пересеченной местности и т. п., ибо результатом этого было бы жестокое дезертирство и ослабление армии.

Фридриховская армия уже не имела пики. Кремневые ружья с примкнутым штыком заменили собою и мушкет, и пику. Развернутый линейный порядок позволял развить уже значительную силу огня, который велся исключительно залпами. Дальность действительного ружейного огня не превышала 300 шагов. При

таким построении пехоты наилучшей системой явилась атака во фланг, однако она была чрезвычайно затруднена, так как маневрирование неглубоким и широким фронтом вообще не могло быть поворотливым. Только муштра довела передвижения фридриховской армии до такого совершенства и искусства, что ей удавалось производить подобные маневрирования на глазах у неприятеля. Однако это маневрирование в случае перехода противника в наступление легко могло кончиться катастрофой.

Для ведения малой войны Фридрих имел так называемые вольные батальоны, которые не могли быть высокого качества в силу условий комплектования армии в Пруссии.

Состав конницы, обычно несколько лучший по сравнению с пехотой, тем не менее был настолько плох, что конница не могла действовать отдельными, далеко высылаемыми разъездами, почему армейская разведка была поставлена чрезвычайно скверно.

Артиллерия армии Фридриха представляла значительную силу; во всяком случае, на 1000 бойцов приходилось значительно больше орудий, чем, например, во французской революционной армии.

Социальный состав армии и характер ее дисциплины не позволяли обращаться с нею так, как этого могла бы потребовать обстановка, т. е. рискованно было драться на пересеченной местности, нельзя было располагать армию по обывательским квартирам, нельзя было производить реквизиции на широком фронте. Армия двигалась большими, сомкнутыми массами, останавливалась на биваках лагерями и потому могла кормиться исключительно при хорошо налаженной магазинной системе. Трудность организации транспорта и доставки продовольствия не позволяла обычно отрываться от своей базы далее 5—7 переходов. Лишь в особых случаях Фридриху удавалось, применяя различного рода импровизированные меры, отрываться на большее удаление. Такой характер организации армии и ее тылов делал ее, с одной стороны, весьма малоподвижной, а с другой — чрезвычайно уязвимой на своих коммуникациях. Если прибавить к этому, что набор солдат носил в значительной степени случайный характер, причем безразлично было — будут ли то пленные иностранцы или жители своей страны, то станет ясным, что поражение армии, особенно в случае выхода противника на ее тылы, иногда грозило непоправимым сокращением вооруженных ресурсов. Социальные условия во время Семилетней войны не позволяли организованно возложить на народные массы своей страны пополнения рядов армии. Все эти обстоятельства создали такое положение, что стратегия стала чрезвычайно осторожной. Действия армий были весьма недлительными. Угроза тылам зачастую без какого бы то ни было сражения приводила к очищению крупных территорий. Эти характерные черты стратегии наблюдались и в Тридцатилетней войне. В общем, европейский абсолютизм, являвшийся, с одной стороны, толчком для развития постоянных армий, с другой стороны, в XVIII веке стал оболочкой, сковывающей развитие

капитализма, и, противопоставляя себя как растущим силам буржуазии, так и крестьянству, породил тяжеловесные формы стратегии. Армия Фридриха по сравнению с армиями его противников была несравненно маневреннее, но и она несла на себе печать эпохи.

Нам кажется, что следует еще учесть и то влияние, которое на выработку форм оперативных действий оказала феодальная природа командования и главного командования. Конде, Тюренн, Валенштейн и др. были крупнейшими представителями феодальных властителей. Несомненно, теория военного искусства, развивавшаяся на протяжении полутора столетий до французской революции, не могла не отразить классовых интересов крупных феодалов, а эти интересы не всегда совпадали с интересами государства. Каждый феодал отлично понимал, что, выполняя волю монарха, он рискует своей вооруженной силой, а в результате — своей феодальной независимостью. Отсюда — естественное стремление: стратегическими жестами подменять стратегическое действие. Тем самым создавалась возможность, с одной стороны, соблюдать лояльность по отношению к государству, а с другой — уклоняться от опасностей войны. Эту картину мы сейчас постоянно наблюдаем в Китае в действиях Фын Юй-сяна, Ен Си-шаня и др. Оставаясь на руководящих верхах и сохраняя за собой направление жизни армии, феодальные силы на протяжении XVII и XVIII веков повлияли на теорию военного искусства в сторону канонизации стратегических жестов как высшего принципа войны. Политическое значение феодалов отмирало, государство крепло, армия становилась все более прочной опорой монарха, но «политиканство» феодалов, предводительствовавших армиями, долго еще сказывалось на ведении войны, а это зачастую выражалось в формах стратегии, не отвечавших политическим целям государства. Даже абсолютизму XVIII века не удалось изменить военной доктрины, сложившейся на этой базе, и стратегия постоянно противопоставляла себя политике. Наиболее резкое отражение стратегии развивавшегося абсолютизма в смысле увязки военных действий с политикой государства мы видим на примере Фридриха Великого. Но разбить идеологию стратегического жеста окончательно удалось только французской революции. Во всей совокупности обстоятельств, повлиявших на выработку военных доктрин до Великой французской революции, надо усмотреть и вышеприведенное обстоятельство. Теория военного искусства, в которой отражались противоречия между развившимися производительными силами и классовыми отношениями, отличалась крайним доктринерством и искусственностью форм военных действий, причем бескровное сражение и стратегия жестов, но не действия клали на все свой неизбежный отпечаток. Даже в процессе Семилетней войны мы видим, особенно со стороны Австрии, как военная доктрина шла вразрез с политикой государства, сводя на нет поставленные цели войны. Однако надо

учитывать и то, что в этот период большинство европейских стран имело ресурсы, не всегда достаточные для постановки решительных целей войны. В большинстве случаев войны велись с ограниченными целями, и это кляло соответствующую печать на формы стратегических действий.

Великая французская революция создала новые социально-экономические условия для дальнейшего развития военного дела. «Эмансипация буржуазии и крестьянства» в связи с успехами в деле усовершенствования оружия позволила французской революции создать новые формы военного искусства. Французская революция перешла к принудительному набору, и это позволило ей выставить против коалиции громадные массы, каких не могло выставить ни одно монархическое государство. Слабая обученность французской армии, внедренные в пехоту нарезного оружия и усовершенствование приклада создали новый глубокий боевой порядок. Усовершенствование артиллерии и большие войсковые массы породили более высокие — дивизионные и корпусные — объединения, что значительно усовершенствовало взаимодействие различных родов войск и общую тактику.

Социальный состав армии, отстаивавший свои собственные интересы, создал новую дисциплину и новые формы боеспособности войск. Переход к системе реквизиций, а также демократизация офицерского состава, повлекшая за собой резкое сокращение офицерских обозов, увеличили подвижность массовых армий. Все эти обстоятельства создали предпосылки для появления новой тактики и стратегии, которым Наполеон придал наиболее законченные формы. Если к этому добавить, что армии при поражении на фронтах находили неиссякаемый источник комплектования внутри страны, то станет ясным, что новая французская революционная стратегия могла позволить себе гораздо больше риска, чем ее противники и армии предшествовавшей эпохи. Помимо значительного превосходства в массах войны французской революции обладали еще и социально-революционной силой, являясь одновременно борьбой с отжившими феодальными формами Европы. Монархия, боровшаяся против французских революционных войск, помимо поражения на фронтах чувствовала и силы поднимающейся за своей спиной буржуазии.

По вопросу о характере стратегии Фридриха и Наполеона Дельбрюк вел длительную и ожесточенную полемику с представителями военной истории прусского генерального штаба, которые утверждали, будто Фридрих явился родоначальником стратегии Наполеона. Только метафизика, исповедование «вечных истин», приравненное национальным шовинизмом, могли породить такие утверждения. Эти две стратегии, во-первых, отразили все различие и противоположность эпох, а во-вторых, явились выражением различных политических целей; в то время как Фридрих вел войны с ограниченной целью, войны, которые велись Наполеоном, имели политической целью ниспровержение против-

ников. С первой частью вопроса Дельбрюк справился, но со второй совершенно запутался. Poleмика толкнула Дельбрюка на путь выработки самостоятельной военной доктрины.

Дельбрюк говорит, что он ставит своей задачей закончить то, чего не успел сделать Клаузевиц в вопросе двойственного вида ведения войны. «В одной приписке, сделанной им 10 июля 1827 года, — пишет Дельбрюк, — и напечатанной в начале оставшегося после него творения «О войне», он высказывает намерение еще раз переработать это сочинение с той точки зрения, что-де существует два вида войны: а именно, тот, «где задача ее — сокрушение неприятеля», и другой — «где желают лишь завоевать несколько пограничных провинций»¹.

Клаузевиц в своем пояснении говорит по этому вопросу таким образом: «Двойкий вид войны проявляется, во-первых, в случаях, когда целью поставлено ниспровержение (Niederwerfen) противника, намереваясь или уничтожить его политически, или только обезоружить, с тем чтобы заставить его принять любые условия мира; во-вторых, когда цель ограничивается некоторыми завоеваниями по своей границе, для того чтобы их оставить за собой или воспользоваться ими в виде предмета обмена при мирных переговорах»². Эти его мысли подверглись более тщательной разработке в 8-й книге, которая тем не менее является незаконченной. Клаузевиц рассматривает эти различия в войне как следствие различного влияния на нее политической цели. Он рассматривает войну с ограниченной целью, причем такая война может быть и наступательной и оборонительной, и войну, когда целью ее является ниспровержение противника. В 7-й главе этой книги Клаузевиц, указывая на особенности ведения наступательной войны с ограниченной целью, подчеркивает и различие стратегических форм при такой цели войны с формами стратегии, когда задачей является повалить противника.

Дельбрюк, как увидим дальше, возводит этот частный вид войны с ограниченной целью в общий принцип стратегии целой эпохи, не увязывая его с политической целью войны. При этом характерно, что Дельбрюк дает нам не анализ двух видов войн, пользуясь общим теоретическим критерием, как это делает Клаузевиц, а выдвигает два таких критерия: «измор» и «сокрушение».

Клаузевиц следующим образом устанавливает единство своей теории: «Вообще самое важное во всех жизненных делах — это установить точку зрения, с которой следует смотреть на дело и судить о нем (auffassen und beurtheilen), а затем твердо стоять на этой именно точке; потому что только с единой точки возможно охватить совместно всю массу явлений (Erscheinungen). Только

¹ Г. Дельбрюк. История военного искусства в рамках политической истории, стр. 447.

² Клаузевиц. Война. Теория стратегии. Перевод с немецкого К. Войде. Т. I. СПб, 1902, стр. XIX.

единая точка зрения может обеспечить нас от противоречий»¹. «Припомним природу настоящей (чистой) войны и сказанное в третьей главе настоящей книги: что всякая война должна быть рассматриваема, прежде всего, по вероятности ее характера и общих ее очертаний, основанных на политических величинах и отношениях. Далее, что война часто, а в наше время, можно сказать, — по большей части, должна быть рассматриваема как органическое целое, от которого невозможно отрывать его единичные члены. Каждое единичное действие должно сливаться с общим целым, исходить из той же одной идеи. Если припомним все это, то для нас станет вполне ясным и достоверным, что только политика и вправе занять верховное положение, из коего должны исходить главные линии, направляющие войну»². «Коль скоро война подчиняется (принадлежит) политике, то она примет характер последней. Если политика стремится к великому и мощному, то таковой же будет и война; она может возвыситься даже до чистого (абсолютного) ее вида»³. «Даже в тех случаях, когда нельзя себе поставить целью повалить противника, все же может быть еще цель непосредственно положительная (positiv), и она может состоять только в завоевании части неприятельского края». Ниже мы увидим, как видоизменяет (по Клаузевицу) такая политическая цель нормальный образ стратегических действий.

Клаузевиц, как это неоднократно подчеркивал Ленин, умел улавливать не только размеры политических целей, но и классовую их сущность. Успехи французских революционных войн он более всего видит в классовой сущности революции. Он указывает, «что самое решающее влияние на ведение войны имеет: вид (природа, Natur) политической цели, равно — размеры наших и неприятельских требований»⁴. В своей теории войны Клаузевиц постоянно выдерживает единство взглядов и потому избегает надуманных противоречий, не встречающихся и не отражающих диалектических противоречий самой войны.

«Таким образом, — говорит Клаузевиц о войне с ограниченной целью, — задавшись умеренной целью, никак нельзя настолько же совершенно собрать все силы на одном пункте и в одно время, как это возможно при решительном наступлении, с целями крупными. Для того же, чтобы, по меньшей мере, употребить силы одновременно, приходится двигаться наступательно и со всех подходящих пунктов.

Вообще, при решительном наступлении можно для прикрытия собственно частей своего края обойтись силами гораздо меньшими. А при нерешительном случае все, так сказать, идет под один уровень; дело не может быть решено в виде одного, глав-

¹ Клаузевиц. Война, т. II, стр. 338.

² Там же, стр. 339.

³ Там же, стр. 337.

⁴ Там же, стр. 332.

ного действия, направляемого согласно самым важнейшим данным (Hauptgesichtspunkte). Тут, напротив того, все расплывается, трение усиливается и, наконец, широко раздвигается простор для вмешательства случая»¹.

Далее Клаузевиц указывает, что талантливый полководец все же будет стремиться к возможно большему сосредоточению сил, «хотя бы пришлось при этом рискнуть побольше».

Несомненно, развитие железнодорожного и автомобильного транспорта, колоссально возросшая подвижность войсковых масс на театрах войны, повысившаяся обороноспособность обороняющихся соединений, затянувшийся характер боев, а тем более сражений и целый ряд других причин — дают в настоящее время более легкий выход из сложного положения действий с ограниченной целью, чем это было во времена Клаузевица. Однако Клаузевиц вполне прав, когда говорит, что «при нерешительном случае» «дело не может быть решено в виде одного главного действия, направляемого согласно самым важнейшим данным (Hauptgesichtspunkte)»; когда политика ставит целью «ниспровержение противника», то в силу стремления к уничтожению его вооруженной мощи как предварительному этапу для занятия тех политико-экономических центров, без которых противник войны продолжать не может, — естественно, и неприятельские силы являются связанными этой решительной целью постольку, поскольку наступление представляет собой реальную угрозу. Поэтому «при решительном наступлении можно для прикрытия собственно частей своего края обойтись силами гораздо меньшими», а это в свою очередь позволяет сосредоточить для главной операции максимум сил действующей армии. При действиях, «когда цель ограничивается некоторыми завоеваниями по своей границе», ни для наступающего, ни для обороняющегося теоретически нет такой отправной данной, которая позволила бы избрать цель для приложения усилий, связывающую противника так же сильно, как и при решающем случае. Для этого нужно было бы иметь конечной стратегической целью занятие основных его политико-экономических центров, разгром основного его «центра тяжести», но такой цели политика в данном случае не ставит, наоборот, она ограничивает размеры стратегических усилий. Таким образом, противник теоретически может не так уж бояться разбросать свои силы, и, разбросав их, он сможет легче угрожать флангам и тылам главных сил наступающего. В свою очередь это заставит наступающего разделить свои силы более, чем этого бы ему хотелось; все, так сказать, идет под один уровень, все расплывается, трение усиливается, и, наконец, широко раздвигается простор для вмешательства случая. При этом Клаузевиц указывает, что талантливый полководец все же будет стремиться к возможно

¹ Клаузевиц. Война, т. II, стр. 346.

большему сосредоточению сил, хотя бы пришлось при этом рискнуть побольше.

Повторяем, современные формы войны совершенно видоизменились по сравнению с посленаполеоновской эпохой, но тем не менее положение, выдвинутое Клаузевицем и утверждающее, что масштаб политической цели войны влияет на характер оперативных форм, является бесспорным.

Итак, характер и формы войны определяются уровнем развития производительных сил, классовыми отношениями, политикой господствующих классов, соотношением сил. В силу этого стратегические формы войны в различные эпохи различны. Но они могут быть различны и в одну и ту же эпоху, что определяется соотношением уровня развития производительных сил противников (например, война между развитыми капиталистическими странами отличается от колониальной войны и т. п.), а также размером цели войны, выдвигаемой господствующим классом. Клаузевиц, постоянно подчеркивая, что война, являясь продолжением политики, в то же время насквозь есть политика, ее военное выражение, впервые выдвинул положение, что война видоизменяется не только в зависимости от эпохи, но и от характера, масштаба политической цели войны. На этом основании Клаузевиц и обосновал свои два вида войны, т. е. «когда целью поставлено ниспровержение противника» и когда «цель ограничивается некоторыми завоеваниями по своей границе».

Как видно из вышеизложенного, утверждение Дельбрюка, будто бы Клаузевиц в своем пояснении говорит о том, что он собирался переработать свое сочинение под углом зрения «двойственного вида ведения войны» и чего он будто бы вообще не сделал, неверно. Клаузевиц свой взгляд на «двойкий вид войны» изложил совершенно обстоятельно, но он вообще считал свой труд незаконченным, о чем и написал в начале книги. Он хотел доработать и более согласовать различные книги. Бесспорно, Дельбрюку выгодно прикрыться авторитетом Клаузевица, но от этого доктрина Дельбрюка ничуть не выигрывает. На самом деле она ни в какой мере не является развитием диалектической философии Клаузевица, наоборот, ее можно рассматривать лишь как вульгаризацию положений Клаузевица путем подмены диалектики эклектикой.

Стратегическая доктрина Дельбрюка нигде не дает ясных и точных формулировок. Лишь очень внимательное изучение текста позволяет разобраться в главных тезисах, положенных в основу доктрины. Эти исходные тезисы резко противоречивы, как, например: в соответствии с двойственным видом ведения войны существуют стратегия измора и стратегия сокрушения, причем определенным социально-экономическим условиям исторических эпох отвечает или стратегия измора, или стратегия сокрушения; стратегия измора не зависит от социально-экономических условий исторической эпохи, определяется индивидуальными особенностями

ми полководца, она не зависит от обстановки; стратег сокрушения связан в своих действиях, ибо должен действовать по обстановке; стратегия измора и сокрушения не зависит от поставленной политической цели войны и т. п.

Разберем теперь, в какой форме выражены эти тезисы в труде Дельбрюка.

Определение стратегий измора и сокрушения как производных от определенных социально-экономических условий эпохи разбросано у Дельбрюка повсюду. Говоря о двойственном характере ведения войны, Дельбрюк указывает, что начинание Клаузевица будто бы в дальнейшем оказалось утраченным «и составилось представление, будто существует только один истинный способ ведения войны и что отклонения, с которыми мы встречаемся в военной истории, надо рассматривать не как явления, вызванные и обоснованные историческими условиями, а как нечто вытекающее из недостатка понимания, как заблуждение, как доктринерский предрассудок»¹. В отличие от Клаузевица Дельбрюк, говоря о втором виде войны (отклонении), не ставит его в зависимость от характера и масштаба цели войны. Оценивая действия Фридриха в Семилетнюю войну, Дельбрюк утверждает, что в эту эпоху можно было действовать лишь по принципам «измора». «Чтобы действовать по принципам стратегии сокрушения, необходимы известные предпосылки, которые не имелись налицо ни в структуре его (Фридриха.— М. Т.) государства, ни в структуре его армии; на каждом шагу Фридрих поневоле отстаёт от требований стратегии сокрушения»². Обсуждая возможность для Фридриха «сокрушительного похода против Австрии», после капитуляции саксонцев в 1756 г., Дельбрюк, не считаясь с тем, что Пруссия и не думала выставлять такой цели войны, утверждает, что «внутренняя структура его (Фридриха.— М. Т.) армии не допускала такой стратегии»³.

Сравнивая с новой революционной стратегией военное дело прошлой эпохи, Дельбрюк пишет: «Армии старой монархии были слишком малы, слишком беспомощны и неповоротливы в своей тактике, слишком ненадежны по своему составу, чтобы проводить эти принципы в своей стратегии. Они задерживались перед позициями, неприступными для их тактики; а обойти их они не могли, потому что должны были тащить за собою все свое продовольствие. Они могли проникать только не слишком глубоко в неприступную страну, так как не могли прикрывать обширных районов, и были вынуждены во что бы то ни стало обеспечивать сообщения со своей базой»⁴.

¹ Г. Дельбрюк. История военного искусства в рамках политической истории, стр. 373.

² Там же, стр. 369.

³ Там же, стр. 329.

⁴ Там же, стр. 412.

По поводу «сокрушения» Дельбрюк говорит, что «для появления новой стратегии понадобилось, чтобы политический облик мира в целом подвергся глубокому коренному изменению»¹.

Не будем больше приводить выдержки из труда Дельбрюка, считая и эти достаточными для доказательства, что Дельбрюк считает стратегии измора и сокрушения производными от определенных социально-экономических исторических эпох. Но здесь придется несколько уклониться в сторону. Наша теоретическая военная литература после гражданской войны наряду с настойчивыми исканиями наиболее выгодных, гибких и решительных форм предстоящих нам революционных войн, что соответствует всему укладу и обучению Красной Армии, «обогадилась» и недвусмысленной упадочнической философией войны, основным идеологом которой является тов. А. Свечин, идеологически непосредственно происходящий от Дельбрюка и подчиненный ему в этом отношении безраздельно и безоговорочно. Тов. Свечин заявляет о том, что он Дельбрюка-идеалиста превращает в Свечина-марксиста. Но это — столь же громкое утверждение, сколь и ни на чем не основанное. Если Дельбрюк вульгаризировал Клаузевица, то тов. Свечин усовершенствовал эклектику Дельбрюка и, прикрыв ее к переживаемой нами эпохе, модернизировав ее, под ее прикрытием проповедует стратегическое упадочничество, отрицает возможность решать политические противоречия решительным вооруженным насилием и тем самым объективно низводит роль революционных войн до размеров «фехтования» и «стратегических уколов». Вот почему, рассматривая методологию стратегической доктрины Дельбрюка, нельзя не остановиться на параллельном анализе теоретических положений тов. Свечина.

Товарищ Свечин в вопросе формулировок стратегий измора и сокрушения полностью принимает терминологию Дельбрюка и считает «измор» диалектически противоположным «сокрушению». Тов. Свечин рассматривает «войну на измор как историческую необходимость». При этом нашей эпохе предстоящих империалистических войн и революционных войн пролетариата с империализмом он придает характер обязательного «измора». Таким образом, в этом первом вопросе тов. Свечин целиком и полностью оказался в плену у Дельбрюка. Как мы видели выше, Клаузевиц два вида войны различал в зависимости от характера и масштаба цели войны, т. е. с целью ниспровергнуть противника или же с целью занять часть его территории вдоль своей границы. Эту зависимость стратегических форм от политических целей Дельбрюк отрицает всем смыслом и ходом изложения событий войны, хотя откровенных указаний на этот счет в его труде и не имеется. Тов. Свечин отрицает такую зависимость без всякого колебания. Он говорит: «То обстоятельство, что борьба на измор может стремиться к достижению самых энергичных целей до полного

¹ Г. Дельбрюк. История военного искусства в рамках политической истории, стр. 298.

физического истребления противника, ни в коем случае не позволяет нам согласиться с термином — война с ограниченной целью»¹. Политическая цель тут ни при чем. Все дело в эпохе. Стратегией измора можно достигнуть «полного физического истребления противника». Однако не надо думать, что тов. Свечин может быть последователен в каком бы то ни было вопросе. Вышеприведенное им теоретическое определение стратегии измора запросто опровергается им между строк при объяснении термина «измор» в другом месте: «И «картофельная война» (война за баварское наследство), и кампания 1757 года (второй год Семилетней войны) — эти оба произведения творчества Фридриха Великого относятся к категории измора, так как не заключают в себе решительного движения к конечной военной цели; идея похода на Вену в них отсутствует»². Ученик Клаузевица, Дельбрюк, «заканчивая» дело «учителя», искажил диалектическое учение о войне, упростив зависимость стратегических форм до непосредственной зависимости их от уровня развития производительных сил, без учета того огромного влияния, которое оказывают на формы войны политические цели, выдвигаемые господствующими классами. Дельбрюк выкинул из Клаузевица именно то, за что его так ценил Ленин.

Особенно характерно сказывается у Дельбрюка его пренебрежение политическими целями войны в исследовании действий Фридриха и Дауна. Дельбрюк почти ничего не говорит о политических целях Пруссии, Австрии, Франции и России. Однако совершенно очевидно, что Фридрих целью войны ставил приобретение курфюршества Саксонии. Это увеличивало его доходы до 7½ млн. талеров, а издержки одной кампании он оценивал в 5 млн. талеров. В таком положении он надеялся отбиться от коалиции, рассчитывая и на противоречия интересов ее членов, и на их неважное финансовое положение. Таким образом, перед Пруссией вставала война с ограниченными целями, что и наложило печать на характер стратегических действий Фридриха во время всей войны в духе анализа Клаузевица. Дельбрюк же этот характер действий вводит в закон эпохи. Мало того, описывая положение Пруссии после жестокого поражения Фридриха у Кунерсдорфа, Дельбрюк указывает, что Фридрих считал несомненным преследование и занятие Берлина союзниками, хотел отказаться от престола и передал верховное командование генералу Финку. Далее Дельбрюк говорит, что таких действий требовал и Венский Гофкригсрат. Дауну было предписано, чтобы он пристально следил за разбитой армией и не выпустил ее из рук, «а со всей энергией устремился на нее и полностью ее уничтожил»³. Таким образом, австрийская политика ставила целью «ниспровержение противника». По Клаузевицу, обязан-

¹ А. Свечин. Стратегия. Госвоениздат, 1926, стр. 57.

² Там же, стр. 261.

³ Г. Дельбрюк. История военного искусства в рамках политической истории, стр. 352.

ность стратегии — выполнить политическую цель, а данная политическая цель требовала решительных действий. Тут не до «измора». Но Дельбрюк не понимает диалектики войны и не понимает диалектики Клаузевица, «завершителем» которого он себя провозглашает. Дельбрюк не считается с политикой и упирается только в «характер эпохи». «Даун остался верен своему характеру и своим принципам, когда он сразу же отверг идею завершить войну несколькими быстрыми, мощными ударами»¹. Дельбрюк оправдывает действия Дауна, ибо такова была эпоха. Если надо было действовать «сокрушительно» Дауну, то, стало быть, так же должен был бы действовать и Фридрих. Разницы в политических целях для Дельбрюка не существует. «Идея использовать победу под Кунерсдорфом до полного сокрушения Пруссии представляет известный параллелизм с идеей, что король Фридрих должен был бы привлечь для атаки русских армию принца Генриха (т. е. по принципу действий, когда требуется ниспровергнуть противника, согласно теории Клаузевица. — М. Т.). Ни та ни другая идея не укладывалась в рамки условий и мышления той эпохи. Тот, кто не ставит последнего требования Фридриху, не вправе требовать первого от Дауна»². Итак, хотя политические цели войны почти диаметрально противоположны, «параллелизм идей», по Дельбрюку, у обоих полководцев должен был быть один и тот же: так, мол, повелевала эпоха. Совсем иначе расценивает Дауна Клаузевиц: «Таким образом, признавалось и, так сказать, патентовалось величие и совершенства всякого рода, так что даже фельдмаршала Дауна приходилось считать великим полководцем. А между тем тот же самый Даун более всего содействовал тому, что Фридрих Великий достиг своей цели, а Мария-Терезия — потерпела совершенную неудачу. Кое-где только прорывалось более светлое мнение, то есть — простой человеческий разум, который высказывал, что с таким превосходством сил следовало достигнуть результатов более положительных, а если они не достигнуты, то это значит, что Даун умел с большим искусством вести войну дурно»³. Такую же оценку мы, между прочим, находим и у Энгельса в его статье о войне против Священного союза.

Сила диалектического мышления Клаузевица идет еще дальше. Он говорит, что если бы Фридрих выиграл сражение при Коллине и взял в плен австрийскую армию, то его политическое положение настолько изменилось бы, что ограниченная политическая цель войны превратилась бы в самую решительную, и Фридрих «действительно мог бы идти на Вену, чтобы поколебать австрийскую империю и этим непосредственно выиграть мир»⁴. Дельбрюк не умеет так мыслить.

¹ Г. Дельбрюк. История военного искусства в рамках политической истории, стр. 354.

² Там же.

³ Клаузевиц. Война, т. II, стр. 318.

⁴ Там же, стр. 306.

Товарищ Свечин, усваивая учение Дельбрюка о двух системах стратегии, которое последний считает развитием учения Клаузевица и основывает эти формы лишь на соответствии их характеру различных эпох,— резче и прямее Дельбрюка отрицает влияние политической цели на формы войны. «Война с ограниченной целью» ни при чем. «Измор» — это особая категория войны, которую государство может применить даже для «полного физического истребления противника». До такой нелепости не доходит даже Дельбрюк. Ученик перешагнул учителя. Дельбрюк, опуская, отрицая всем смыслом и существом изложения влияние размеров политической цели на формы войны, тем не менее нередко упоминает об ограниченности целей, которые вообще, мол, стриглись под одну гребенку всеми европейскими государствами эпохи Семилетней войны. Это является извращением теории Клаузевица и заменой его диалектики метафизикой. Клаузевиц предвидел, в связи с незаконченностью своих работ, что его идеи, «порождая недоразумения (*Mißverständnisse*), могут дать материал для многих незрелых критик»¹. Так именно и случилось с Дельбрюком, а тов. Свечин окончательно исказил идеи Клаузевица.

Товарищ Свечин не дает себе труда постараться доказать свое утверждение о возможности уничтожить противника, не применяя методов «сокрушения». Между тем совершенно непонятно, каким образом, по тов. Свечину, государство, ориентирующее войну, т. е. открытое и организованное вооруженное насилие, на измор, каким образом сумеет оно достигнуть «полного физического истребления противника», если не обрушится сначала своими вооруженными силами на его армию. Если такая необходимость отрицается, то очевидно, следует вообще усомниться в целесообразности применения вооруженного насилия. Но такой «пацифизм» тов. Свечин не решается высказать прямо, хотя гораздо больше оперирует с надеждами на блокаду, на различные формы экономического и политического давления, чем с методами разрешения войны военными способами. Нижеприводимая выдержка поясняет это: «Когда выдвижение политической цели будет основываться на расчете на большую экономическую силу своего государства над неприятельским, на большую прочность позиции господствующих классов, на меньшее напряжение классовых и национальных противоречий, то политическая цель выльется в виде задания войне как борьбы на измор»² и т. д. За этой теорией скрываются интересные положения. Во-первых, из этого вытекает, что нашей стране с ее прочным союзом рабочего класса и крестьянства воевать надо «измором», не рассчитывая на активное применение вооруженных сил. Во-вторых, совершенно очевидно, что тов. Свечин не видит разницы между политикой рабочего класса и поли-

¹ Клаузевиц. Война, т. I, стр. XX.

² А. Свечин. Стратегия, стр. 56.

тикой буржуазии. Им не учитывается значение международной классовой солидарности пролетариата и превращение войны империалистической в войну гражданскую. Наконец, отсюда неизбежно вытекает и крайне «оригинальный» вывод, а именно, что сокрушение (ниспровержение) противника имеет смысл применять только слабой стороне по отношению к сильнейшей. Это положение настолько нелепо, настолько схоластично, что напрашивается невольно вопрос: что же кроется за этими «экзотическими цветами» фантазии, какова же истинная сущность, подоплека этих теоретических обобщений? Ответ заключается в том, что основным лейтмотивом стратегии тов. Свечина помимо неумения его пользоваться диалектическим материализмом является преклонение перед силой и прочностью капиталистического мира и возведение форм позиционного периода империалистической войны в своего рода «вечную истину» без учета последующих технических и социальных сдвигов.

Возвратимся снова к Дельбрюку для того, чтобы выяснить действительный характер его стратегии измора. Выше мы видели, что эта стратегия, так же как и стратегия сокрушения, является, по Дельбрюку, производной от характера эпохи. На протяжении одной эпохи стратегические формы являются как бы застывшими и не зависящими от характера и размера политической цели войны. Чтобы доказать такое положение, Дельбрюку приходится подходить к событиям с различной меркой, что и приводит его к случайным и противоречивым выводам. Фридрих и Даун должны были «морить» друг друга — так повелевала эпоха. Но, с другой стороны, стратегия измора и стратегия сокрушения — это два принципа, позволяющих одно и то же событие или различные сочленения одного и того же события рассматривать и анализировать различными методами. В войнах Великой французской революции севернее Швейцарии (Моро) можно было действовать в духе «измора», а южнее (Бонапарт) — в духе «сокрушения». Дельбрюк прямо ставит вопрос: «Было бы грубой ошибкой пренебрежительно судить о Моро потому, что он был стратегом измора. Чтобы не быть таковым, ему надо было бы быть именно Наполеоном»¹. Мы видим явно эклектическую теорию «измора». Эту смесь понятий об «изморе» как производной от социально-экономических условий эпохи, не позволяющих выпрыгнуть полководцу из рамок стратегии измора, и об «изморе» как продукте индивидуального творчества полководца мы находим у Дельбрюка постоянно: «В самом существе стратегии измора заложен, как мы видели, неустранимый момент субъективности; я считаю себя вправе утверждать, что стратегия Фридриха была субъективнее стратегии какого-либо другого полководца всемирной истории»². «Его решения (Фридриха. — М. Т.)

¹ Г. Дельбрюк. История военного искусства в рамках политической истории, стр. 423.

² Там же, стр. 370.

определяет не естественная необходимость, а исключительно — свободная личная воля»¹. И далее: «Формально, правда, то же самое можно сказать о решениях Наполеона, но фактически последние определялись внутренним законом, который с логической необходимостью ведет к цели. Чем сильнее влияет субъективный момент на обдумывание, предшествующее решению, тем бремя ответственности тяжелее, тем труднее бывает принять решение. Сам герой ощущает свое решение не как результат рациональной комбинации, а, как выше было сказано, как вызов судьбе, случаю»².

Рассматривая стратегию измора как неизменяемую (застывшую) и непосредственную производную от социально-экономической среды, Дельбрюк мыслит как материалист, но мыслит не диалектически, а как метафизик. Рассматривая стратегию измора как производную от «свободной личной воли», Дельбрюк мыслит как идеалист.

Вдобавок вся эта путаница дополняется противопоставлением стратегии сокрушения — как базирующейся на конкретной обстановке, на определенном материальном основании — стратегии измора — как базирующейся исключительно на волевой, субъективной природе полководца: «Стратегия измора построена на отдельных предприятиях, которые могут получить тот или иной размах. В начале Семилетней войны Фридрих колебался между разнообразнейшими и даже противоречивыми планами. Чем предприимчивее, чем активнее полководец, тем больше возможностей открывалось его фантазии и тем субъективнее были его решения. Планы кампаний Наполеона носят в себе известную внутреннюю, объективную необходимость. Раз их познаешь и себе уяснишь, то начинаешь ощущать, что они иными и быть не могли, что творческий акт стратегического гения заключался лишь в том, что он открыл то самое, что повелевала природа вещей»³. «Наполеоновское сражение вырастает органически из предшествующих операций и нередко является неожиданным. Сражение Фридриха исходит из более или менее подготовленного субъективного решения, следовательно, обходится без длительной завязки и стремится к решительному исходу — чем скорее, тем лучше»⁴.

Товарищ Свечин ни в чем не отстает от своего учителя — Дельбрюка. Он также считает, что при стратегии сокрушения «существует лишь одно правильное решение; полководец, в сущности, лишен свободы выбора, так как его долг — понять решение, диктуемое ему обстановкой». Тов. Свечин не прочь предоставить в пользование полководца стратегии измора и такие волевые,

¹ Г. Дельбрюк. История военного искусства в рамках политической истории, стр. 370.

² Там же.

³ Там же, стр. 413.

⁴ Там же, стр. 416.

творческие ресурсы, какими не обладает стратег-«сокрушитель». Этот последний пользуется готовой, так сказать, обстановкой, а стратег-«изморист» имеет власть над обстановкой еще до применения в дело своих вооруженных сил и создает ее такой, какой она ему нужна. Стратегия измора не ограничивается только стремлением развернуть на решительном участке превосходные силы. Необходимо еще создать предпосылки для того, чтобы «решительный» пункт вообще мог существовать.

Дельбрюк, считая, что его стратегия измора соответствует войне с ограниченной целью Клаузевица, что, как мы видели, совершенно неверно, противопоставляет ее стратегии сокрушения, как он называет стратегию Клаузевица, когда цель войны — повалить противника. Делая это противопоставление, он безжалостно выхолащивает диалектическую природу войны, выведенную Клаузевицем. Стратегия сокрушения Дельбрюка примитивна, прямолинейна и не считается со всей сложностью конкретной обстановки: «В стратегии сокрушения победа не находится в зависимости от того «пункта», на котором она одержана, или от той «стратегической линии», по которой продвигаются, а полководец исходит из предположения, что вместе с победой он берет в свои руки и стратегические пункты и определяет стратегические линии»¹. Ясно и просто. Стратегу сокрушения не важно, где он разобьет армию противника. Все дело только в армии противника. Победа решает все остальное. Тов. Свечин еще выпуклее и красочнее проводит это упрощение: «Значение, которое отводится в стратегии сокрушения генеральной операции на уничтожение неприятеля, серьезно сокращает перспективу стратегического мышления»². «При стратегии сокрушения, придающей такое единственное и исключительное значение результату боевого столкновения с противником, обстановка получает характер калейдоскопического зрелища: один шелчок решительной операции — и создается совершенно новая нежданная картина, загадывать о которой нет возможности»³. «Рост значения генеральной операции в стратегии сокрушения приводит к тому, что операция рисуется уже не как одно из средств ведения войны, а затмевает собой конечную военную цель и получает самодовлеющее значение. Вопрос о целесообразности операции отходит на второй план»⁴. «Г. А. Леер, все мышление которого было построено в духе сокрушения, совершает, на наш взгляд, грубую логическую ошибку, выдвигая вопрос о целесообразности сражения, венчающего операцию; для Наполеона, конечно, этого вопроса, этих сомнений не существовало, так как генеральное сражение являлось

¹ Г. Дельбрюк. История военного искусства в рамках политической истории, стр. 425.

² А. Свечин. Стратегия, стр. 258.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 259.

идеалом, желанной целью, к которой он стремился»¹. Не будем перечислять больше подобных изречений, так как их имеется слишком большое число. Достаточно и этих, чтобы уяснить себе, куда направлено содержание «незрелых критик».

Клаузевиц охватывает войну во всей ее сложности и неравномерности развития. Различая войну в зависимости от политической ее цели, Клаузевиц посвящает, в 8-й книге, войне, «когда цель — повалить противника», тщательное исследование. Что же такое низвержение? — задает себе вопрос Клаузевиц и отвечает:

«Для него не всегда нужно завоевание всей страны неприятеля. Если бы в 1792 году достигли Парижа, то, по всей вероятности, война с революционной партией была бы на этот раз окончена. Для этого не требовалось даже разбить до того ее армии, потому что на эти армии нельзя было еще смотреть как на самостоятельную величину (Potenz).

Напротив того, в 1814 году взятие Парижа не решило бы дела, если бы Бонапарт стоял еще во главе значительной армии. Но так как в том 1814, равно как и после, в 1815, армии Бонапарта были уже почти уничтожены, то взятие Парижа решило все дело.

Если бы Бонапарту в 1812 году удалось совершенно разгромить 120-тысячную русскую армию, стоявшую в Калуге (безразлично до или после занятия Москвы), точно так же как он разбил австрийцев и пруссаков в 1805 и 1806 годах, то взятие Москвы, вероятно, привело бы к миру, хотя незанятым оставалось еще громадное пространство края.

В 1805 году дело решено было только Аустерлицкой битвой. Таким образом, обладание Бонапартом Венной и двумя третями Австрии не дало ему еще мира; но, с другой стороны, Австрия после этой битвы вынуждена была заключить мир, несмотря на то что вся Венгрия еще была не тронута. Поражение русской армии при Аустерлице было последним нужным еще толчком; у императора Александра не было вблизи новой армии; таким образом, мир был бесспорным последствием аустерлицкой победы. Если бы русская армия присоединилась к австрийской еще раньше, на Дунае, и была бы вовлечена в поражение последней, то, по всей вероятности, не потребовалось бы взятия Вены; мир был бы заключен уже в Линце.

В других случаях и завоевание всего государства оказывается еще недостаточным; так было в Пруссии в 1807 году, когда удар сомнительной эйлауской победы над русской армией, союзной Пруссии, оказался еще недостаточным. Только несомненная затем победа при Фридланде сыграла тогда ту же роль, как раньше аустерлицкая.

Итак, видим, что и тут последствия действия — успех (Erfolg) не может быть предвиден на основании причин общих; напротив

¹ А. Свечин. Стратегия, стр. 260.

того, решающее значение имеют причины, присущие именно только данному случаю (die individuellen), которых человек, не бывший на месте, никак различить не в состоянии; далее, многие — нравственные (moralisch), о которых никто не упоминает; наконец, и мелкие черты и случайности, которые появляются в истории только в виде анекдотов.

Все, что теория может тут сказать, будет следующее. Дело в том, чтобы зорким взглядом окинуть самые выдающиеся (vorherrschende) соотношения обоих государств. В них отыщется известный центр тяжести, центр силы и движения, от которого зависит все целое. На этот центр тяжести противника должен быть направлен совместный удар наших сил.

Мелкое всегда подчиняется крупному, маловажное — важному, случайное — существенному. Это должно направлять наши суждения»¹.

«Итак, самая первая точка зрения, с которой составляется предположение порядка ведения войны (план, Entwurf), будет: определить центры тяжести неприятельского могущества и, если возможно, свести их к одному. Вторая — будет: силы, предназначенные для действия на этот центр, собрать для единого главного действия (Haupthandlung)»².

Клаузевиц указывает, что особенно трудно определить такой центр, когда противников и театров войны имеется несколько, причем в ходе войны противники еще усложняют обстановку своими передвижениями, отдаляясь или приближаясь к своим жизненным центрам страны, и тем не оставляют общий центр тяжести неизменным.

«Противника можно действительно повергнуть во прах не тогда, когда завоюют неприятельскую провинцию, предпочитая обеспечение за собой малой добычи крупным успехам, а тогда именно, когда всякий раз отыщут центр могущества противника и все употребят в дело для того, чтобы все выиграть»³. «Победа будет тем легче, чем раньше и ближе наших границ разыгралось сражение; но она будет тем более решительна, чем позже одержана, т. е. чем глубже в неприятельской стране состоялось сражение»⁴. «Раз крупная победа одержана, то нет места ни отдыху, ни раздумыванию, обсуждению и т. д. Речь может быть только о преследовании, о новых ударах, где они нужны, о захвате неприятельской столицы, об атаке вспомогательных армий противника или вообще о низвержении всего, что является подпорой неприятельскому государству»⁵. Вряд ли требуется пояснять эти мысли Клаузевица. Они сами говорят за себя, причем резко и остро противоречат характеристике основ сокрушения противника

¹ Клаузевиц. Война, т. II, стр. 322—323.

² Там же, стр. 354.

³ Там же, стр. 324.

⁴ Там же, стр. 364.

⁵ Там же, стр. 365.

вне места, по-видимому, вне времени и даже вне плана войны,— характеристике, которую дали Дельбрюк и тов. Свечин. Приходится только поражаться, как может Дельбрюк считать себя последователем Клаузевица. «Сын» Клаузевица — Дельбрюк — не понял «отца», а «внук» — тов. Свечин — вряд ли и сам себя понимает.

Стратегическая доктрина Дельбрюка сложилась в процессе его ожесточенной полемики с прусским генеральным штабом по вопросу об исторической роли Фридриха. Объяснению происхождения этой полемики Дельбрюк уделяет немало места в своем сочинении. Шовинизм прусского генерального штаба стремился выставить Фридриха как основоположника, предтечу наполеоновского способа ведения войны. «Вечные военные принципы» были возрождены Фридрихом и им введены в военно-политическое употребление в Европе. Наполеон доразвил до конца и отточил эти «вечные принципы». Дельбрюк решительно выступил против этой метафизики и доказал нелепость таких положений, продемонстрировав все различие социально-экономических условий и организаций армий двух эпох. В этом смысле он целиком стоит на точке зрения Клаузевица и Энгельса. Но если прусские генштабисты отстаивали свои «вечные истины», которые вне зависимости от эпохи и от характера и размеров политики всегда требовали ниспровержения противника, то Дельбрюк, успешно выбив из-под ног метафизиков генерального штаба представление о неизменном характере стратегии в различные эпохи, не сумел до конца остаться диалектиком и сам стал метафизиком и эклектиком, когда перешел к анализу войны и стратегии на протяжении отдельных эпох. Ф. Меринг, отмечая Дельбрюка как прогрессивную сторону в его полемике с прусским генеральным штабом, также усвоил термин «измора» и «сокрушения», не подвергая критическому разбору доктрины Дельбрюка, чем, по-видимому, и объясняется это усвоение терминов.

Стратегией измора, которой Дельбрюк придает самостоятельное значение, не ставящее ее в зависимость от ограниченной цели войны, характер действий Фридриха мотивируется не тем, что его практически определяло. Вследствие этого объективно отдается предпочтение нерешительным, осторожным действиям. Как указывалось уже выше, даже Даун не вызывает никаких критических порицаний со стороны Дельбрюка. Наоборот, он его считает блестящим выразителем стратегических условий эпохи. То же самое касается и оценки Дельбрюком действий союзников, ставивших себе целью душение французской революции. Дельбрюк признает, что в 1792 г. во Франции еще не было реальной революционной армии, и все же он считает, что из похода во Францию ничего не могло бы получиться. Он сомневается, чтоб даже Фридрих, если бы он руководил коалицией, решился на такое предприятие, и заключает: «Таким образом, стратегический результат кампании 1792 года был естественным подытожением сил

обеих сторон, которое не дает поводов к особым критическим оговоркам или персональным обвинениям»¹. Каким-то фатализмом отдале от рассуждений Дельбрюка: такова была эпоха, таковы были армии, все делалось закономерно и иначе не могло бы сложиться. Такова критика Дауна, такова критика коалиции монархов. Неумение владеть диалектическим методом объективно создало в Дельбрюке и у его верного последователя тов. Свечина склонность к преувеличению трудностей, к культу безмерной осторожности, к отрицанию возможности повалить противника путем решительного применения вооруженной силы. Революция в Германии озлобила Дельбрюка, и его ненависть к диалектическому материализму еще более возросла, а вместе с тем, как дальновидный представитель буржуазии, он не может не понимать, что капиталистический мир все более и более заходит в тупик, и это все, вместе взятое, создало предпосылки для оформления упадочнической военной доктрины Дельбрюка, перенесенной и культивируемой у нас тов. Свечиным. Мы уже указывали выше, насколько разнятся взгляды Дельбрюка и Клаузевица на действия Дауна и союза монархов 1792 г. Клаузевиц считал, что занятие в 1792 г. Парижа означало конец войны. Так же точно смотрит на эту войну и Энгельс в статье о возможности войны против Священного союза: «Затем Дюмурье изменил, восстала Вандея, армия была рассеяна и деморализована, и, если бы сто тридцать тысяч австрийцев и англичан решительно двинулись на Париж, революция была бы раздавлена. Вместо этого почтенные господа стояли перед крепостями, лезли из кожи вон, чтобы добиться самых ничтожных успехов при огромной трате стратегической педантичности. И так они потеряли шесть месяцев»².

И далее: «Подведем итог. Конвент обязан своим спасением единственно и исключительно неорганизованности коалиции, благодаря которой он получил годичную передышку. Он спасся таким же точно образом, как старый Фриц в Семилетней войне или как Веллингтон в Испании в 1809 году, когда французы превосходили его и в количественном и в качественном отношении по крайней мере втрое и только тем парализовали свою колоссальную силу, что после отъезда Наполеона маршали всеми возможными способами подставляли друг другу ножку»³.

В нашей военной литературе не один тов. Свечин является проводником влияния буржуазной идеологии на теорию военного искусства. Тов. Верховский точно так же платит дань теории Дельбрюка. Он не усваивает того, что «всякая война нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает. Ту самую политику, которую известная держава, известный класс внутри этой державы вел в течение долгого времени перед войной,

¹ Г. Дельбрюк. История военного искусства в рамках политической истории, стр. 388.

² Ф. Энгельс. Статьи и письма по военным вопросам, стр. 18.

³ Там же, стр. 21.

неизбежно и неминуемо этот самый класс продолжает во время войны, переменяя только форму действия»¹. Не усваивая этого, тов. Верховский не видит разницы между наступлением буржуазных армий и Красной Армии даже в смысле отношения к этим видам наступления широких трудящихся масс. Такой знак равенства приводит тов. Верховского к категорическому выводу о том, что для нас лучше «отдать Минск и Киев, чем взять Белосток и Брест»². Тов. Верховский как бы дополняет тов. Свечина, который всей силой своего красноречия устрашает и заклинает против применения плана ниспровержения противника, словами: «Для успеха сокрушения нужны сотни тысяч пленных, поголовное уничтожение целых армий, захват тысяч пушек, складов, обозов. Только такие успехи могут предотвратить полное неравенство при конечном расчете». А так как в начале операции таких успехов иметь невозможно, то ясно, что «сокрушать» вообще нельзя. Это упадочничество находит себе место не только в области широких стратегических масштабов, но оно постоянно спускается и в тактику и в область боевой подготовки армии, почему и нельзя не давать ему организованного научного отпора. В общем, попытки гг. Свечина и Верховского по-марксистски подойти к теории военного дела не увенчались успехом, хотя уже сами по себе эти попытки являются большим прогрессом, которого недооценивать нельзя.

Влияние тов. Свечина, а следовательно, и Дельбрюка сказалось и на молодом нашем писателе тов. Меликове. Мы встречаемся в его книге «Марна — Висла — Смирна» с постоянным опусканием влияния политики на стратегические действия армии. Это опускание идет по линии упрощения, постановки зависимости стратегии непосредственно от экономического базиса, минуя политику господствующих классов. Это сказывается и в критике выполнения германского наступления в 1914 г., и в разборе нашей войны с белополяками в 1920 г., по поводу которой тов. Меликов говорит: «Таким образом, все наши оперативные замыслы должны быть прямо пропорциональными той хозяйственной обстановке, в которой находилась на третьем году гражданской войны Советская страна»³. Конечно, «прямая пропорция» не позволила бы нам наступать. «Прямая пропорция» выразилась бы в лучшем случае в обороне, а могла бы потребовать и отхода в глубь страны. Тов. Меликов в данном случае вовсе опускает политику пролетарского государства, которое вело войну с буржуазно-шляхетской Польшей в условиях крайнего обострения классовой борьбы на Западе. Конечно, наше наступление не являлось выражением нашей экономической мощи. Здесь действовали гораздо более сложные отношения классовой борьбы пролетариата и буржуазии.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 79. — *Ред.*

² А. Верховский. Огонь, маневр и маскировка. Госиздат, 1928, стр. 131.

³ В. Меликов. Марна—Висла—Смирна. Изд-во «Военный вестник», 1928, стр. 198.

Тут влияние тов. Свечина сказывается в упрощении взаимозависимости между экономикой и столь сложным социальным явлением, какое представляет собой война, в выбрасывании за борт политики, что объективно порождает в книге такие колебания, которые нельзя назвать иначе, как упадочническими.

В заключение считаем необходимым еще раз подчеркнуть, что мы далеки от того, чтобы недооценивать научное значение труда Дельбрюка, так же как ни в какой мере не желаем умалить научных заслуг гг. Свечина и Верховского. Мы считали лишь необходимым вскрыть эклектику, пропитывающую историческое исследование Дельбрюка в форме его военной доктрины, проникающую и в нашу военную литературу, и надеемся, что внимательному и самостоятельному читателю это не помешает с громадной пользой использовать ценнейший военно-исторический материал, так обильно представленный в этой книге.

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ ДЖ. ФУЛЛЕРА «РЕФОРМАЦИЯ ВОЙНЫ»¹

«Реформация войны» (The Reformation of War) Джона Фредерика Чарльза Фуллера², вышедшая в Англии в 1923 г., появляется в русском переводе со значительным запозданием. Но, несмотря на это, многое из взглядов Фуллера обогнало запоздавший перевод и довольно широко известно нашему советскому читателю. Ознакомление с этой книгой, несомненно, будет полезно, ибо из нее можно извлечь много ценного и интересного, но при этом еще больше надо отбросить в сторону, как продукт путаной, эклектической мысли, особенно там, где Фуллер касается социологических проблем. Несмотря на то что редакция выбросила целый ряд глав, все же недоброкачественного материала остается еще очень много.

Прежде чем перейти к характеристике военных взглядов Фуллера, не лишним будет остановиться на его личной и служебной характеристике. Родился Фуллер в 1878 г. Чин младшего лейтенанта получил в 1898 г. Участвовал в англо-бурской войне младшим офицером. В 1913 г., в чине капитана, поступил в военную академию, которую кончил в 1915 г., после чего немедленно отправился на фронт. К концу войны был начальником штаба танковых войск. В 1919 г. произведен в полковники. В 1923 г. принят преподавателем в военную академию. В 1926 г. назначен помощником начальника имперского генерального штаба Англии. В 1927 г. назначен начальником штаба 2-й стрелковой дивизии, а в 1929 г. — командиром 14-й пехотной бригады. Из этих имеющихся в нашем распоряжении сведений можно заключить о богатом боевом и служебном опыте Фуллера. Необходимо учесть, что и во время империалистической войны и после нее Фуллер являлся одним из основных толкачей и организаторов в деле развития танков и вообще моторизации.

¹ Сокращенный перевод с английского А. Таубе под редакцией и с предисловием М. Тухачевского. М., Госвоениздат, 1931, стр. 3—15. — *Ред.*

² Дж. Фуллер — английский военный писатель. В своих трудах Фуллер оправдывает захватническую политику фашистской Германии и считает, что войны вечны и неизбежны как борьба за существование. — *Ред.*

Фуллер начиная с 1914 г. много писал. Из его трудов напечатаны:

- в 1914 г. — Подготовка солдата к войне;
 - » 1917 г. — Наставление по подготовке танковых войск (брошюра);
 - » 1918 г. — Взаимодействие пехоты с танками (брошюра);
 - » 1918 г. — Принципы войны в приложении к кампаниям 1914—1917 гг. (брошюра);
 - » 1919—1920 гг. — Танки в великой войне 1914—1918 гг. Вышла в переводе изд. ВВРС в 1923 г.;
 - » 1921 г. — Эволюция механической войны (брошюра);
 - » 1922 г. — Экономное движение (механич. передвижение) (брошюра);
 - » 1923 г. — Реформация войны;
 - » 1925 г. — Система подготовки Джона Мура;
 - » 1925 г. — Легкая британская пехота в XVIII веке;
 - » 1925 г. — Основы науки о войне;
 - » 1925 г. — Проблемы транспорта (популярное издание).
- Из статей в журналах наиболее интересны следующие:
- в 1918 г. — Влияние танков на военные операции;
 - » 1920 г. — Влияние танков на практику кавалерии;
 - » 1920 г. — Развитие морской войны на суше и ее влияние на морские операции будущего;
 - » 1921 г. — Танки в будущей войне;
 - » 1922 г. — Проблемы механизированной войны;
 - » 1923 г. — Влияние воздушных сил на оборону империи;
 - » 1926 г. — Идеальная армия артиллерийского цикла (эры);
 - » 1927 г. — Танки и тактика;
 - » 1927 г. — Использование танкеток (легких танков).

Взгляды Фуллера имели влияние на многих военных писателей. В Англии его последователем является капитан Лиддел Гарт. Несомненно, он оказал влияние на Зольдана в Германии и на А. И. Верховского у нас.

* * *

Фуллер любит давать философское обоснование своим теориям войны и причисляет себя к последователям Спенсера. Однако философская сторона — самая слабая сторона Фуллера, наиболее путаная, на критике которой нет смысла останавливаться.

«Законом жизни является война», — утверждает Фуллер, убежденнейший великобританский империалист.

* Однако не лишним будет заметить, что Фуллер прикрывает эти свои взгляды самой беззастенчивой фашистской демагогией. В частности, и по вопросу войны он патетически восклицает, что «спасения от разрушения надо искать путем научных исследова-

ний; тогда, быть может, наступит день, когда войны будут решаться за шахматной доской». И во всяком случае, кровопролитную войну он советует заменить «моральным наступлением».

Классовую борьбу за превращение империалистической войны в гражданскую Фуллер называет изменой и требует участия в войне за интересы буржуазии — или, по Фуллеру, во имя «свободного существования» нации — всех классов, «составляющих нацию». «Оружия против восставших следует искать не в области военного и стрелкового дела, а в области химических наук». Если не быть решительным в этих вопросах и ослабить армию или полицию, то «правительство может быть в любую минуту свергнуто революцией».

Такова позиция Фуллера по отношению к рабочему классу в своей собственной стране. По отношению к угнетенным народам колоний и полуколоний Фуллер еще более беспощаден. Он, как и всякий средний англичанин, делит человечество на два класса: англичан и «арапов» («niggers»), и ко второму классу относит не одних только чернокожих. От вторых ему нечему учиться; презрение к ним он возвел в высшую добродетель, и на этой добродетели основана Британская империя.

«Против народа, стоящего на низшей ступени культуры, война должна быть грубее», по правилам Фуллера. Для порабощения Индии он разрабатывает целую систему действий механизированных вооруженных сил. Но и к цивилизованным странам Фуллер не слишком мягок и считает, «что границами Англии являются морские побережья других государств».

Фуллер ненавидит и боится СССР. Он считает необходимым создать против СССР коалицию из Англии, Франции и Германии и приурочивает интервенцию к моменту «восстановления сил России» (писано в 1923 г.).

Таков классовый портрет Фуллера.

* * *

«Сухопутная, морская и воздушная война имеет общую цель — проведение государственной политики»¹, — говорит Фуллер. В этом смысле его взгляды не расходятся с учением о войне Клаузевица, а учение последнего говорит, что характер цели войны кладет резко определенную печать на формы стратегии, вооруженных сил и проч. Поэтому для усвоения внутреннего содержания военных теорий Фуллера крайне интересно познакомиться с теми целями войны, которые он выдвигает перед Великобританией. Об этих задачах он говорит много и в очень категорической форме.

«В настоящее время Британская империя обременена огромным долгом — наследием мировой войны — и страдает острым нервным расстройством, которое может в любое время привести

¹ Дж. Фуллер. Реформация войны, стр. 70.

к революции. Отношения между ней и иностранными державами неустойчивы, так как в настоящее время политическое равновесие нарушено. Пока оно не будет восстановлено и пока какая-либо держава не попытается завоевать мировое господство, трудно ожидать новой мировой войны. Поэтому ближайшими стратегическими задачами Британской империи являются ведение малых войн и поддержание спокойствия в странах, отсталых с военной и политической точки зрения»¹.

«Британская армия меньше, чем в 1924 г., хотя обходится вдвое дороже; Британская же империя увеличилась и находится в неустойчивом и нервном состоянии»². «Далее возникает вопрос о численности новой армии»,— говорит Фуллер и продолжает: «Мировая война потребовала сформирования 78—80 дивизий. Но сейчас мировая война не входит в наши расчеты»³.

Вот те военно-политические цели Великобритании, на основе которых Фуллер строит свои стратегические и организационные расчеты с механизированными армиями.

Ошибается тот, кто думает, что Фуллер только «мечтатель» и что его теории о малой армии относятся как к ведению больших, так и малых войн. Такое мнение было бы необоснованно. Свою теорию о малых армиях Фуллер выводит из оценки политического положения Великобритании и стоящих перед ней, с его точки зрения, ближайших военно-политических задач. Правда, эту свою линию взглядов, проводимую через всю книгу, Фуллер всячески маскирует бесконечно путаными рассуждениями, легко позволяющими невнимательному читателю принять его за фантазера, желающего драть жеделой армией против вооруженных миллионов. На самом же деле тот же самый Фуллер отлично понимает характер большой войны и говорит о ней не колеблясь следующее: «В настоящее время *в войне принимает участие весь народ*, и сила армии основана на воле и борьбе гражданского населения»⁴. Но, как мы видели выше, такую войну, к великому его сожалению, пока что он считает невозможной для Великобритании, так как она «в любое время может привести к революции».

Еще раз повторяю, что этот печальный для себя вывод Фуллер старается всячески замаскировать самыми сложными и причудливыми дымовыми завесами.

Так, например, он выставляет себя поборником бескровной войны. В современной-де войне не нужна пехота. Сражение на истребление отвратительно. «Такая война поистине ужасна, но она неизбежна, пока существует пехота»⁵, это основное тело массовой армии. Фуллер «против» истребления и потому «против» пехоты. Он считает необходимым численность заменить подвиж-

¹ Дж. Фуллер. Реформация войны, стр. 59.

² Там же, стр. 61.

³ Там же, стр. 78.

⁴ Там же, стр. 31.

⁵ Там же, стр. 41.

ностью, а поражения наносить не армиям, а нервам их полководцев.

Он считает необходимым противопоставить физической силе ум, который «может выиграть войну в одну ночь»¹. Фуллер говорит, что «было бы преступлением копировать последнюю войну. Спасения от разрушения надо искать путем научных исследований; тогда, быть может, наступит день, когда войны будут решаться за шахматной доской».

Подобного рода болтовней сознательно, а отчасти бессознательно Фуллер замазывает вопрос о большой войне, отделяясь лишь несколькими замечаниями, и конкретно, как мы это увидим дальше, говорит главным образом о малых войнах Великобритании и о малых механизированных армиях. Тем не менее неизбежность большой войны он считает неоспоримой, а с ней вместе и массовые вооружения и в первую очередь большую войну империалистической коалиции против СССР.

* * *

Прежде чем перейти к стратегии Фуллера, хотелось бы еще раз остановиться на противопоставлении им численности и качества вооруженных сил, противопоставлении, производящем на многих впечатление чего-то обоснованного, благодаря ловкости и остроумию Фуллера.

Критикуя современные массовые армии, Фуллер проводит знак равенства между численностью и мускульной силой. По Фуллеру, бензиновый двигатель «не только позволяет уменьшить численность армии (ибо с его помощью задачи, требовавшие большого числа бойцов, могут быть разрешены двумя-тремя людьми в танке) и допускает непосредственную подвижную защиту броней»², но и увеличивает подвижность. «Следовательно,— говорит Фуллер,— дальнейшее развитие армии должно идти в направлении увеличения *не численности*, а подвижности»³.

Выгодность малой армии Фуллер доказывает и явными передержками «исторического» порядка. Военная-де история говорит, «что именно в большинстве решительных сражений победу одерживала численно слабейшая сторона по той простой причине, что она была или лучше вооружена, или же находилась под более талантливым руководством»⁴.

Проведение знака равенства между мускульной силой и численностью и противопоставление численности механизации, конечно, неверны и ни на чем не основаны. Можно ли рассчитывать на то, что с заменой «силы человека силой машины» уменьшится численность армии, как это высказывает Фуллер? Конечно нет.

¹ Дж. Фуллер. Реформация войны, стр. 38.

² Там же, стр. 74.

³ Там же, стр. 75.

⁴ Дж. Фуллер. Основы науки о войне.

Ведь идею малой армии, вытекающую из замены мускульной силы машиной, Фуллер якобы берет из области общепромышленного технического развития. Но из этого развития вытекает как раз обратное. Разумеется, чем более совершенствуются машины, тем большей становится продукция одного рабочего. Но отсюда вовсе не следует, что с ростом технического прогресса численность рабочего класса уменьшается. Наоборот, если не считать периодов кризисов капитализма,— общее развитие производительных сил и технический прогресс неизменно сопровождалось численным ростом пролетариата. Тот же процесс мы наблюдаем и в развитии вооруженных сил.

Замена мускульной силы машиной не только не содействует уменьшению численности армии, но, как раз наоборот, неизбежно влечет за собой рост ее массовости, так как такой военно-технический прогресс является выражением роста производительных сил страны и выбрасываемой ею массы техники на поля сражений. В том и заключается безвыходность положения капиталистических государств, что рост производительных сил безудержно толкает их армии также в сторону роста, а производственные отношения от этого роста вооруженных сил трещат по всем швам, так как массовые армии являются вернейшим залогом превращения империалистической войны в гражданскую.

Представим себе войну Великобритании против САСШ,— войну, которая, например, разыгрывается на границе Канады. Обе армии механизированные, но английская армия имеет, скажем, фуллеровский кадр в 18 дивизий, а армия САСШ — 180 дивизий, первая имеет 5 тыс. танков и 3 тыс. самолетов, а вторая — 50 тыс. танков и 30 тыс. самолетов. Малая английская армия была бы просто раздавлена. Неужели не ясно, что разговоры о малых, но подвижных механизированных армиях в больших войнах являются баснями и всерьез могут приниматься только легкомысленными людьми.

Необходимо при этом учесть, что танки и авиация являются такими родами войск, которые требуют громадного числа обслуживающих людей.

Было бы величайшей ошибкой считать, что Фуллер и его соратники являются и на деле сторонниками малой численности. Лиддел Гарт¹, описывая танк, сконструированный майором Мартелем, другом-приятелем Фуллера, говорит прямо, что преимущество одноместного танка является его дешевизна — 400 фунтов стерлингов (около 4 тыс. рублей) и пригодность его для массового производства. Вместо четырех двухместных танков можно содержать семь одноместных. И Лиддел Гарт вслед за Мартелем говорит, что в пользу преимущества малых танков «может служить доводом численное превосходство одноместных танков»². Оче-

¹ Лиддел Гарт — английский военный теоретик, сторонник агрессивных военных планов и внешнеполитического курса правящих кругов США и Англии. — *Ред.*

² Лиддел Гарт. Новые пути современных армий. ГИЗ, 1930, стр. 79.

видно, фуллеровская школа не считает, что слабейший в танкаѣ окажется победителем.

Массовая армия вовсе не является и синонимом неповоротливости. Наоборот, пути моторизации и применения самолета делают эти возросшие массы много подвижнее старых армий и придадут большую решительность стратегическим действиям.

«Грядущая мировая империалистическая война,— говорит VI Конгресс Коминтерна,— будет не только механизированной войной, во время которой будут использованы громадные количества материальных ресурсов, но вместе с тем войной, которая охватит многомиллионные массы населения воюющих стран».

Необходимо учитывать, что в пределах массовых армий империалисты могут еще широко маневрировать политически и организационно, подбирая, например, и укрепляя наемные кадры, выделяя ударные войсковые части и целые армии и т. п.

Но это все не изменяет основного положения, заключающегося в том, что большую войну в современных условиях можно вести только массовой механизированной армией, и развал таковой будет означать гибель всяческих ударных объединений, наемных кадров и прочих мероприятий страховки со стороны буржуазии. Предполагать обратное — значит предполагать, что в случае новой большой войны капитализм может благополучно отделаться от превращения империалистической войны в гражданскую.

* * *

Фуллер, исходя из военно-политических целей Великобритании, а также из желания по возможности обойти молчанием неприятный для милитариста вопрос,— невозможность для Англии, как это заявляет Фуллер, ведения современной большой войны — говорит о формах таковой неохотно и скрытно. Тем не менее, если вникнуть в существо его тезисов, станет очевидным, что Фуллер не мыслит себе большой войны без массовой армии.

«Сейчас мировая война не входит в наши расчеты», — говорит он. «Такие войны бывают редко и обычно могут быть предусмотрены задолго». «Для подготовки к большой войне Великобритании необходимо иметь:

1. Высококвалифицированный орган военного управления.
2. Прочный кадр — механизированную армию, в составе 18 дивизий, — могущий широко развернуться.
3. Способность к быстрому развертыванию сил»¹.

Анализируя способность к быстрому развертыванию, Фуллер, между прочим, говорит, что если бы Великобритания в 1908 г. приступила «к формированию миллионной армии», то «это могло бы, конечно, повести к немедленной войне, но могло бы также заставить Германию отказаться от своих планов»². Далее он указывает,

¹ Дж. Фуллер. Реформация войны, стр. 81.

² Там же, стр. 82.

что «все гражданское население должно быть на учете по специальностям» и что «каждый разряд населения должен иметь свой мобилизационный центр и с начала войны считаться состоящим на военной службе»¹. Можно подумать, что французский закон об общей организации нации на случай войны списан со взглядов Фуллера!

«Все материальные богатства страны,— читаем мы далее,— должны быть учтены», и «все заводы, лаборатории и т. д. должны быть стандартизованы на случай войны так, чтобы они могли легко перейти на работу для обороны. Это относится и ко всем средствам передвижения»².

Такие тезисы сами за себя говорят и не требуют доказательств того, что Фуллер не мыслит себе большой войны без мобилизации массовой армии и подготовки страны как «вооруженного народа». Но в условиях все углубляющегося послевоенного кризиса в Великобритании большая война на ближайшее время (это писано в 1923 г.) «не входит в расчеты» Фуллера.

* * *

«Ближайшей стратегической задачей Британской империи является ведение малых войн», и, верный этому своему определению, Фуллер все свое главнейшее внимание уделяет именно этому вопросу.

Под углом зрения того, что «способы ведения малой войны против некультурных народов должны быть согласованы со степенью культурности данного народа»³, Фуллер обстоятельно излагает характер:

- 1) войны в горных областях;
- 2) войны в пустынях;
- 3) войны в лесных областях;
- 4) войны в речных областях.

Он дает схематически план операции Пешавер — Кабул. Полковник Лоуренс, по всей вероятности, немало поработал над этим планом.

Авиация, моторизация и химия — основные средства для того, чтобы малыми силами преодолевать громадные пространства и покорять слабо вооруженные племена. Для таких задач нужна небольшая, но полностью механизированная армия.

Фуллер изучает условия разведки, передвижений, снабжения, использования вооруженных сил и т. д. при ведении малых войн. Советы его практичны и говорят о большом накопленном англичанами опыте. Фуллер рисуется гуманностью предлагаемых им методов ведения войны, но истинная сущность таковых выглядит хотя бы из предложения применять химию против беззащитного

¹ Д ж. Фу л л е р. Реформация войны, стр. 82.

² Т а м ж е.

³ Т а м ж е, стр. 60.

населения и заражать «экономические источники благосостояния страны — колодцы и стада»¹.

Столь же конкретно и обстоятельно изучает Фуллер задачи поддержания «внутреннего спокойствия» Великобритании. На примере Индии он дает схематический план поддержания такого порядка, возложенного на моторизованную силу.

* * *

Несмотря на то что Фуллер практически устремлен в стратегическое изучение малых войн, мы все же можем найти в его книге много интересного, характеризующего большую войну против СССР коалиции Великобритании, Франции и Германии, о которой упоминает автор. Для нас, конечно, исключительный интерес представляют собой и стратегические черты малых войн, острие которых может оказаться направленным не только против Кабула, но и за наши границы. Показания Промышленной партии Рамзина красноречиво говорят об этом. Во всех этих отношениях в «Реформации всйны» Фуллера можно найти много интересного, если суметь при этом отбросить все то сумбурное, вздорное и пошрое, чем окутано изложение теорий Фуллера.

Большим достоинством Фуллера является то, что он не только изучает опыт прошлого, но, следя за развитием техники, старается дать такое направление организации и вооружению армии, чтобы будущая война приняла новые, наиболее эффективные формы. Отбросив в сторону трескучую фуллеровскую болтовню, мы должны будем отметить ряд прогрессивных его мыслей, развиваемых не только им, но и его последователями, особенно Лиддел Гартом. «До мировой войны, — говорит Фуллер, — офицеры генерального штаба работали, но не мыслили научно. Они были рабами прошлого, а не господами будущего»². «Мы никогда не должны забывать, что сегодняшняя или грядущая война никогда не будет похожа на прошлую войну»³. Фуллер требует «внимания военной технике» и говорит о необходимости «заранее подумать о тактическом применении этих новых изобретений»⁴, с тем чтобы, перестроив в соответствии с новыми факторами армию, извлечь из «этих нововведений наибольшую пользу».

Приходится признать, что в этом отношении великобританская военная мысль идет впереди, например, французской военной мысли, которая прочно держится прошлого, доводя его главным образом лишь до логического, наиболее кристаллизовавшего накопленный опыт конца.

Читатель найдет у Фуллера много интересных мыслей о действиях танков. Особенно внимательно следует отнестись к действиям танков по тылам противника, что при одновременном ударе

¹ Д. ж. Фуллер. Реформация войны, стр. 64.

² Там же, стр. 75.

³ Д. ж. Фуллер. Основы науки о войне.

⁴ Там же.

с фронта, несомненно, должно повести к более решительным и маневренно напряженным боевым действиям в современных сражениях. К обходу и удару по флангу и тылу (область старого, привычного маневра) присоединяется захват тыловых рубежей, осуществляемый прорывами и пулеметными десантами из танков, а также десантами авиационными, особенно на парашютах (о чем, кстати сказать, Фуллер вовсе умалчивает). Эти действия, соединенные с применением отравляющих веществ и дымовых завес, должны в новом виде поставить изучение современного общевойскового боя и операции.

Крайне интересны соображения Фуллера о значении отравляющих веществ и вообще химической войны как средства, обеспечивающего максимальную внезапность.

Много интересных и по-новому поставленных вопросов находимы у Фуллера о воздушно-морской войне, подводных десантах и проч.

К слабым сторонам «Реформации войны» надо отнести недоучет Фуллером значения воздушного флота как транспортного средства, весьма реконструктивно отражающегося на характере современных операций. Объяснить это можно главным образом тем, что вопрос о большой войне, обслуживании и питании больших армейских масс почти обойден. Отчасти это можно объяснить и тем, что книга писалась семь лет назад. А между тем современная техника толкает развитие армии не узко по пути моторизации, а в направлении авиамоторизации.

Читая Фуллера, надо уметь отбросить его фантазерскую шелуху, чрезвычайно понижающую общее достоинство его сочинений, и суметь извлечь то ценное и передовое, что в этих сочинениях заложено.

В 1923 г. Фуллер намечал интервенцию тогда, когда произойдет «восстановление сил России». Если бы Фуллер писал эту книгу сейчас, то он, несомненно, уделил бы большее внимание большой войне. Рост социалистической мощи СССР, неуклонные успехи в осуществлении генеральной линии партии, укрепление обороноспособности Союза и Красной Армии, давно уже превзойденный довоенный уровень, ликвидация кулака как класса на базе сплошной коллективизации — все это говорит о том, что война империалистов против нас пахнет не малой войной.

30 ноября 1930 г.,
Ленинград

КОНСЕРВАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ¹

АВТОР ВЕЛИКОБРИТАНСКОЙ СТРАТЕГИИ

Моррис Фредерик Бартон — генерал-майор английской армии в отставке — родился в 1871 г., первый офицерский чин получил в 1892 г. В 1897—1898 гг. Бартон участвовал в походах в Индии на границе с Афганистаном, в 1899—1900 гг. он в должности командира роты участвовал в англо-бурской войне. В 1904 г. окончил академию генерального штаба. В начале империалистической войны Бартон работал в штабе 3-й дивизии; в 1915 г. он был переведен в военное министерство в оперативный отдел, в котором и работал до отставки в середине 1918 г.

Моррис был одним из наиболее близких помощников генерала Робертсона — начальника имперского генерального штаба. В связи с поражением английских армий в марте 1918 г. Робертсон должен был выйти в отставку, а Моррис опубликовал в прессе письмо, в котором обвинял кабинет министров в неправильном взваливании всей вины за катастрофу на армию ввиду того, что правительство держало в метрополии армию в несколько сот тысяч человек из опасения немецкого десанта. За опубликование этого письма Моррису предложено было выйти в отставку.

В течение долгого времени Моррис был вице-председателем «Британского легиона» (фашистский союз бывших военнослужащих).

Моррисом написаны книги: «40 дней 1914 года», «Роберт Ли как солдат», «Правительство и война» и, наконец, «Стратегия».

В своей «Стратегии» Моррис уделяет большое внимание взаимоотношениям главнокомандующего с правительством. Он указывает, что «в английской армии до сего времени очень живучи тенденции рассматривать войну с чисто военной точки зрения». Лично он, Моррис, «перед 1914 г. наряду со многими другими смотрел на стратегию с недостаточной широтой».

Очевидно, этим в немалой степени объясняются те трения, которые имели Моррис и его начальник с правительственными кругами. Моррис считает, очевидно на основании собственного опыта,

¹ Предисловие М. Тухачевского к переводу книги английского генерала Морриса «Стратегия», «Красная звезда», 1931, 7 августа, № 215, — *Ред.*

что и в будущем эти трения и трудности будут очень велики, что крайне вредно отражается на ведении войны. Несомненно, Моррис прав. В капиталистическом государстве вряд ли может создаться иное положение.

* * *

«Стратегия» Морриса сама по себе не представляла бы никакого интереса, если бы она не являлась полемическим произведением, противопоставленным Фуллеру, Лиддел Гарту и другим, и если бы не представляла собой официальной точки зрения английского генерального штаба. Совпадение установок «Стратегии» с официальными находит свое подтверждение в предисловии начальника генерального штаба фельдмаршала Мильна. Этот последний указывает, что стратегические положения Морриса целиком совпадают с английским Полевым уставом, а также подчеркивает, что «Стратегия» рисует правильные перспективы в отношении механизированных войск. Таким образом, критика кампании в пользу моторизации, проводимой Фуллером, Лиддел Гартом и другими, данная Моррисом, является критикой официальной.

Помимо этой критики, в книге Морриса нет почти ничего интересного. Несмотря на горделивое заявление Морриса, что он излагает не стратегию «вообще», а стратегию британскую, а фельдмаршал Мильн считает это положение особо ценным в книге Морриса, — все же на деле мы не находим в ней цельного изложения британской стратегии, если не считать отдельных, не всегда увязанных между собой мыслей.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА БЛОКАДЫ

Прежде всего необходимо отметить, что Моррис представляет себе войну, которую будет вести Великобритания, как коалиционную войну. Громадное значение отводит он делу блокады враждебного государства. Однако он считает, что дипломатически это нужно делать ловчее, чем делала Германия, объявляя Англии подводную войну. Так, «организуя экономическую блокаду Германии, английская стратегия неизменно вела эту блокаду в строго очерченных рамках, не нарушая морской коммерческой деятельности нейтральных государств». Следствием такой системы действий было то, что «английская блокада, вызвав почти голод в Германии, однако, не вызвала возбуждения какой-либо державы противников. Даже больше того — одно из самых важнейших нейтральных государств — Соединенные Штаты — примкнуло к союзникам».

Вполне оценивая значение морской войны для Великобритании, Моррис все же полемизирует со взглядами Бэкона, изложенными в сочинении последнего «Величие королевств и феодальных владений», считающего, что «решительное морское сражение решает мировые судьбы». Моррис указывает, что в новейшей военной

истории вовсе нет примеров, которые бы служили подтверждением мысли Бэкона, и прибавляет: «Для того чтобы закрепить результаты Трафальгарского сражения, нужны были Лейпциг и Ватерлоо». Эту последнюю мысль о связи морской и сухопутной войн для Великобритании Моррис подчеркивает постоянно. Он считает, что сухопутную войну без использования морских коммуникаций Великобритания может вести лишь в двух случаях: во-первых, в случае десанта противника на побережье Великобритании и, во-вторых, на северо-восточных границах Индии, на которых сосредоточено достаточно сухопутной силы для участия в военных экспедициях. Другими словами, Великобритания только при действиях против СССР, по мнению Морриса, может обойтись без своего морского флота. Во всех же остальных случаях он подчеркивает «наиважнейшую британскую особенность, наитеснейшую взаимозависимость морской и сухопутной стратегии». Моррис считает, что в этом заключается основное различие великобританской стратегии от стратегии континентальных европейских стран.

Приводя цитату из нового Полевого устава: «Уничтожить вооруженные силы противника, опираясь на поддержку и взаимодействие морского флота и авиации», Моррис добавляет: «В целях более рационального использования нашей сухопутной армии она должна быть переброшена на один из приморских театров войны. При этом без особой необходимости не следует отвлекаться от побережья в глубь неприятельской страны».

Анализируя организационные мероприятия, проведенные в германской армии между 1912—1914 гг., Моррис говорит, что они заслуживают самого пристального изучения, так как этим путем Великобритания сможет увеличить свою готовность к будущей войне с использованнем массовой армии. Однако, считая необходимым для Великобритании выставление массовой многомиллионной армии, Моррис придерживается традиционного метода английской буржуазии — не рисковать чрезмерно своими силами.

«...Вследствие этого командование должно с величайшей внимательностью отнестись к использованию вооруженных сил, пазначая для каждой задачи такое количество войск, которое действительно требуется для достижения поставленной цели». Этой осторожности и экономии в силах Моррис придает огромное значение и полемизирует с Клаузевицем, который считал необходимым использование всех своих сил для достижения превосходства в решительных операциях.

МОРРИС ОТКАЗЫВАЕТСЯ БЫТЬ ПРОРОКОМ

Фуллер, несмотря на крайнюю схоластичность своих теоретических построений о характере будущей войны, имеет то несомненное достоинство, что помимо изучения прошлого опыта он считает необходимым учесть все современные технические сдвиги и достижения и готовиться к формам не той войны, которая уже прошла,

я той, которая будет. Он говорит: «До мировой войны офицеры генерального штаба работали, не думая научно. Они были рабами прошлого, а не господами будущего». Он требует «заранее подумать о тактическом применении этого нового изобретения» с тем, чтобы, сделав все необходимые организационные выводы, извлечь из «этих нововведений наибольшую пользу».

Моррис к подготовке будущей войны подходит с другого конца. Он считает, что он не может быть пророком «совершенно определенных форм войны», так как считает, что «всякое определенное представление на этот счет не только неправильно, но и вредно». Он лишь снисходительно смотрит на тех авторов, которые стараются предугадать характер будущей войны.

Чувствуя шаткость своей консервативной позиции в вопросах подготовки будущей войны, Моррис делает множество оговорок, балансируя в разные стороны. Он указывает, что «важным явлением нашей эпохи является то, что мы с каждым днем все больше и больше опираемся на механизацию. Наша промышленность и, конечно, наше собственное бытие все больше и больше становится зависимым от фабрик и все меньше и меньше — от невооруженных машинной человеческих рук. В военном мире происходит точно такой же процесс». Моррис считает, что «современные экономические и культурные достижения общества глубоко влияют на характер войны». Но из этого обстоятельства он не делает вывода о необходимости соответствующей работы и подготовки; наоборот, постоянно возвращаясь к принципам стратегии, он старается доказать, что в основном ничего измениться не может, что нужно лишь быть готовыми применяться к новым обстоятельствам войны.

Консерватизм английского министерства проявляется в настоящее время весьма ярко. Несмотря на то что именно в Англии за последние годы сделаны наибольшие успехи в конструировании танков, несмотря на то, что именно там найдены пути к их массовому производству, именно в Англии военное министерство ведет ожесточенную борьбу с новаторами в деле механизации и моторизации армии. Точно так же и во время империалистической войны великобританское военное министерство было наиболее консервативным в вопросах мобилизации промышленности и долгое время боролось против наиболее передовых и научных методов мобилизации промышленности путем кооперирования. Военные поставщики явочным порядком перешли к кооперированию, и тогда министерству пришлось согласиться с таким порядком вещей.

Как известно, Фуллер в своем увлечении механизированной войной доходит до того, что считает будто бы одним налетом бомбардировочной авиации на политические центры противника можно достигнуть окончания войны в течение нескольких часов. Моррис совершенно основательно нападает на эту упрощенную фуллеровскую установку, но неудачно полемически разрешает этот вопрос, стараясь подковырнуть Фуллера, начиная с политических целей войны, безнадежно запутавшись в этом же самом вопросе.

Критикуя Клаузевица и одного из германских писателей, адмирала Мальтцальма, Моррис считает неправильной формулировку последнего о том, что «вооруженный мир имеет целью подготовку сил и средств для возможной войны в таком виде, чтобы государство, с политикой которого сталкиваются наши интересы, осталось бы, несмотря на это, в состоянии мира с нами, но с принятием наших условий». Моррис считает, что фуллеровская установка по подавлению политических центров противника является развитием этого самого положения.

Он указывает, что на основании пакта Келлога государства, подписавшие его, «обсуждают войну как средство для разрешения международных споров и отказываются от применения ее как инструмента национальной политики в своих отношениях друг к другу».

Моррис говорит, что «британское правительство за последнюю сотню лет никогда не рассматривало войну как продолжение своей собственной национальной политики» и что поэтому положение пакта Келлога целиком соответствует традиционной политике Великобритании.

Однако вся эта болтовня, использованная в целях полемики Фуллера, немедленно отпадает, как только Моррис говорит о характере британской стратегии. Ссылаясь на то, что географические и политические условия Британской империи весьма своеобразны и что эти условия требуют особой системы британской стратегии, он приводит, между прочим, следующую цитату из английского Полевого устава: «Нация должна охранять свои жизненные интересы. Вследствие этого она должна быть в состоянии диктовать свою волю в сношениях с другими нациями». Моррис прибавляет к этому: «В соответствии с вышеизложенным стратегия должна рассматриваться как искусство употребления всех национальных сил и средств для того, чтобы достигнуть цели войны. Подобная общая стратегия должна включать политическую, морскую, военную и авиационную стратегии».

О РОЛИ ВОЗДУШНОГО ФЛОТА

В критике Фуллера по вопросу использования военно-воздушных сил Моррис не ограничивается одной лишь «моральной» стороной вопроса. Он переходит в дальнейшем к «деловой» стратегической критике. Получается чрезвычайно интересная картина. Видный английский генерал пишет стратегию современной войны, и при этом британскую стратегию, и вместе с тем вопрос об использовании военно-воздушных сил ставится не в разрезе положительного их использования, а исключительно через призму критики положения Фуллера, под углом зрения отрицания исключительной силы военно-воздушных сил.

Моррис не ищет новых путей использования воздушных сил, путей преобразования сражений и операций. Методы войны в ос-

новном неизменны, нужно лишь применить к ним дополнительный новый ресурс — могущественный воздушный флот. Моррис, конечно, не отрицает возможности использования воздушного флота в совершенно самостоятельных операциях и при этом подчеркивает возможности использования его как в любой сухопутной, так и в любой морской операции. Но тем не менее основное изложение Морриса идет под углом зрения следующего положения: «Многие энтузиасты могут быть более смелыми в своих суждениях о перспективах для воздушных сил, но эти энтузиасты не связаны определенной ответственностью за свои смелые предсказания». Касаясь предсказания относительно сокрушительных ударов воздушного флота, он разбирает два отстаиваемые его противниками положения: 1) нейтрализацию военно-морских сил и 2) изолирование сухопутных войск от коммуникационных линий и от баз.

Опровергая эти два положения, Моррис по первому из них указывает, что ввиду недостаточной точности бомбометания авиация не сможет состязаться с более усовершенствованной морской артиллерией, и поэтому его вывод таков: «Бронированный корабль является гегемоном военно-морского флота и, по-видимому, останется на таком высоком положении еще некоторое время». Зато в области борьбы с коммерческим морским флотом Моррис предсказывает громадную роль воздушного флота и тем самым высказывается за применение его в целях блокады и борьбы на растянутых морских коммуникациях.

По вопросу о разрушении сухопутных коммуникаций Моррис считает, что конница проделала в истории значительно большие дела по разрушению, чем это может сделать авиация. Он говорит: «Мало вероятно, чтобы самолеты, двигающиеся с громадной скоростью, могли произвести большие разрушения, чем люди, специально работавшие для этого на земле».

В отношении противовоздушной обороны баз Великобритании Моррис считает, что несколько портов-баз, как это имело место в последнюю войну, является значительной гарантией, и добавляет: «Наше господство на море дает возможность свободно избирать необходимые порты для баз». Большую трудность для противовоздушной обороны Моррис видит в сохранении морских баз, которые «обладают громадными машинами и специальными сооружениями, совершенно точно приуроченными к определенному району». Однако на опыте неудачных воздушных атак Брюге (базы германских подводных лодок) Моррис считает, что нет оснований особенно опасаться и за морские базы. «Короче говоря,— добавляет он,— мы пока не имеем серьезных оснований заключать, что развитие военно-воздушного флота коренным образом изменяет принципы и метод ведения войны». «С чисто британской точки зрения,— говорит он далее,— важное преимущество, которым обладает современная авиация по сравнению с другими родами войск, пожалуй, заключается в ее способности быстро открывать и вести самостоятельные экспедиции против малокультурного противника».

Моррис согласен признать и то, что «воздушные силы, брошенные для преследования уже разбитого противника, смогут решительно повлиять на исход войны».

Во всем ходе изложения применения авиации Моррис делает бесконечные оговорки. Он готов признать громадную роль авиации в деле разведки, но добавляет: «Впрочем, нужно всегда учитывать, что результат авиационной разведки зависит от состояния атмосферных условий». Он готов признать, что авиация может нарушить оперативную связь в тылах у противника, но и здесь следует то же самое, «впрочем», с целым рядом оговорок и т. д.

В общем и целом по вопросам использования авиации, по вопросам влияния строительства воздушных сил на организационные, тактические и оперативные методы ведения войны мы не находим в «Стратегии» Морриса решительно ничего интересного и поучительного, кроме старческого брюзжания против увлекающихся новаторов.

По вопросам о моторизации армии и влиянии ее на характер будущей войны ген. Моррис является такой же брюзгой, как и по вопросу об авиации. И это брюзжание является выражением официального взгляда британского генерального штаба, начальник которого в предисловии к книге говорит: «Обращаю внимание на главу этой книги, трактующую о подвижности. Эта глава рисует правильные перспективы в отношении механизированных войск».

Моррис, конечно, «не возражает» против моторизации, он готов даже признать, что «в будущей войне надежды в значительной степени возлагаются на усовершенствование машины». Он даже гордится тем, что англичане являются пионерами в деле применения танков и т. д., но... «наше стремление к маневренности, которая является основной целью механизации армии, было затуманено той дискуссией, которая разгорелась по вопросу о значении брони». Моррис упирает на то, что танки явились порождением позиционной войны и «как стремление преодолеть гигантскую силу современного огня и таким образом приобрести свободу действий».

Конечно, Моррис признает громадное значение брони на танке, но... «броня отяжеляет танк» и т. д. и т. п.

Для Морриса несомненно, конечно, что танки явились большой внезапностью во время империалистической войны для немцев, но... «такой внезапности уже не будет в будущей войне». Почему Моррису представляется, что этой внезапности не будет? Да потому, что он видит войну в ее старых формах, он не видит возможности путем массового внедрения танков изменить методы ведения боя и операции, не видит возможности создавать для противника внезапные условия развития операции путем этих нововведений. По Моррису, война должна развиваться по-старому, и существенного отличия в использовании нескольких десятков или сотен танков в сражении от использования их многими тысячами он не видит и видеть не хочет. И это несмотря на то, что Моррис должен

все же признать, что современная большая промышленность играет такую же роль, какую играли большие батальоны у Наполеона. Успехи автомобильной промышленности, шестиколесного автомобиля и танкостроения, возможность производить танки громадными массами, для чего требуется высокоразвитая промышленность, не наводят все же Морриса ни на какие определенные соображения, и он, боясь быть «пророком», воздерживается от подготовки новых форм войны, веря лишь в то, что видел, в то, что привычно, в то, что испытано. По выражению Фуллера, это — типичный «раб прошлого».

Моррис «в порыве справедливости» готов даже признать, что в будущем не исключена возможность повторения маневра в наполеоновском стиле. Он говорит: «Представьте себе только на одну минуту такое положение, когда с одной стороны действует механизированная армия, не встречающая со стороны неприятеля никаких противотанковых средств сопротивления. Разве в этом случае не создаются широкие возможности для стремительного прорыва фронта противника, как это в свое время практиковал Наполеон». Но это только временный порыв. В основном же Моррис отмечает, что «большинство великих полководцев, как, например, Кромвель, Мальборо, Фридрих Великий, Наполеон, генерал Ли, всегда обращали значительное внимание на создание и поддержание в своих армиях подвижного рода войск». И Моррис будет рад, если взамен старого подвижного рода войск — конницы — в составе армии будет хорошо организованный и подвижной род войск, в котором осуществлена проблема механизации.

Точно так же как и для воздушного флота, Моррис видит широкое применение моторизованных войск в колониальных войнах Великобритании.

* * *

Итак, в «Стратегии» Морриса мы не находим ничего поучительного и практически полезного. Наибольший интерес она представляет с той точки зрения, что вскрывает внутреннюю борьбу, происходящую в армии британского империализма, которая, весьма возможно, вызывается не столько личной склонностью тех или других генералов или офицеров к новым или старым родам войск, сколько тем, интересы каких промышленных групп они отражают. Не говорят ли интересы промышленников, изготавливающих артиллерию и снаряды, устами ген. Морриса и фельдмаршала Мильна. И не отражаются ли интересы автомобильной и авиационной промышленности во взглядах Фуллера, Лиддел Гарта и других «новаторов».

Было бы крайне интересно вскрыть и проанализировать экономическую подоплеку этого, казалось бы, чисто теоретического спора.

ПОДГОТОВКА НОВОЙ ВОЙНЫ ПРОТИВ СССР¹

С каждым днем все больше и больше расшатываются устои капиталистического мира. Невывалый в истории мировой экономической кризис, развивающийся на основе общего кризиса капиталистической системы, охватил все буржуазные страны и все важнейшие отрасли производства. Число безработных в капиталистических странах перевалило уже за 35 млн. человек и продолжает возрастать. Идет широкое наступление буржуазии на рабочий класс: сокращается заработная плата, уменьшаются пособия по безработице, удлиняется рабочий день и т. д.

Миллионные массы крестьян разоряются вследствие падения цен на сельскохозяйственные товары, высоких налогов, огромной арендной платы и высоких процентов по долгам.

Мировая буржуазия, опираясь на социал-фашистов, усиливает и без того жестокую эксплуатацию трудящихся, громит революционные и рабочие организации, расстреливает демонстрации, загоняет в подполье коммунистические партии. Но эти меры не помогают. Жестокий кризис ширится и растет, растет и борьба трудящихся масс всех стран за свое освобождение от гнета и эксплуатации.

Успехи строительства социализма в СССР все более убеждают трудящиеся массы всех стран, что из нищеты и угнетения можно выйти только путем пролетарской революции. Бурный рост СССР вызывает страх и бешеную ненависть буржуазии. Против СССР, занятого мирным строительством и твердо проводящего политику мира, готовится новая империалистическая интервенция. Еще никогда эта подготовка нового нападения на нас не проводилась так открыто и настойчиво. Министры Америки, Англии, Франции и других капиталистических стран непрерывно разъезжают из одной страны в другую и в поисках выхода из кризиса, для спасения своих капиталов настойчиво и лихорадочно сколачивают антисоветский фронт. Подготовка к войне проводится и в виде прямых вооруженных нападений, как это было на Китайско-Восточной железной дороге. Война против СССР подготавливается и

¹ Из книги М. Тухачевского. «Памятка красноармейцу на маневрах». Изд. 3, исправл. и доп., М., Госвоениздат, 1931. Печатаются с сокращениями. — *Ред.*

экономическим путем, путем борьбы с вывозом наших товаров за границу. Она организуется всей буржуазной печатью, которая непрерывно проводит кампанию лжи и клеветы против нашей партии, нашей страны и нашего строительства. Буржуазия выступает открыто в виде провокационных покушений и нападений на наши представительства за границей.

Вместе с ростом кризиса капитализма растет и военная опасность. Буржуазия ищет выхода из создавшегося положения путем новой войны и нового нападения на Советский Союз. Военная промышленность в капиталистических странах растет все время, несмотря на кризис.

Международный пролетариат на страже СССР

Рабочий класс всех стран, ведя ожесточенную классовую борьбу со своей буржуазией, вместе с тем мешает нападению империалистов на наш Советский Союз, сознательно защищая его как ударную бригаду мирового пролетариата. В международный красный день (1 августа) как в прошлом, так и в этом году рабочий класс всего мира ответил мощным выступлением протеста против подготовки новой войны и нападения на Советский Союз.

Благодаря нашей политике мира и этой международной пролетарской солидарности, благодаря успехам нашего социалистического строительства, а также укреплению нашей обороноспособности и в первую очередь Красной Армии, мы избежали до сих пор вооруженного нападения (интервенции) империалистов.

Генеральная линия партии обеспечивает укрепление обороноспособности страны

Индустриализация СССР, социалистическая перестройка деревни и громадная культурная работа в нашей стране дают нам все более культурного и классово сознательного бойца, а также все большее количество технических средств борьбы. Красноармеец должен принимать активное участие в выполнении пятилетки, в социалистическом переустройстве деревни и овладеть той техникой, которой с каждым годом все больше и больше насыщается Красная Армия. Красная Армия является величайшей силой, обеспечивающей строительство социализма.

Ударничество и социалистическое соревнование на маневрах

Маневры — это высшая ступень тактической и политической учебы и полевой закалки войск, отчет о достижениях в учебе. Маневрами завершается годовая учебно-воспитательная работа, а потому они являются наиболее широким полем для социалистического соревнования между войсковыми частями, для проверки выполнения контрольных цифр боевой подготовки.

На основе соревнования и ударничества должен проходить каждый этап и ход маневров.

В первую очередь соцсоревнование должно охватывать развитие самостоятельности, мобильности и смелости. Способность к обтеканию флангов и к проникновению в щели боевого порядка противника, способность к быстроте и решительности на основе образцовой, классовой, сознательной дисциплины должны особенно проверяться в соцсоревновании. Соцсоревнование должно охватывать политическую, тактическую и специальную подготовку войск, организацию тыла, порядок движения в колонне, работу среди населения (организация красных обозов с хлебом, распространение займа третьего решающего года пятилетки и т. п.).

Руководство маневрами и посреднический аппарат должны основывать свою работу на широком учете ударничества и соцсоревнования.

Смычка трудящихся и Красной Армии на маневрах

Наши маневры представляют собой смотр боевой мощи Рабоче-Крестьянской Красной Армии и ее готовности к защите интересов рабочего класса и трудящихся всех стран. В то же время они укрепляют смычку рабочих и крестьян с Красной Армией.

Маневры в этом году будут проходить в обстановке громадного роста и успехов социалистического строительства Советского Союза, в условиях, когда страна завершает построение фундамента социалистической экономики.

Во время маневров красноармейские части близко соприкасаются с населением. Поэтому каждый красноармеец должен быть проводником политики партии и Советской власти, уметь разъяснять среди широких масс трудящихся величайшие достижения истекших лет, а также и ближайшие задачи социалистического строительства.

Мы проводим ликвидацию кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. Мы ведем и будем вести жестокую борьбу с кулаком и кулацким влиянием даже в тех районах, где раскулачивание уже проведено. Несомненно, что, как и в прошлые годы, бешено сопротивляющийся кулак и подкулачники используют все средства, чтобы повлиять на бойцов Красной Армии. Всякой такой попытке кулацкой агитации красноармеец должен дать жестокий отпор.

Маневры будут проходить в разгар хлебозаготовительной, уборочной и осенней посевной кампании и в период размещения займа третьего решающего года пятилетки. Надо при всякой возможности активно помогать проведению этих кампаний, против которых всеми силами будут бороться кулак и подкулачник.

Красноармейская активность на маневрах должна помочь укреплению колхозов и дальнейшей коллективизации и укреплению новых кадров колхозных работников.

Каждый красноармеец при всяком соприкосновении с населением должен помогать рабочим, крестьянам-беднякам и середнякам разоблачать кулацкую и поповскую агитацию, слухи и сплетни врагов Советской власти, пытающихся подорвать наше строительство и охватить колхозное движение.

Он должен по-братски относиться ко всем национальностям, с которыми ему придется встречаться на маневрах.

Все это требуется для того, чтобы каждому, даже самому отсталому труждающемуся, стало ясно, что Красная Армия — подлинное детище рабочих и крестьян.

Красноармейская активность должна оживить все формы военной работы в деревне (кружки Осоавиахима, работа с переменниками, военная работа в колхозах и сельсоветах, помощь семьям красноармейцев).

Передовая техника, передовые методы ведения боя

В связи с успехами индустриализации СССР неуклонно растет и военная техника в РККА. Основная задача бойца состоит теперь в том, чтобы суметь в полной мере овладеть той техникой, которая имеется в частях, и достигнуть при помощи ее высших форм тактического искусства.

Красная Армия доказала во время дальневосточных событий свою высокую классовую сознательность, героизм и истинный интернационализм. Вместе с тем мы проверили на практике правильность наших уставов. Мы проверили и то, что тактические ошибки, недостаток мобильности и напрасные потери имели место там, где не знали и не умели применять наших уставов. Мы никогда не боимся признавать наши ошибки и, признав их, беремся решительно их искоренять.

Умелое применение уставов в бою, основанное на самой широкой и смелой инициативе, повышение использования нашей техники при тактической грамотности, вся работа на основе ударничества и соцсоревнования — вот то, что обеспечивает Красной Армии неухватимый, бурный рост ее боевой мощи. Каждый красноармеец должен быть ударником в деле повышения боеспособности Красной Армии.

Дисциплина и бодрость — залог победы

Полевая походная и боевая обстановка требует от каждого бойца огромного напряжения всех его сил. Необходимость этого напряжения на войне понятна всякому, на маневрах оно может показаться подчас чрезмерным и излишним. Опыт маневров должен показать каждому красноармейцу, что без величайшей выдержки и строжайшей дисциплины армия не может быть боеспособной.

Наша дисциплина основана на осознании красноармейцем тех

классовых интересов, которые он отстаивает с оружием в руках. Сознательная дисциплина, соединенная со способностью красноармейца к самостоятельным, смелым действиям, с предприимчивостью, с горячим интересом ко всем изменениям обстановки,— вот что создаст выдающегося бойца. В этом направлении должно развиваться и соревнование между красноармейцами. Члены партии и комсомольцы должны быть в нем первыми ударниками, руководителями и застрельщиками.

Маневры — дело тяжелое и трудное. Успеха на них добиваются те войска, которые умеют бодро переносить все тяготы. Поэтому никогда не следует терять бодрости, следует помнить, что веселое, уверенное слово, шутка подбадривают товарища, а общая бодрость — залог боевого успеха.

Развивая сознательность и наблюдательность

Красноармеец всегда должен стремиться к тому, чтобы правильно понять, как ведется бой, с какой постепенностью он развивается и как вводят в него, по мере надобности, различные боевые средства. Этому пониманию сильно помогает красноармейская печать, которая день за днем и шаг за шагом освещает маневренную деятельность войск. Особенно следует изучать разборы столкновения и ходов маневров.

Сам красноармеец-военкор оказывает большую пользу общему делу, когда дает в газету свою заметку с оценкой боевых действий своей части на маневрах, сравнивая эти действия со всем тем, что он сам усвоил и изучил за эти годы. В военное время от наблюдательности и сообразительности бойцов во многом зависит быстрое и правильное понимание тех новых приемов боя, которые выдвигаются войной. Новые виды вооружения появляются во время каждой войны, а всякая такая новость часто заставляет изменять и боевые действия войск. Красная Армия по части военной техники добилась за последние годы крупнейших успехов. Она улучшила свое вооружение и тактическую подготовку. Но на достигнутых успехах застывать не приходится: военное дело непрерывно движется вперед и непрерывно развивается. Следить за этим — обязанность каждого бойца.

Наблюдать за полем боя, отыскивать пулеметы, наблюдательные пункты противника и проч. и немедленно докладывать об этом своему командиру — это одна из основных обязанностей красноармейца, от которой в значительной степени зависит успех боя.

Во взаимодействии — сила

В чем главные особенности современного боя? После империалистической войны весьма усилилось пулеметное вооружение пехоты. Это резко повысило способность пехоты и всех войсковых соединений к обороне. Поэтому наступление тоже требует от пе-

хоты хорошего использования своих пулеметов и искусного маневрирования совместно с другими родами войск.

Пехотным частям даются определенные цели для наступления. Для достижения их общевойсковой командир и его штаб разрабатывают план наступления и атаки. План предусматривает всю сложность боя и организует управление наступлением на различных рубежах в глубину. Руководствуясь этим планом, артиллерия ведет огонь так, чтобы расстроить пулеметную основу оборонительной полосы противника. Артиллерия, таким образом, дает возможность пехоте своевременно произвести сближение, затем наступление, изготовиться для атаки и атаковать противника. Танки помогут преодолеть искусственные препятствия противника, а также помогут в дальнейшей атаке. В дальнейшем во время прорывания оборонительной полосы противника во всю ее глубину безотказное взаимодействие пехоты, артиллерии и танков должно быть непрерывным.

Таким образом, наступающей пехоте во время движения к противнику помогают и заранее для нее готовят успех другие рода войск, в первую очередь артиллерия.

Такая же помощь оказывается и коннице, когда она спешивается.

Чтобы помощь артиллерии была более действительной и соответствовала быстротечному развитию боя, артиллерия разделяется на группы поддержки пехоты (ПП). Эти группы оказывают поддержку определенным пехотным частям. От командиров частей они получают и боевые задачи. Пехота в этом случае указывает артиллерии, какую она должна обстрелять цель и куда переносить огонь при дальнейшем передвижении. Точно так же пехота указывает цели и танкам ДПП (дальней поддержки пехоты), уничтожающим главным образом станковые пулеметы противника и НПП (непосредственной поддержки пехоты).

Быстрота развития боя зависит от скорости наступления пехоты, а значит, от смелости, расторопности и предприимчивости отдельных бойцов. Эта быстрота зависит также и от искусства бойцов других родов войск, например от способности, храбрости и настойчивости артиллеристов и связистов из отделения связи с пехотой. Они должны вовремя, без задержки передавать на батарею требования пехотных командиров. При переправах через реки успешность и быстрота развития боя зависят не только от пехоты, но и от саперов и т. д.

Пехота выносит на себе главную тяжесть боя, она преодолевает громадные трудности лицом к лицу с противником, ведет огневой и рукопашный бой и закрепляет достигнутую победу. Поэтому артиллеристы, связисты, химики, саперы и прочие специалисты обязаны всемерно содействовать пехоте, облегчать трудности ее боевой работы, помогать ей добиваться победы с наименьшими потерями.

Все это говорит за то, что каждый красноармеец должен пони-

мать тактику (способ боевых действий) не только своего рода войск, но и тех, которые его поддерживают, обслуживают, с которыми он работает вместе.

Красноармеец не может быть только немым исполнителем. Он и сам должен быть творцом, деятельным участником боя. На маневрах ему необходимо не только воспользоваться тем, чему его учили, но еще и подметить, в чем сказались наши недочеты, как мы от них должны избавиться и что сам красноармеец может и должен сделать для того, чтобы толкнуть вперед дело нашей тактической подготовки.

Самостоятельно действовать, а не ждать распоряжений

Несмотря на огромную помощь всех родов войск, окончательный успех боя зависит от пехоты, от того, возьмет пехота занятый противником рубеж или нет. На плечи пехоты в бою выпадают самые большие трудности и опасности. Поэтому быстрота развития боя на деле зависит от политической сознательности и уверенности пехоты в своих силах, от ее способности к героизму, от ее настойчивости в порыве вперед. **Каждый красноармеец-пехотинец должен постоянно помнить о том, что от его личной отваги, ловкости и подвижности зависит судьба боя.**

Во время сближения пехота батальонными колоннами движется большей частью по скрытым подступам, где красноармеец действует по приказам и команде командира. С началом наступления в рассыпном строю красноармеец становится вполне самостоятельным бойцом, сознательно выполняющим общую задачу своей части. В это время от почина и умения отдельных бойцов зависят напор и стремительность наступления всей части.

Часто думают, что раз наступление ведется пехотой строго по приказам командиров от рубежа к рубежу, то частному почину бойца проявиться негде. Это ошибка, которая сплошь и рядом является источником самых крупных наших тактических недочетов. Такое мнение поражает ту самую медлительность, сонливость и малоподвижность, с которыми мы ежечасно боремся и от которых понемногу избавляемся. Оно превращает бойцов и командиров в «ждущих распоряжений», в то время как таких распоряжений дожидаться трудно. Напряженность, шум боя и широкая расчлененность пехотных строев не позволяют даже самому лучшему командиру постоянно управлять стрелками и даже видеть их.

Наступление пехоты требует большого мужества. Оно будет проявлено отдельными бойцами лишь в том случае, если они будут воспитаны в духе самостоятельного (инициативного) наступления. **Поэтому «жду распоряжений» — это отговорка для бездеятельного, для плохого бойца, чаще всего для труса.**

В чем состоит самостоятельность и почин наступления? В том, что если, например, командир приказал своим стрелкам выдвигаться на какой-нибудь рубеж, то как бы ни была велика опас-

ность, каждый стрелок обязан выполнить этот приказ, не медля ни одной минуты, не дожидаясь ни указаний, ни подталкивания, и выполнить, даже если на пути встретятся непредвиденные трудности. Но исполнение этого приказа, т. е. достижение рубежа, не означает, что красноармеец не имеет права продвигнуться и дальше его. Командир, когда подавал свою команду, мог ведь и не заметить со своего места, что его часть может беспрепятственно продвигнуться еще дальше. Если же рядовой боец, выйдя на указанный рубеж, отлично видит, что беспрепятственно и не мешая огню соседей может продвигнуться дальше, то он имеет право это сделать по собственному почину. Более того, он обязан это сделать, если он действительно хороший боевой красноармеец.

Во время прорыва оборонительной полосы противника такая доблесть, такая сноровка рядового бойца особенно необходимы. Ведь ни один командир во время движения части вперед не будет кричать «стой», «ложись». Наоборот, он будет все время требовать: «вперед». Поэтому красноармейцу нужно так воспитать себя, чтобы командиру не приходилось подгонять, а чтобы, наоборот, сам красноармеец тянул вперед весь боевой порядок. Военкоры должны отмечать в газетах тех из своих товарищей, которые проявили и постоянно проявляют способность и умение самостоятельно, не ожидая распоряжений, бросаться вперед и решительно развивать наступление. Наш Боевой устав пехоты и Полевой устав требуют именно таких смелых и самостоятельных действий. Только в обороне никто не имеет права бросать своего места, т. е. отходить назад без приказа командира. Вот каким должен быть в бою красноармеец-ударник.

Быстро подняться с ночлега, быстро построиться, быстро развернуться, быстро выполнить каждую команду, смело и самостоятельно действовать в наступлении — вот те основы, на которых строится тактика подвижной и способной к победам армии. Командиры и политработники, партийные и комсомольские ротные ячейки должны оказать полную поддержку красноармейцам в развитии этих основных качеств бойца, широко применяя здесь метод социалистического соревнования и ударничества.

Само собой понятно, что все сказанное касается не только пехоты. Не меньше, если не больше, это касается танков, конницы и других родов войск.

Подготовленный боец лишит врага его техники

В современной войне надо быть всегда готовым к нападению авиации и мотомеханизированных частей противника.

При нападении авиации с ней ведут борьбу наши истребители, артиллерия, пулеметы, а в некоторых случаях назначенные стрелковые отделения. При появлении самолетов противника надо соблюдать строгий порядок, быстро выполнять приказы командного состава, укрываться в указанных укрытиях и готовить противо-

газ. Ни в коем случае нельзя открывать беспорядочный огонь из винтовок. Зато тот, кто назначен для борьбы с самолетами и наблюдения за их появлением, обязан быть бдительным, спокойно и метко вести огонь по воздушному врагу, помня, что от этого зависит жизнь многих остальных бойцов и достижение поставленной цели всех наземных действий.

Для борьбы с танками и броневиками прежде всего служат специальные противотанковые минные поля и другие препятствия, а также пушки батальонной, полковой и дивизионной артиллерии. За появлением танков надо тщательно наблюдать. От бдительности наблюдателей зависит своевременное отражение нападения танков. При появлении танков надо укрыться в окопе или за закрытием (наблюдение из танка плохое) и вести огонь по следующей за танками пехоте и по наблюдательным щелям танка. Если пехота противника отражена, то танки вряд ли будут иметь успех: они или попадут в плен или будут расстреляны артиллерией. Когда танк подходит совсем близко, то под гусеницы танка нужно бросать гранаты заранее приготовленными связками по 5—7 штук.

Топкое болото, густой лес или вырубка с толстыми пнями, враги и балки с крутыми, обрывистыми берегами, речки не менее 2 метров глубиной не пропустят танка. В деревьях на дорогах без обходов (по сторонам болото) можно загоразивать дорогу бревнами, поваленными деревьями и т. д. Когда танк или какая-либо другая машина остановится и команда выйдет убрать препятствия, тогда внезапным огнем надо перебить команду и захватить машину.

Против танков надо действовать смелее и помнить, что даже в непосредственной близости можно бороться с танком. Непосредственно рядом с собой танк поражать не может, так как его пулеметы и пушки стреляют под определенным углом и рядом с танком есть некоторое непоражаемое пространство.

При применении противником химических средств немедленно, по тревоге надо надеть противогаз и продолжать выполнять свою задачу. При попадании на зараженные места переходить их можно только по приказу командиров после дегазации или же по дорожкам, указанным химическими разведчиками или командирами.

Огонь и движение — основа боя

Во время наступления красноармеец не должен оглядываться на соседей. Он самостоятельно выбирает себе место, которое как можно более укрывает его от наблюдения противника и вместе с тем позволяет вести по противнику огонь. Выбор огневой позиции при наступлении и при обороне зависит от самой обстановки боя. При наступлении важно лишь обстрелять противника, но не важно, если между стрелками (пулеметом) и противником имеются мертвые пространства...

Перебежки надо делать стремительно и падать (ложиться) бы-

стро. Маневры являются лучшей школой выработки таких навыков.

В бою слабо дисциплинированный боец во время ведения огня волнуется. Если он сам себя не воспитал в мирное время на спокойном, уверенном ведении огня, в противника он не попадет.

Маневры являются в этом отношении прекрасной школой. На них каждый красноармеец должен правильно устанавливать прицел и верно прицеливаться. Посредник не всегда сумеет проверить, правильно ли нашел цель и прицеливается боец. Сам красноармеец должен воспитывать себя на правильном ведении огня. Привыкнув к этому при стрельбе холостыми патронами на учениях и маневрах, боец сохранит эти навыки и на войне.

Следи за полем боя

Пехоте трудно вести наступление и добиться успеха, пока не будут подавлены пулеметы противника. Для того чтобы их подавить, надо их найти и указать их своим пулеметам и артиллерии, а это дело нелегкое. Одному командиру определить местонахождение пулеметов противника невозможно. Этому делу должна помочь вся красноармейская масса. Каждый боец должен все свое внимание напрячь для того, чтобы точно определить, где находится неприятельский пулемет. Очень часто стрельбу пулемета слышишь, а откуда она идет, определить не можешь. Здесь нужны сноровка, опыт и большое внимание. Особенно трудно определить местонахождение пулемета, ведущего огонь с закрытой позиции.

Но красноармеец не только должен уметь найти пулемет. Он должен уметь и указать его, точно объяснить по местным предметам его место. О каждом замеченном пулемете следует немедленно доложить своему командиру, ближайшему пулеметчику, а также передовому артиллерийскому наблюдателю, если он находится поблизости. Это один из самых важных вопросов подготовки наступательного боя. Поэтому будет полезно, если для определения пулеметов противника будет организовано широкое соревнование на маневрах.

Каждый красноармеец должен интересоваться, где расположены свои, соседние пулеметы — ручные и станковые, а также знать, где находится передовой артиллерийский наблюдатель.

Красноармейцу надо хорошо знать службу подноса патронов, внимательно следить за их расходом и своевременно докладывать командиру о необходимости пополнения.

И в наступлении и в обороне командир отделения может выйти из строя. Могут быть выбиты и его заместители. Нельзя допускать потери времени в замещении убитого командира. Если нет заместителя, то в командование вступает тот красноармеец, который более расторопен, смел и находчив и который первый скажет: «Отделение! Слушать мою команду!»

Для атаки подходи ближе к противнику

Пока артиллерия обстреливает передний край оборонительной полосы противника, необходимо как можно ближе подобраться к нему. На 200 метров подойти вполне возможно, не боясь своей артиллерии. Если в это время отдельный наш снаряд неожиданно и залетит в расположение своих войск, то он сделает меньше вреда, чем противник, когда наша артиллерия уже перенесет свой огонь, а бегущая издали в атаку пехота будет расстреливаться поднявшим голову противником.

Надо всегда иметь в виду, что, как бы ни была сильна артиллерийская подготовка, она никогда не сможет уничтожить противника полностью. Она сможет напугать его, пригнать к земле, нанести ему большие потери. Однако атакующая пехота должна помнить, что если она не подойдет как можно ближе к поражаемым артиллерией целям, если она хоть немного замешкается с атакой после того, как артиллерия уже перенесла свой огонь в глубину неприятельского расположения, то противник может очухаться, поднять голову и нанести атакующим большие потери. Поэтому пехота должна возможно ближе подойти к разрывам своих артиллерийских снарядов. Но как только огонь будет перенесен в глубь расположения противника, пехота должна ураганом набрасываться на неприятеля и не давать ему ни одной лишней минуты на «очухивание».

Если для прикрытия движения пехоты поднята дымовая завеса, то необходимо всеми силами стремиться вперед, чтобы под прикрытием дыма возможно ближе подойти к противнику.

Учись действовать с танками

Современные танки — мощное средство наступления. Они прокладывают дорогу пехоте, подавляют огневые средства противника, расстраивают его боевой порядок и ведут борьбу с его артиллерией.

Следом за танками идет пехота и закрепляет достигнутый совместно с танками успех.

Пехота и сопровождающие ее пушки батальонной и полковой артиллерии обязаны оказывать танкам всевозможное содействие: уничтожать противотанковые орудия, помогать танку огнем по прислуге пулеметов и орудий противника, указывать необходимые цели и т. д.

При поддержке танков нечего бояться поразить их своим огнем: танк надежно защищен от ружейных и пулеметных пуль, огонь стрелков и пулеметов не может принести ему вреда.

Если танки задержались и не могут двигаться дальше, пехота должна продолжать наступление при поддержке артиллерии и пулеметов. Каждый боец должен знать, что танки только поддерживают пехоту в бою, но не заменяют ее.

Распространяй атаку вглубь

Атака в первую голову ведется на пулеметы и на группы стрелков, иначе говоря, на огневые очаги противника на его переднем крае. Но с занятием этих первых огневых очагов дело не кончается. Пехота должна произвести еще ряд атак против таких же очагов, расположенных в глубине неприятельской обороны. Подходя к переднему краю противника, красноармеец должен хорошо вздуматься в план атаки того огневого очага, на который направляется его отделение.

Необходимо, чтобы стрелковый взвод маневрировал, т. е. стремился к тому, чтобы огонь и направление атаки велись по определенному плану, наиболее подходящему к обстановке.

В боевой обстановке, особенно перед атакой, командиру взвода трудно командовать так громко, чтобы его слышали все. Отделениям многое придется делать и по собственному почину. А в самих отделениях многое будет делаться по почину отдельных бойцов. Поэтому каждый красноармеец должен быть не только участником, но и творцом маневра и атаки. Каждый боец должен ясно понимать общий план действий взвода и направлять свою деятельность так, чтобы она не шла вразрез с общими действиями, а, наоборот, помогала, выправляла и обеспечивала их.

Большую самостоятельность стрелковые и пулеметные отделения, а также отдельные бойцы должны проявить после овладения каким-либо огневым очагом противника. Одним очагом ведь дело не кончается. За первым надо атаковать второй, за вторым — третий и т. д.

Скорость движения возлагает очень большие обязанности на артиллеристов и на связистов. Отделения для связи с пехотой должны четко выполнять свои обязанности, чтобы не отставать от передовых частей наступающей пехоты и чтобы связь при этом не терялась. Полного взаимодействия пехоты и артиллерии достигнуть нетрудно при медленном наступлении и очень трудно — при быстром. А мы должны уметь наступать очень быстро. Поэтому каждый артиллерист должен помнить, что если он не сделает всего от него зависящего, если он не напряжет всех сил, то быстро наступающая пехота останется без артиллерийской поддержки и понесет ненужные потери.

При дружном стремлении вперед не страшны засады

Смелое, безудержное прорывание и преследование может быть окончено только тогда, когда живая сила и артиллерия противника будут захвачены в плен или уничтожены.

При развитии таких смелых действий иногда опасаются засад неприятеля. Конечно, такие засады возможны, но только в том случае, если наступательные действия будут вестись лишь отдель-

ными, не связанными друг с другом бросками вперед одиночных людей или отделений.

Если же все или большинство отделений и отдельных бойцов будут действовать смело и напористо, то никакие засады не страшны, так как таковые сами попадут под фланговый удар наших частей.

Таким образом, если пехота понимает свои задачи, если она правильно воспитана в духе смелости, напора и почина, то ей не страшны никакие засады противника. Хорошая пехота сумеет использовать каждую оплошность противника. Если в его расположении обнаруживается какая-нибудь щель, трещина, то в эту трещину надо обязательно пролезть и постараться ее раздвинуть, расширить. Появление в боевом расположении противника даже отдельных бойцов расстраивает его, нарушает его оборону и наводит на него панику. Пойти его фланг, внешний или внутренний, обойти его и атаковать — вот к чему должна стремиться каждая пехотная часть и каждый отдельный боец.

Во время разведывания и в бою с неприятельским охранением точно так же требуется большая самостоятельность и напористость. Следует всегда помнить, что самые важные сведения о разведке добываются боем и захватом пленных.

Пехоте на маневрах надо хорошо знать и уметь применять правила борьбы с авиацией противника и ее химическими средствами.

Пехота должна уметь вести наступательный бой совместно с танками, держа с ними теснейшую связь; должна уметь бороться с вражескими танками, ведя огонь по их смотровым щелям и поражая следующую за танками пехоту противника.

В обороне будь стойким

Уничтожить противника и добиться окончательной победы можно только наступлением. Однако нельзя наступать по всему фронту и непрерывно. Иногда выгодно временно перейти к обороне. Каждый боец в обороне должен так выбирать себе место, чтобы прежде всего можно было видеть и поражать огнем наступающего противника. Достигнуть успеха в оборонительном бою можно только в том случае, если все бойцы будут драться до последней возможности.

Ни в коем случае нельзя отходить даже тогда, когда соседние огневые точки захвачены противником. Надо приложить все силы, чтобы огнем задержать его и атакой ударных групп уничтожить ворвавшегося противника. Отходить можно только по приказу.

Когда будет приказано отходить, то первыми отходят стрелковые отделения. Пулеметы до последней возможности, если нужно, то, **жертвуя собой**, прикрывают отход стрелков. Артиллерия самым напряженным огнем также обеспечивает отход, в крайних случаях не останавливаясь перед явными потерями.

Выход из боя должен происходить перекатами: когда одни отделения, взводы, батареи отходят, то другая их часть огнем сдерживает противника.

Даешь технику!

Своевременная чистка и смазка и правильное обращение с техникой при ее использовании — основное для обеспечения безотказной работы оружия и техники в бою.

С техникой, которая вследствие плохого ухода пришла в негодное состояние, нельзя добиться победы.

Каждый красноармеец должен понимать, насколько важно сбережение техники. Что получится, если моторы самолетов и танков будут отказывать в работе, приборы для стрельбы в артиллерии будут врать, пулеметы будут расшатаны и побиты, у винтовок будут сбиты мушки, погнуты штыки и прицельные рамки, у гранат заржавеют ударники и будут сломаны пружины, в противогазах слипнется от непротертого пота резина и засорятся горловины и т. д.? Ясно, что в таких условиях много прольется лишней крови и трудно рассчитывать на успех в бою.

Нужно строго выполнять все указания командиров по уходу за техникой, любить и беречь свое оружие, чтобы оно без промаха било по целям, не отказывало в критическую минуту.

Необходимо помнить, что всякая порча и потеря оружия, требующая замены или крупного ремонта, загружает бесцельно нашу промышленность, отнимает у фронта те новые образцы оружия, которые могли бы быть сделаны вовремя и т. д.

На походе храни порядок

Высокая маневренность достигается умением войсковых соединений производить стройные и быстрые марши. Для этого колонны должны, не растягиваясь, двигаться только по одной стороне дороги. Если же красноармейцы не соблюдают этого правила и занимают всю дорогу, то тем самым они прекращают возможность управления колонной. Это управление возможно лишь в том случае, если одна сторона дороги свободна и конные ординарцы, мотоциклы и автомобили могут двигаться без задержки, отвозя донесения и передавая приказания. Колонна, идущая строго по одной стороне дороги, всегда будет иметь большое преимущество во встречном бою перед колонной, беспорядочно занимающей всю дорогу. Таким образом, требование движения по одной стороне дороги вызывается не стремлением к красоте движения, а стремлением сделать колонну подвижной, маневренной, боеспособной.

В походе красноармеец должен тщательно следить за своей обувью и ногами. Мытьем ног, правильной обмоткой, правильно завернутой портянкой, смазыванием обуви боец предотвратит потертость ног и сохранит свою бодрость.

Красноармейцам-посредникам на маневрах следует помнить, что их обязанности заключаются не только в том, чтобы следить за правильностью применения к местности и ведения огня, но и в том, чтобы развитие боя на маневре поощряло самостоятельность, смелость, напор, предприимчивость бойцов. Этим постоянно должен руководствоваться каждый посредник. Ошибки, которые посредники допускали в прошлом и которые заключались в том, что они убивали частный почин бойцов, необходимо окончательно изжить.

Настоящая памятка охватывает лишь те учебно-тактические вопросы, которые мы должны твердо усвоить на маневрах, которые являются наиболее ударными и важными для нас.

На маневрах каждый красноармеец должен сознательно стремиться выполнить поставленные перед армией учебно-тактические задачи. Для этого недостаточно выполнять одни приказы. Надо, чтобы каждый красноармеец в каждом отдельном случае, в различной обстановке проверял себя в усвоении учебных и тактических требований и в правильности своих действий.

Маневры стоят дорого. Тот, кто не выполняет предъявленных к нему требований, зря сорит народные деньги.

Все внимание, все усилия и энергию маневрам! Только таким путем можно выполнить долг перед своей частью, Красной Армией и трудящимися СССР и всего мира.

НОВЫЕ ВОПРОСЫ ВОЙНЫ¹

Глава I

ВООРУЖЕНИЕ

Прошлая империалистическая война на базе широкой мобилизации промышленности породила новый, более сложный и совершенный вид боя, чем тот, который предполагался до 1914 г. Но вместе с тем новая система боя не была еще обеспечена полностью к концу войны потребным соотношением родов войск (эта незаконченность материального вооружения армий была неодинакова для разных стран). Вполне естественно поэтому стремление теоретической военной мысли в первую очередь доработать тактическую и оперативную систему 1918 г. до ее логического завершения. Большинство военных теоретиков, особенно французской школы, ставят перед собой именно такую задачу и даже ограничивают этим задачу развития современного военного дела. Практически вопрос сводится к разрешению пулеметно-артиллерийского противоречия в бою, т. е. противоречия между средствами обороны и подавления. Уже в процессе империалистической войны появились новые технические элементы, могущие изменить эту основную форму боя, но в боях 1917—1918 гг. эти новые элементы еще не развернулись в своем законченном виде. Они обозначились в виде придатка к основной системе пулеметно-артиллерийского соотязания. Так, например, танки, только что родившиеся, в своем крайне несовершенном первоначальном виде и незначительном числе могли быть использованы лишь как средство проталкивания пехоты в оборонительной полосе противника. В своей ограниченной роли танки не вносили ничего принципиально нового в прежний характер боя. Этот последний развивался так же, как и при поддержке артиллерийского огня, но в помощь артиллерии частично выступали танки. Для более широкого применения танков в 1918 г. еще не было необходимых предпосылок. Авиация точно

¹ «Военно-исторический журнал», 1962, № 2, стр. 62—77. Материал данной статьи был разработан автором в 1931—1932 гг., а опубликован впервые в 1962 г.—Ред.

так же в подавляющей своей части была на службе пехотно-артиллерийской армии, узко обслуживая ее интересы по организации операций и в процессе проведения пехотно-артиллерийского боя. И разведка, и корректирование артиллерийской стрельбы, и служба пехотных самолетов и т. д.— все это имело один общий характер — подготовку и проведение сражения в прежних формах, но с еще более возросшей силой артиллерийского огня. Правда, применялись эскадрильи самолетов и дирижаблей для бомбардировки важнейших политических центров или фабричных районов противника, но эти налеты не имели непосредственной связи с ведением операций и сражений, за исключением бомбардирования железнодорожных узлов. Это еще больше подчеркивает именно то обстоятельство, что в сражениях и операциях даже в конце империалистической войны использовать авиацию могли лишь как вспомогательное для пехотно-артиллерийского боя средство.

Химия и радио точно так же не выходили за пределы пехотно-артиллерийского сражения.

В настоящее время условия развития военных воздушных сил и танковых войск коренным образом отличаются от тех условий, в которых они развивались в конце империалистической войны. Развитие гражданской авиации, производство танка из автомобиля и трактора и т. д. создали предпосылки для совершенно иного количественного и качественного состава этих новейших родов войск, что позволяет совершенно по-новому подойти к планированию всей системы вооружения, организации, тактики и обучения войск. Если недоучет артиллерийской проблемы до империалистической войны послужил причиной тяжелых потрясений на фронтах почти для всех стран, вступивших в войну, то недоучет новых возможностей в области вооружения самолетами, танками, химией, радиосредствами и т. д. может послужить причиной еще больших потрясений и поражений в будущей войне.

Итак, изучение опыта империалистической войны с точки зрения использования основных видов вооружения является необходимым и первейшим условием правильной подготовки к будущим столкновениям. Но тем не менее одного изучения этого опыта недостаточно. Необходимо уметь проследить, как вновь появляющиеся средства боя и операции могут видоизменить прежние оперативно-боевые формы и как нужно развивать свои вооружения для того, чтобы достигнуть наибольшей эффективности в использовании военно-технических ресурсов, которые может дать для войны растущая техника и промышленность страны. Будущие формы боя и операции вовсе не обязаны быть сколком прошлых форм, хотя бы даже и доведенных до их логически завершенной формы. Надо уметь найти соответствующее место новым техническим средствам, обеспечить необходимый масштаб вооружения ими и найти наиболее подходящие, наиболее эффективные формы боя и операции.

АВИАМОТОМЕХАНИЗАЦИЯ

Выросшую и еще растущую новую систему вооружений, охватывающую авиацию, танковые войска, радио и химию, можно, пожалуй, назвать общим наименованием — авиамотомеханизацией. Такое название включает в себя все те особенности, все то новое, что создает переворот и в прежних организационных формах, и в оперативно-техническом отношении. Не касаясь пока того нового, что каждый из этих образцов вооружения вносит в военное дело, об этом подробнее речь будет впереди по каждому виду вооружения в отдельности, заметим только, что в этих средствах есть нечто для них всех общее. Военная авиация, мототанковые войска, военное радио, военная химия представляют собой почти полный стандарт с гражданскими образцами авиации, мотора, радио и химии в стране. Это обстоятельство позволяет массы выдвинутых на войну новых военно-технических средств непосредственно определять степень экономического развития страны и непосредственными запасами в стране соответствующих образцов с учетом значительно менее ломающей все хозяйство мобилизации промышленности. Авиамотомеханизация, как новая система вооружения, с хозяйственной точки зрения не является паразитом, подобно «артиллерийской» армии. Наоборот, будучи стандартной, с мирным применением тех же машин, она создает предпосылки для действительно массового их применения на войне. Создается положение, когда массы наиболее технически совершенного боевого оружия заключены в самом народном хозяйстве. Пулемет и мелкокалиберная артиллерия, легко изготавливаемые в громадных количествах, — это почти все, что требуется авиамотомеханизацией от старой системы вооружения. Обладая громадной мощностью подавления и исключительной подвижностью, авиамотомеханизация вносит совершенно новое соотношение между средствами подавления и обороны в пользу подавления. То, что трудно осуществить в массовой армии артиллерийским путем, то значительно легче можно достигнуть путем авиамотомеханизации.

Охарактеризую отдельные образцы новейшей системы вооружения.

Наиболее характерной чертой конструктивных исканий последнего времени в области авиации является стремление поднять потолок самолета, а вместе с тем и его горизонтальную скорость и увеличить радиус боевых полетов.

Первая задача упирается в поднятие высотности мотора вплоть до осуществления полетов в стратосфере. А это в свою очередь позволит поднять скорость в два — три раза.

Новые моторы ищут в форме дизеля, что даст более надежное действие, упразднит магнето и возможность воздействия на него с земли, а также устранил легкую воспламеняемость самолета и облегчит дальние полеты в силу очень экономного расходования

горючего. Авиадизель-мотор Юнкерса является большим достижением в этом отношении.

Помимо того, идет интенсивная работа по конструированию авиатурбин, как газовых, так и паровых.

Наконец, крайне секретно, но интенсивно ведутся работы по созданию реактивного мотора.

Осуществление бомбардировочных полетов в стратосфере будет означать громадный технический и военный переворот. Гигантская быстрота перелетов (например, Ленинград — Париж дватри часа), вытекающая отсюда внезапность и, наконец, неуязвимость со стороны зенитной артиллерии.

Несмотря на то что полеты в стратосфере находятся в стадии первоначальных опытов, не подлежит никакому сомнению, что решение этой проблемы не за горами.

За последнее время сделаны очень большие успехи в области увеличения безопасности полета.

Прежде всего это касается автоматической стабилизации самолета, что не только облегчает работу летчика, но и разрешает проблему полета в облаках. В свою очередь, полеты в облаках позволяют по-новому поставить целый ряд тактических и оперативных проблем, о чем речь будет впереди.

Большие перспективы в области безопасности полета открывает изобретение Ла Сиервы¹ — автожир. Большие успехи делают и опыты с вертолетами.

Отношение максимальной и минимальной горизонтальной скорости обычно не превышает 3,5. Дальнейшее увеличение этого отношения требует в первую очередь высотного мотора. Конструкторы должны в ближайшее время увеличить это соотношение до семи.

Громадный прогресс сделало за последнее время вооружение самолета. Еще не так давно вооружение составляли лишь пулемет и бомбы. Дистанции воздушного боя не превышали 600 м. В настоящее время вооружение развивается по двум путям: по линии увеличения калибров оружия и увеличения дистанций решительного боя в воздухе, а также по линии усовершенствования бомбометания и торпедометания.

Рост бомбардировочной авиации ставит вопрос не только об индивидуальном вооружении самолета, но и о коллективном вооружении, т. е. о стрельбе и бомбометании отрядами и эскадрильями. Этот вопрос охватывает не только систему вооружения, но и требует создания новых методов управления огнем.

Пущенное сражение между самолетами быстро увеличивает дистанции боя в воздухе. В самое ближайшее время этот бой будет завязываться на дистанции нескольких километров.

¹ Испанский инженер, предложивший в 1919 г. самолет своеобразной конструкции, названный автожиром. Преимуществом этого самолета являлась возможность почти вертикальной посадки.

Крайне сложным становится теперь вопрос об уязвимости металлического тяжелого бомбардировщика. Осколки для него не страшны. Необходимо прямое попадание. Отсюда возникает вопрос о калибре и степени автоматизации огня орудий. И обратно, перед самолетостроением встает задача максимального поднятия прочности самолета, способности его выдерживать прямые попадания. Та страна, которая будет строить более прочные самолеты, будет иметь громадные преимущества.

Военно-воздушные силы выросли в настоящее время в столь могущественный боевой фактор, что их совместные действия с сухопутной армией или морским флотом, которые были основным видом действий во время империалистической войны, в будущем явятся лишь вспомогательными. Решающее значение будут иметь так называемые самостоятельные действия воздушных сил во взаимодействии с сухопутными или морскими силами в более широком масштабе. Самостоятельные действия осуществляются как бомбардировочными, так и десантными операциями¹. Десанты высаживаются как при помощи парашютов, так и путем посадок на наиболее подходящих площадках. Высаживая моторизованные десанты и продолжая поддерживать с ними боевую связь, большегрузная авиация создает авиамотомеханизированные соединения нового типа. Этот вопрос еще совершенно новый, непривычный, и много имеется людей, которые не верят в важность и реальность этого нового военного фактора, представляя себе действия авиамотодесантов как эпизодическую случайность. Между тем следует внимательно следить за работой в этом направлении англичан и американцев, делающих в этой области большие успехи. Вопрос стоит так, что дело это новое и на войне его можно будет применить постольку, поскольку к этому будет подготовлена страна. Если она подготовит себя к применению авиамотодесантов лишь как к «эпизодической случайности», то она может очень много проиграть. Если же страна подготовится к широкому производству авиамотодесантов, способных захватить и прекратить деятельность железных дорог противника на решающих направлениях, парализовать развертывание и мобилизацию его войск и т. д., то такая страна сможет перевернуть прежние методы оперативных действий и придать исходу войны гораздо более решительный характер. Самой сильной в будущей войне будет та страна, которая будет иметь наиболее мощную гражданскую авиацию и авиационную промышленность.

ТАНКИ

Тактико-техническая характеристика танков требует предварительного ответа на ряд определяющих вопросов. Уровень развития автотракторной промышленности страны определяет в основ-

¹ Здесь автор имеет в виду воздушнодесантные операции.— *Ред.*

ном возможность появления на фронтах танковых масс. Размеры же танковых масс определяют характер организации армии с точки зрения ее механизации. Соотношение механизированных, т. е. танковых и стрелковых или кавалерийских частей, а также насыщение танками этих стрелковых или кавалерийских частей зависят от имеющихся танковых ресурсов.

Далее очень важно установить, в какой степени будут механизированы армии возможных противников. Одно дело — бороться своими танками против пехоты или конницы противника, и совсем другое дело — вести борьбу против его танков. Точно так же будет представлять совершенно различную картину бой против танков, усиливающих пехоту, и бой против самостоятельных танковых или так называемых механизированных соединений.

В ближайшие годы, по всей вероятности, ни одна из армий не окажется полностью механизированной, и потому задача и тактико-технические требования к танкам придется рассмотреть, исходя из охарактеризованных выше смешанных условий.

Массовое использование танков и особенно законченная механизация войсковых соединений в первую очередь выдвигают перед конструкцией танка задачу оперативной самоходности, т. е. способности быстро передвигаться на большие расстояния, не прибегая к железнодорожным перевозкам или переброскам на тяжелых грузовиках. Наилучшее решение в этом смысле должны, видимо, дать колесно-гусеничные танки и плавающие амфибии. Кристи¹ усиленно работает над летающими танками, и, видимо, эта задача скоро будет решена. Однако и гусеничные танки делают очень большие успехи. Так, например, танки Виккерса² дают скорость свыше сорока километров, что достаточно для полевых дорог; вместе с тем они имеют большой запас прочности, что позволяет им без ремонта проходить очень большие расстояния.

Идея летающего танка Кристи соревнуется с идеей перевозки танков на тяжелых самолетах. При этом более эффективным является использование авиационных моторов.

Перейду к рассмотрению боя танков против стрелковых соединений. Большое количество современных танков высокого качества вносит на поле сражения по сравнению с методами танковых боев 1918 г. то новое, что бой танковых средств развернется сразу на большой глубине внутриоборонительного расположения противника (рассматриваю наступление на обороняющегося). Начну с наступления стрелкового соединения, усиленного танками, а в дальнейшем перейду к наступлению механизированного соединения.

Сопровождение, проталкивание пехоты танками явится лишь

¹ Кристи — американский конструктор, работавший над созданием новых образцов танков.

² Английский военно-промышленный концерн, основанный в 1828 г.

одной из составных частей общей системы нового вида глубокого боя. Оставляю пока в стороне вопросы прорыва специальных танково-десантных отрядов в глубокий тыл противника, имеющие оперативный характер. Попробую охарактеризовать систему танкового боя против оборонительной полосы противника, после того как полоса охранения его уничтожена. Применение больших танковых масс не исключает мощной артиллерийской подготовки. Наоборот, появление танков в оборонительной полосе должно быть внезапно для противника, залегшего на дно окопов под артиллерийским огнем.

Создание глубокого боя, т. е. одновременного поражения боевого порядка противника на всей его глубине, требует от танков, с одной стороны, проталкивания или сопровождения пехоты, с другой стороны, своевременного проникновения в тыл противника как для дезорганизации последнего, так и для того, чтобы отрезать главные его силы от имеющихся у него резервов. Этот глубокий танковый прорыв должен создать в тылу у противника преграду, к которой должны быть приперты и где должны быть уничтожены его главные силы. Одновременно этот прорыв должен уничтожить артиллерию противника, нарушить связь и захватить его штабы.

Таким образом, тактически танки в бою совместно со стрелковым соединением имеют две основные задачи:

- а) захват тыла и
- б) сопровождение пехоты.

Эти основные задачи, в свою очередь, встают перед необходимостью разрешить ряд частных задач, к рассмотрению которых сейчас необходимо будет и перейти.

Танковая группа дальнего действия, т. е. группа захвата тыла, не считая естественных препятствий, встретит на своем пути ряд искусственных препятствий, главным образом рвы и противотанковые мины, противотанковые орудия и, наконец, полевую артиллерию противника. Остальные его средства борьбы мало опасны для танков. Преодоление этих препятствий, а также задача десантирования в тылу противника и определяют тактико-технические требования к конструкции танков ДД (дальнего действия).

Очевидно, в первую очередь нужен быстроходный танк, способный бороться с артиллерией противника, т. е. и сам вооруженный пушкой. Учитывая меньшую действительность огня танка с ходу по сравнению с огнем полевой и противотанковой артиллерии, следует ставить на танках пушки не ниже калибра 76 мм. Уязвимость щитовых полевых орудий осколками будет тогда противопоставлена необходимости прямого попадания в танк (осколки мало действительны).

Далее, для преодоления искусственных препятствий нужны будут быстроходные танки саперной службы, способные быстро, без выхода людей из танка устранять встречающиеся препятствия.

Наконец, нужны быстроходные танки-транспортёры пехоты.

Ту часть артиллерийских танков, которая должна действовать против противотанковых орудий, желательно иметь в виде телеуправляемых танков. Это объясняется слишком большой скоростью стрельбы и меткостью стрельбы этих орудий по быстро движущимся целям. Телеуправляемый танк выдерживает большое число прямых попаданий, не выходя из строя. В обыкновенном танке ранение команды выводит его из строя гораздо ранее.

Посмотрим теперь, какие типы танков потребуются механизированному соединению в его бою против такого же механизированного соединения. Совершенно очевидно, что бой против десантов пехоты из транспортеров, если не считать возможных приращений к соединению стрелковых частей на автомобилях, будет носить случайный, или, вернее, вспомогательный, характер. Решающий успех в бою должно иметь то механизированное соединение, которое будет больше иметь артиллерийских танков, способных уничтожать танки противника.

Таким образом, при борьбе против армии, в которой имеются мехсоединения, наши мехсоединения помимо транспортеров пехоты, саперных и прочих специальных танков должны иметь на вооружении артиллерийские танки, хотя в боях против стрелковых войск это окажется излишней роскошью¹.

Прежде чем подвести итог сказанному о перечисленных выше типах танков, необходимо еще подчеркнуть ряд общих условий для конструирования и производства танков. Эти условия таковы.

При прочих равных условиях колесно-гусеничный танк имеет преимущества перед гусеничным².

Точно так же амфибия имеет преимущества перед неплавающим танком.

Габариты танков должны соразмеряться с габаритами фюзеляжей тяжелых бомбардировщиков.

Запаса горючего должно хватить на 150—200 километров.

Основная масса танков должна строиться на базе стандартного автотракторного парка страны. И обратно, новые типы автомобилей и тракторов должны ставиться в производство лишь в том случае, если они могут стать механической основой танка.

РАДИО И ТЕЛЕМЕХАНИКА

В империалистическую войну радио применялось исключительно как средство связи. В будущих войнах радио будет применяться и как непосредственное боевое средство: взрывы на расстояниях, управление танками, самолетами и прочее.

¹ Практика второй мировой войны показала, что чисто пулеметные танки не нашли применения; во всех армиях получил признание только артиллерийский танк и самоходная артиллерия в качестве поддержки танков.— *Ред.*

² Практика второй мировой войны не подтвердила этого вывода автора.— *Ред.*

Такое применение радио и прочих средств телемеханики создает предпосылки для еще более углубленного района боевых действий, обеспечивающего особую глубину будущего поля сражения.

МОРСКИЕ СИЛЫ

После появления подводных лодок неизбежна потеря значения броненосцев. В настоящее время средства борьбы против линейных кораблей значительно возросли.

Если основная масса миноносцев имеет скорость менее 40 узлов (70 км) и если основная масса артиллерии крейсеров предназначена именно для борьбы с миноносцами, то станет понятным значение самолетов-торпедоносцев со скоростью до 150 узлов и при условии, что зенитных пушек на кораблях имеется меньше, чем морских, а самолетов будет много больше, чем миноносцев.

Торпедометание с самолетов может осуществляться с бреющих полетов и с больших высот. К торпедометанию присоединяется бомбометание бронебойными азробомбами гигантской пробивной и разрушительной силы. Можно без ошибки сказать, что современные военные корабли еще не подготовлены к борьбе с мощным воздушным противником. А этот воздушный противник вырастает во все большую и большую силу в форме не только военного, но и гражданского воздушного флота.

Далее, очень опасным врагом линкоров являются торпедные катера, использованные в массах. Обладая скоростью в 50 и более узлов, представляя собой ничтожную цель и имея мощное торпедное вооружение, эти катера могут быть изготовлены в очень большом количестве и использованы для мирных целей, спорта, курортного сообщения и прочее. Несколько ограниченная мореходность катеров делает их особенно мощным орудием обороны внутренних морей.

Итак, морские вооруженные силы переживают столь же решительную и, пожалуй, еще более решительную перестройку рядов, чем мы это наблюдаем на суше. Старое, привычное соотношение видов боевых средств коренным образом меняется. Гигантская творческая мысль, свободная от заскорузлых традиций, требуется сейчас морякам для того, чтобы пойти в ногу с современным развитием техники, и для того, чтобы использовать все те неисчерпаемые возможности, которые выдвигаются индустриализацией страны, и не просто использовать, а использовать с максимальной эффективностью и решительностью.

Характерной чертой и для морских сил является то, что в стране вырастают небывалые до сих пор резервы морских боевых средств: самолетов, торпедных катеров и вооруженных гражданских кораблей.

Глава V ОБУЧЕНИЕ

Нельзя не отметить громадного влияния прошлого боевого опыта на постановку обучения армии. Одновременно можно отметить немало фактов, когда прошлый опыт, выработанный в победоносных войнах, сказался не благоприятно, а отрицательно на организации боевой подготовки.

Уметь обучать по разделениям, налегая особенно на наиболее трудно усвояемые элементы, и перейти в дальнейшем к обобщению этих элементов в их полном взаимодействии в организационном процессе в целом является основной, хотя и труднейшей, задачей обучения.

Специальные наши войска в своем техническом обучении, я бы сказал, отстают от общевойсковой учебы. Если просмотреть программы технических академий и школ и специальных войсковых частей, то мы увидим, что система строевого «одиночного» обучения гнездится еще очень глубоко. Проанализировав, например, обучение железнодорожного строительного батальона, мы увидим, что в отдельности изучаются методы забивки свай, устройства креплений и т. п., но мы не увидим преподавания системы организации труда в целом при постройке моста. Этот процесс в целом мало изучается. Как должны быть расставлены машины, люди, как может быть достигнута наибольшая эффективность работы части в целом в наименьшие сроки и т. д.— все это часто остается в тени. Изучаются отдельные элементы, но тренировок в организации процесса в целом производится мало. А между тем в этой области многому могли бы нас научить индустриальные методы. Точно такую же картину можно наблюдать и в саперных войсках, и в обучении моторному делу. Например, изучается ремонт мотора, но не преподается организация труда в ремонтной мастерской в целом. Лишь в понтонном деле разделение труда и организация процесса наведения моста в целом являются заметно проработанными. Во всех остальных случаях зачастую наблюдается прохождение отдельных элементов без их объединения в цельный процесс.

Само собой понятно, что в условиях будущей войны с ее насыщенной техникой появятся громадные потребности ремонтного и эксплуатационного порядка, и здесь знания одной только детали, не связанной в единый производственный процесс, будет, конечно, недостаточно.

Лабораторное оборудование военно-учебных заведений и войсковых частей очень ярко характеризует отсталость некоторых элементов методики обучения. В громадном большинстве случаев экспонаты показывают не процесс работы, а ее итоги в статике, в неподвижном состоянии, в виде конечного результата. Система оборонительных построек, мостовых переправ, железнодорожных станций и т. д.— все это в большинстве случаев представляется

в виде мертвых макетов, в то время как процессы постройки тех же самых укреплений, переправ, восстановления и эксплуатации станций отсутствуют или же представлены в крайне несовершенном виде, причем до сих пор еще не введено по-настоящему кино в дело обучения. Надо отметить, что частично мы имеем сдвиг в этом направлении. Так, например, уже всюду заведены комнатные артиллерийские полигоны, иногда комнатные стрельбища, где практически изучаются процессы стрельбы и т. д. Но это еще только начало. Применение кино, радио и подвижных макетов должно оживить и усовершенствовать все стороны подготовки войсковых соединений, что явится подготовкой к практическим полевым работам.

Вооружение и организация армии, а с ними вместе и формы боя изменяются в процессе войны. Поэтому подготовка мирного времени даже кадрового командного состава не может не совершенствоваться на протяжении длительной войны. Как показывает опыт 1914—1918 гг., каждый год в связи с изменениями в вооружении, организации и тактике приходилось переобучать офицерский состав. Особенно четко было поставлено такое переобучение по периодам войны во Франции и в Германии. К этому необходимо быть готовым и в будущем. Приемы обучения армий должны позволить быстрое переобучение и дообучение во время войны. Командный состав, не способный к таким живым практическим методам, окажется не способным к успешному развитию войны.

Изучая развитие и появление новых форм боя во время войны, необходимо самым широким образом использовать активность рядовых красноармейских масс. Энгельс особенно подчеркивает в «Анти-Дюринге», что солдатская изобретательность в создании новых форм боя постоянно опережала деятельность офицеров и органов военного управления¹.

Очевидно, привычки, выработанные долгими годами, нелегко поддаются перестройке и своевременному развитию. Как бы то ни было, задача использования красноармейской активности и изобретательности должна быть поставлена образцово, и весь командный состав, политорганы и парторганизации должны включить этот вопрос во время войны в перечень своих важнейших задач. Само собой понятно, что, используя красноармейскую активность в форме корреспонденции, конференций и т. п., необходимо организовать настойчивое изучение новых форм боя путем налаживания работы в войсковых штабах всех инстанций. И в этом случае механизация приемов обучения: кино, радио, аэрофотослужба — создают самые широкие возможности для усовершенствования дела.

Характерной особенностью и исключительным преимуществом РККА является большая партийная и политическая работа. Там,

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, изд. 2, стр. 174.

где вокруг вопросов боевой и технической учебы мобилизуется широкое общественное мнение, где вокруг конкретных целевых установок организуется ударничество и социалистическое соревнование, там успехи в боевой и технической подготовке дают исключительные результаты.

Особым вниманием всех командиров должны пользоваться подготовка и выращивание военкоровского актива, умеющего правильно подмечать недочеты и успехи в усвоении основных задач подготовки и ясно и четко излагать свои замечания в печати.

Вообще, в первую очередь командир части должен выковать актив командиров, политработников и красноармейцев, понимающих не только задачи и целеустановки подготовки, но и усвоивших его методы преподавания и тренировки.

Глава XI

ОРГАНИЗАЦИЯ ТЫЛА

Развитие техники, организации, тактических и оперативных форм чрезвычайно осложняет и заставляет перестраивать работу тыла.

Новые формы оперативного искусства, сопровождающиеся углублением территории сражения, перерастающего в операцию, вносят дифференциацию и в работу тыла, который должен одновременно бесперебойно снабжать массовую артиллерийскую армию, питать горючим и ремонтировать механизированную армию и снабжать авиамотомеханизированные десанты в тылу противника.

Развитие технических средств борьбы, в особенности рост расходов огнеприпасов, влечет за собой напряжение всего армейского тыла. Трудности в организации бесперебойного подвоза становятся тормозом в развитии операций, в особенности при последовательных операциях на значительную глубину.

Решающим подспорьем в организации подвоза к наступающим армиям является автомобильный транспорт. Несмотря на это, приходилось выслушивать массу возражений против применения большого числа автомобилей в условиях бездорожья приграничных театров СССР. Указывалось на недостаток шоссе и на невозможность эксплуатации автомобильного транспорта в течение значительного времени года. Эти трудности вполне закономерны, но крайне вредно, когда их не хотят преодолеть. На самом деле, технически имеются пути выхода из этого тяжелого положения, и в нашей бездорожной стране искания в этом направлении являются особенно необходимыми. Автомобильный и тракторный транспорт будет иметь значение не только на участках от железнодорожных станций снабжения и до боевых частей, но и значительно глубже.

Борьба противника с железнодорожным тылом путем применения авиации будет создавать пробки и заедание железнодорожных участков, при которых автотранспорту нередко придется подавать снабженческие грузы со значительной глубины.

Наконец, нельзя упускать из виду и той особой роли, которую в ближайшем будущем сможет играть воздушный транспорт в деле подвоза огнеприпасов и других видов снабжения. Если, например, взять нормы подвоза огнеприпасов на армию в 5 корпусов, приведенные в книге тов. Триандафиллова¹, то можно было бы при наличии 50 самолетов на армию грузоподъемностью по 10 тонн каждый ежедневно подвозить весь этот груз по воздуху в несколько рейсов. Само собой понятно, что нет никакой надобности всю службу подвоза возлагать только на авиацию. Но эти расчеты говорят о том, что не только в ближайшем будущем, но уже и сейчас, даже при наличии самолетов меньшей грузоподъемности, можно парировать многие случайности по застопориванию транспорта, применяя авиационный подвоз. В частности, подвоз предметов снабжения к десантам, выброшенным в тыл противника, может быть осуществлен только путем применения авиационного транспорта, почему и необходимо усиленно заняться транспортной авиацией.

Организация тыла в новой армии, механизированной и насыщенной авиацией, перестраивается, начиная с самых малых единиц. Поднос на руках, как это имело место раньше, громадного количества огнеприпасов в боевые линии становится уже непосильным. Появляются специальные танки снабжения.

Механизированная армия, которая особенно в первый период войны вырвется далеко вперед на территорию противника, несмотря на очень большие потребности в снабжении, как правило, на железнодорожный транспорт рассчитывать не может. Снабжение ее будет опираться на быстроходный тракторный и автомобильный транспорт, а также на захват складов противника, особенно в части горючего.

Исключительно важное значение приобретает дорожно-мостовая служба армии. Между прочим, новые танко-саперные средства в соединении с танками-амфибиями по-новому ставят и вопрос о форсировании рек и многие другие саперные работы.

В операциях современных армий наряду с трудностями подвоза вырастают и громадные трудности ремонта. Авиация, танки, автомобили, артиллерия — все эти сложные машины требуют за собой непрерывного ухода и очень сложной системы организации ремонта. В этом вопросе приходится, как и во всем остальном, намечать новые пути.

¹ В. К. Триандафиллов (1894—1931). Советский военный деятель и военный теоретик. Занимал должность заместителя начальника штаба РККА. Автор ряда военно-теоретических работ: «Размах операций современных армий» (1925 г.), «Характер операций современных армий» (1929 г.) и др. Погиб при исполнении служебных обязанностей во время авиационной катастрофы.

Все вышеперечисленные задачи, несомненно, вызывают необходимость в хорошо организованных и подготовленных органах управления, которые должны будут не только «уметь распоряжаться», но и знать технику сложного и разнообразного дела современной армии.

Глава XII

УПРАВЛЕНИЕ

И бой, и операция являются развитием сложного процесса, определяющегося вооруженным противодействием сторон. Этим процессом и создаются трудности управления в бою. В самом деле, в целом только та сторона действительно руководит своими действиями, которая добивается развития их в соответствии со своим планом, а это означает, что действительное управление боем должно было бы быть управлением всем процессом боя, т. е. не только своими действиями, но в какой-то степени и действиями противника, навязанными ему нашими действиями. Так, например, при параллельном преследовании движения противника до известной степени «управляются» наступающим, так как противник принуждается отступать в определенной последовательности и т. д.

Искусство управления боем требует понимания этого сложного противоречивого процесса. Наступающий, например, должен усвоить оборону противника, должен выбивать те звенья обороны, которые не допускают наступательного продвижения, и так должен строить и расчленять свой боевой порядок, чтобы сочетанием объединенных и частных усилий добиться сначала поражения этих отдельных звеньев обороны и далее достигнуть общего поражения обороны. Точно так же при встречном наступлении нужно уметь сопоставить свои боевые порядки с боевыми расчленениями наступающего противника и стремиться к их последовательному поражению.

В связи с этим еще в период подготовки в мирное время необходимо и теоретически, и практически уметь сопоставить свои боевые приемы с тактическими методами военных противников. Нельзя мыслить свою наступательную или оборонительную тактику «вообще». Вооружение, организация и тактическая доктрина противника должны составить неотъемлемую слагаемую в обучении войск.

Царская армия страдала чрезвычайной односторонностью в изучении боя. «Русский дух», «прославленные русские штыки» и т. п. основания подменяли собой изучение боя в сопоставлении русской обороны и немецкого наступления и т. д. Наступательные или оборонительные методы абстрагировались, рассматривались «вообще», сами по себе, вне взаимодействующего процесса с боевыми положениями противника.

Плохая постановка управления боем в царской армии объяснялась неумением изучать бой в его динамике, в его развитии в глубину. Старое представление сводилось к какой-то застывшей схеме обстановки, и бой планировался лишь до момента штыковой атаки окопов противника, как бы «омертвляемого» этой схемой. То, что могло произойти после этой атаки, планированию не подвергалось. Процесс боя в глубину представлялся делом как бы «потустороннего мира». В этом мертвом схематизме заложены многие корни поражения царской армии, которая умела развертываться в бою, но не знала процесса наступления в глубину, не знала взаимодействия родов войск, не знала связи и управления по этапам боя в глубину. В 1926—1927 гг., когда мы ломали старую, «неподвижную» методику обучения бою, однажды, в полемике с представителями старой школы, тов. Триандафиллов очень метко заметил, что царская методика обучения исчерпывалась подведением бойцов к штыковому удару, а после такового следовало традиционное: «по отступающему, часто, начинай». Бой заканчивался тогда, когда он, по существу, только еще развертывался в полной и наиболее решительной мере.

Само собою понятно, что, для того чтобы охватить управлением весь процесс боя, необходимо, чтобы начало не отсекалось искусственно от конца, т. е. план боя может иметь разумное основание только в том случае, если он додуман до конца, если замая увязан с конечной задачей боя. Разумеется, это не должно означать другого типа заостенелой схемы, втискивающей будущее развитие процесса в искусственные, противоречащие его сущности жесткие рамки. Но в правильном представлении развития боя и операции надо искать и жизненные формы плана боя, в которых начало и конец связываются в одно закономерное целое.

План, увязывающий бой в целом, даже разумный и обеспеченный, ходом событий может быть опрокинут наголову. Этого нельзя не учитывать, но все же нельзя иметь план, не увязав начала с концом. А для того чтобы увязать начало с концом, надо наметить последовательность поражения расчленений боевого порядка противника, т. е. сочетать фронт и силу общевойскового удара с последовательностью движения по рубежам и выходом в тот район, овладение которым определяет поражение противника. Общевойсковое управление должно обеспечить взаимодействие войск на всех этих этапах боя.

Но нельзя представлять себе боя и бесперебойным конвейером сочетания различных технических средств борьбы. Бой сложен, изменчив, и потому управление должно быть готово к резким изменениям обстановки, а иногда и к коренному перестроению намеченного ранее плана.

План боя должен в первую очередь считаться с реальными фактами и с теми факторами, которые играют решающую роль на различных этапах боя.

Характер вооружения и организации пехоты, о чем уже достаточно говорилось выше, создает неизбежность слома общего фронта противника лишь при условии совершенно самостоятельных, никакими планами не предусмотренных действий самых мелких пехотных единиц. Мелкие части не могут и не имеют права «ждать распоряжений». Надо действовать смело, инициативно, решительно, и, опираясь на эту самодеятельность, на это самодвижение, командир, планирующий бой, будет распоряжаться и управлять боем. Отсюда ясно, как это ни парадоксально, что управление боем является своего рода сочетанием «управления» и «самоуправления». Доктринер, не понимающий жизненной природы современного боя, хочет «строго планировать» действия «своих войск». Но эти действия определяются не только приказами, но и действиями стрелков, бойцов, пулеметов и танков стороны противника. И доктринеры эти хотя и «командуют», но не управляя ходом событий и беспомощно плетутся в хвосте.

«Твердое» управление своими войсками далеко не всегда означает действительное управление боем. Зачастую «твердое» управление становится даже в противоречие с процессом боя. Те начальники, которые хотели бы «твердо», «на вожжах» управлять всем своим боевым порядком, в период прорывания или преследования фактически сдержали бы наступление и дезорганизовали бы свой успех.

Долгое время способность к самостоятельным действиям мелких подразделений пехоты была нашим самым слабым местом. «Жду распоряжений», а по существу «бездействую» — было действительным бичом наших действий в поле. Но в этом вопросе за последние годы достигнуты значительные сдвиги. Пехота усваивает шаг за шагом, что самодеятельность, частный почин — это не исключение, а правило, без которого нельзя осуществить планового общего руководства.

В воспитании самодеятельности бойцов и малых подразделений мы имеем неизмеримо мощные ресурсы. Партийные организации армии, вся система партийно-политического воспитания командирских и красноармейских масс позволяет нам быстро и решительно ломать старые традиции, изживать «ротозейство» и обучать действительно активным, сознательно смелым и самостоятельным действиям. Только благодаря этому фактору мы можем сделать формулу «жду распоряжений» одиозной, несовместимой с боевым ударничеством.

Управление, действительно организующее бой или операцию, сосредоточивает силы и средства на одной определенной, ясно выраженной цели. Если данные сочетания сил и средств не помогают и цель не достигается, то в задачу управления входит не «понуkanie», а новая организация усилий или поправка к старому сочетанию. Между тем командиры, плохо понимающие суть маневра, т. е. сочетание усилий, больше всего любят равномерно поделить между подчиненными частями район своего маневра и от всех по-

требовать одинаковых действий. Беда быть в подчинении у такого «коридорного» начальника.

Совершенно обратная картина создается при хорошем, четком командном руководстве. Ясно поставленная цель, внутренне увязанный план мобилизуют все силы и средства, все настроения и энтузиазм в одном усвоенном, понятном и организующем направлении.

Хорошее управление, умея сосредоточить все свои силы и средства на достижении главной в данное время задачи, должно быть способно быстро перестроить это сосредоточение на новом направлении, если этого требует обстановка. Упорство и гибкость одинаково необходимы.

Управление боем и операцией должно преодолеть массу всякого рода непредвиденных осложнений и трений. Современная техника создает еще более широкое поле для такого рода трудностей. Достаточно упомянуть хотя бы о налетах авиации или прорывах танков. Если же к этому добавить усложнение современного тыла, то напряженность работы в этом направлении станет еще более понятной.

Восстановление капитально разрушенных железных и шоссейных дорог, постройка новых автомобильных путей, ремонт дорог и организация бесперебойного подвоза и эвакуация — все это должно быть неразрывно увязано между собой и согласовано с передвижениями боевых частей.

Усложнилась теперь и оперативная сторона управления.

Развитие подвижности повлекло за собой значительные различия в скорости движения и боевых действиях различных родов войск. Авиация, механизированные соединения, моторизованная пехота, конница, стрелковые войска. Это обстоятельство, т. е. разность в сроках движения, заставляет очень сложно сочетать походные движения колонн, а также боевое взаимодействие различных эшелонов ударных сил или групп ближнего и дальнего действия, а также эшелонов обороны. Управлять глубоким боем и глубоким сражением или операцией очень трудно, и вопрос не только в сложности связи: радио, авиация и автомобиль могли бы дать выход из затруднений. Но управлению практически сложно увязать столь разнородные действия, как бой авиамотодесантов, танковые прорывы, авиабомбардировки, бой артиллерии, пехоты и т. д. Только широкая практическая тренировка может позволить усовершенствовать аппарат управления и подготовить его к новым задачам.

Управление должно найти и необходимое соразмерение намечаемых задач с имеющимися силами и средствами. Ширина фронта удара, глубина размаха, размеры последовательного развертывания операций в глубину территории противника, усиление или приостановка нажима — все это должно быть четко и трезво увязано с действиями, реальными возможностями.

Тактическое и оперативное управление базируется на поражении расчлененных боевых и оперативных порядков противника по частям путем сосредоточения против отдельных частей своих превосходящих сил и средств. В этом заключается основная сила управления. Но кроме внутренней увязки задач и исполнения тактическому и оперативному управлению необходимо еще разрешить целый ряд организационных вопросов: создание органов руководства — командования и штабов — на самостоятельных направлениях, организация руководства десантными отрядами, укрепление стыков, организация военных дорог и прочее — все это требует большой предусмотрительности, твердости и расторопности.

Если в общевойсковых соединениях организация руководства имеет стандартные формы, т. е. полки, дивизии и т. д. имеют постоянный состав и постоянные штабы, то в армейском и фронтовом масштабе организация управления требует продуманной импровизации. В зависимости от значимости направления, состав корпусов и армий меняется.

Ни в каком случае не следует давать одному корпусу или армии двух или нескольких направлений. Задача командования и штаба заключается в том, чтобы сделать задачу каждого подчиненного соединения возможно более легкой, упрощенной. Чем проще будет такая задача, тем больше шансов на то, что она будет выполнена успешно. Поэтому каждое самостоятельное направление, обеспеченное необходимыми силами и средствами, должно быть объединено отдельным командованием и его штабом. В зависимости от важности направления, подбираются по способностям и командующие и штабы, причем надо стараться не разделять командующих и сработавшихся с ними штабов. Чем важнее направление, тем более следует оснащать штаб средствами связи, транспорта и т. д.

Практическая работа по организации управления ложится на войсковые и оперативные штабы. Поэтому задача отбора личного состава и боевой подготовки штабов является одной из решающих в деле подготовки армии к войне.

Штаб должен быть четким и гибким аппаратом управления в руках общевойскового командира. Внутри штаба должна быть налажена уверенная, слаженная работа с четким разделением труда. Это касается не только работы внутри данного штаба, но и его взаимной работы как со специальными штабами данного соединения, так и со штабами младших соединений. В силу этого в области штабной работы, т. е. в области оперативной, связи, разведки, внутреннего распорядка дежурства и прочее, должна быть проведена строгая соподчиненность и ответственность штабов.

Растяннутость современных тылов и их постоянная уязвимость с воздуха требуют от штабных и политических органов усиления организационной работы тыла, организации самообороны против

авиадесантов и прорывающихся танков, а также общих мероприятий противовоздушной обороны, в мобилизации местных рабоче-крестьянских масс на укрепление тыла, на восстановление путей, на создание укрепленных районов, зон заграждения и т. д.

Борьба за повышение боеспособности в предстоящих операциях ставит перед командованием и политическими органами одну очень сложную задачу. Политическая работа, для того чтобы она развернулась в полном объеме, диктует широкое применение методов агитации и пропаганды. Между тем оперативная обстановка постоянно требует скрытности, строжайшей военной тайны. Успешность оперативных действий зависит от проявления внезапности. Все эти обстоятельства должны быть строго взвешены в каждом отдельном случае и должны быть найдены формы, гарантирующие боевой подъем масс и сохранение скрытности и внезапности. Мало того, действительное сохранение тайны может иметь место лишь при условии, что партийно-политические органы будут мобилизованы для разрешения этой сложной задачи в условиях действий массовых армий.

Подготавливая политически бой или операцию, не следует забывать о дезинформации противника.

Из опыта гражданской войны мы знаем, какое громадное значение имела подготовка партией страны к обороне на фронтах, причем лозунги «Все на Восточный» или «Все на Южный фронт» ни в какой степени не раскрывали планов действий наших фронтов. Зато мобилизации членов партии и профсоюзов создавали условия к укреплению фронтов для их предстоящих побед.

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ¹

Летний период подготовки войск в вопросах управления войсками должен дать решительные успехи в этом деле.

Если за зимний период в вопросах управления главное внимание было сосредоточено на тренировке штабов в технике штабной работы, в летний период главное внимание можно сосредоточить на таких видах учений, которые давали бы практику в деле управления войсками в целом.

Таковыми видами занятий, наиболее экономными и эффективными, являются выходы в поле со средствами связи.

Было бы ошибочным считать этот вид занятий только тренировкой для штабов.

Выходы в поле со средствами связи дают возможность разрешать всю сумму вопросов управления, т. е. тренировку командира в управлении войсками при помощи своего аппарата управления (штаба).

Продолжая тренировать штабы в их боевой работе, необходимо добиться полной сработанности командиров со своими штабами. Эта сработанность достигается, с одной стороны, четкой работой штаба, с другой — умением командира наиболее рационально и правильно в данной конкретной обстановке использовать свой штаб.

Разная обстановка вносит много особенностей в характер управления, поэтому на различных примерах командиры должны получать тренировку в управлении.

Параллельно с этим нужна постоянная общетактическая тренировка штабных командиров. Штабной командир должен мастерски владеть техникой штабной работы, однако подготовка этого штабного командира не должна снижаться до уровня механического исполнителя. Штабной командир, оформляющий распоряжение, — это не «спец по оформлению документов»; он должен быть тактически грамотен и быть подготовленным для понимания обстановки в масштабе того соединения, в котором он работает. Это обеспечит не только хорошую тренировку работы, но обеспечит инициативную, грамотную помощь командиру в сложном деле управления войсками.

¹ «Война и революция», 1932, кн. 7, стр. 1—6. — *Ред.*

Имея базу в виде тренировки, проведенной в течение зимнего периода, нужно в тренировке штабов и начсостава в управлении войсками переходить к отработке конкретных деталей в деле управления войсками.

Повышение качества управления войсками будет зависеть в дальнейшем от степени отработки всех деталей в управлении войсками.

Таковыми отдельными вопросами, по нашему мнению, должны быть:

Предварительные распоряжения

Мы рассматриваем предварительные распоряжения двоякого вида: одни из них могут быть отданы войскам еще до принятия командиром решения и в этом случае носят характер предупредительный. Например, если дивизия находится на отдыхе или ночлеге и в штабе дивизии получен приказ о походе на завтра, штаб должен еще до принятия командиром решения предупредить части о предстоящем походе. В этих предварительных распоряжениях войска могут получить указания:

- 1) о предстоящей дивизии задаче;
- 2) о времени выступления, если оно было приказом корпуса установлено;
- 3) когда части могут ожидать решения комдива и всех распоряжений на завтра.

Такие указания уже дают возможность командиру части начать подготовительные работы и, во всяком случае, обеспечить готовность части к нужному времени.

Другие предварительные распоряжения отдаются после принятия командиром решения. На данном примере порядок отдачи этих распоряжений мог бы быть примерно такой. После того как командир дивизии принял решение и сформулировал его, штаб, приступая к оформлению этого решения в виде приказа и всех необходимых распоряжений, немедленно и параллельно с оформлением всех документов передает устно или по телефону все распоряжения, которые обеспечивали бы войскам время на подготовку.

Содержание этих предварительных распоряжений полностью зависит от времени, которое имеется до начала выполнения задач, и от условий связи.

Чем меньше времени остается подчиненным войскам, тем полнее должны быть предварительные распоряжения.

Чем менее устойчива связь, чем меньше гарантий в своевременной доставке войскам приказа, тем точнее и полнее должны быть предварительные распоряжения.

Если в данном примере времени от момента принятия решения командиром до начала выступления войск достаточно, а обстановка и условия связи обеспечивают своевременную доставку распоря-

жений, то в предварительных распоряжениях достаточно будет указать:

- 1) состав колонны;
- 2) путь движения;
- 3) основные сроки.

Тренировка в управлении войсками должна быть направлена на выработку гибкости в пользовании методами предварительных распоряжений, добиваясь главной цели — обеспечить войскам достаточное время на подготовку к выполнению поставленных задач.

Последовательность в отдаче распоряжений

Характер управления войсками целиком зависит от условий обстановки. Совершенно ясно, что нельзя одинаковыми методами и в одинаковой последовательности распоряжаться в разных условиях.

Если, например, в условиях подготовки наступательной операции будет возможность разработать приказ, плановую таблицу, а иногда командир будет иметь возможность дать лично в дополнение к приказу свои указания, то, например, в условиях вынужденного отхода или встречного боя управлять придется отдельными распоряжениями, делегатами связи и т. п.

При отдаче таких распоряжений очень важно **определить, в какой последовательности надо отдавать распоряжения.**

Эта последовательность играет особо важную роль в сложных условиях обстановки, когда обстановка меняется быстро и когда распоряжения должны быть быстрыми и войска приводятся в движение с предельной быстротой.

Если взять, например, дивизию, которая должна под влиянием обстановки или по приказу старшего начальника быстро начать отход или сложную перегруппировку, в этих условиях быстрота перегруппировки будет в большой степени зависеть от характера управления.

Нельзя в этих условиях отдавать распоряжения в том порядке, в каком отдаются распоряжения при организации наступления, например, к моменту, когда нужно отдавать распоряжения об отходе, тылы загромаждают пути отхода. Нужно, по-видимому, первые распоряжения отдать тылам об освобождении этих путей, об отходе в новый район. Нужно обеспечить быструю доставку этих распоряжений.

В другом случае первое распоряжение нужно будет отдать тем частям, которые должны возможно скорее отойти и занять какой-то рубеж в тылу или на фланге.

Каждый раз, исходя из условий обстановки, нужно отдавать распоряжения в такой последовательности, чтобы те части, которые должны начать раньше действовать, получили бы раньше и соответствующие распоряжения.

Никаких правил в последовательности отдачи распоряжений.

конечно, установить нельзя. Этому искусству надо учиться. Но без этого не может получиться гибкое управление. Так распоряжаться должны уметь как командиры, так и их штабы.

Контроль за выполнением приказов и распоряжений, к сожалению, не получает должного отражения в работе штабов. Между тем выполнение всякого распоряжения, всякого приказа должно быть проверено. И это — одна из важнейших обязанностей штаба.

Главный недостаток в этом деле состоит в том, что мы часто проверяем исполнение приказа тогда, когда исправить что-либо бывает уже трудно.

Например, полк должен в 5.00 выступить из определенного пункта. Можно проверить в 5.00, выступил ли полк; если при этом будет установлено, что полк опаздывает, исправить это дело уже невозможно.

Проверить исполнение приказа или распоряжения нужно неоднократно; по крайней мере дважды должно быть проверено исполнение.

Вначале, достаточно заблаговременно, нужно проверить, как идет подготовка к выполнению распоряжения, нет ли препятствий или условий, которые могут сорвать, задержать.

Если такая угроза срыва или задержки есть, старший начальник и его штаб должны немедленно вмешаться, устранить задержки, если нужно, помочь подчиненному.

Вторично нужно проверять примерно в сроки, назначенные для начала выполнения распоряжения.

Только при условии таких повторных проверок штаб может считать свою проверку достаточной, а командир — получить достаточные гарантии точного выполнения его приказов

Подготовка штабом материалов, необходимых командиру для принятия решения

В этом вопросе, по нашему мнению, есть кое-где ошибочные взгляды, приводящие на практике к отрыву штаба от командира.

В учебной практике встречаются нередко попытки выделить эту работу штаба в какой-то изолированный этап работы.

Дело упрощается до такого положения, когда штаб копит сведения об обстановке, тщательно их изучает, наносит на карту, с тем чтобы в какой-то момент доложить все эти данные командиру.

В результате получается иногда, что командир получает с запозданием такие данные, которые могли бы в свое время повлиять на его решения и на действия войск.

Штабы должны ясно понимать, что все данные обстановки поступают в штаб для командира.

И обязанность штаба — обеспечить непрерывность и своевременность информации командира.

Что значит «подготовить командиру материалы для принятия решения»?

Это означает, что штаб должен добывать, изучать, обрабатывать в виде справок, схем, таблиц и т. п. все сведения о деятельности и состоянии войск, о противнике, о районе. Штаб должен предусмотреть все детали, предвидеть все вопросы, которые могут возникнуть у командира и которые могут ему потребоваться. Но штаб должен постоянно информировать командира о всех изменениях в обстановке. Командир должен всегда знать, где войска, что они делают, какие изменения происходят в выполнении приказов командира и т. п.

Чем лучше работает штаб, чем полнее обеспечил штаб командиру непрерывную информацию, тем меньше потребуется ему дополнительных данных для принятия решения.

Эти дополнительные данные могут потребоваться командиру в виде справок по отдельным вопросам, и эти справки штаб должен иметь подготовленными в виде схем, таблиц, цифр и т. п.

Поэтому мы не представляем себе необходимости в таких исчерпывающих докладах с «оценкой обстановки», в которых пытаются изложить все, что можно. Такие ненужные, беспредметные доклады, к сожалению, кое-где практикуются.

Пользы от них никакой. Времени они отнимают много, а дают ложное представление о роли командира, который без этих докладов якобы сам не знает и не понимает обстановки.

Тренировать штабы в быстрой обработке данных обстановки на карте, схеме и т. п., учить быстро, своевременно, ясно доложить всякие нужные командиру сведения — в этом состоит задача подготовки.

Вопросы связи

Отработка и накопление практического опыта в вопросах связи должны быть направлены на обеспечение непрерывности связи.

Эта непрерывность может быть достигнута только при умении гибко маневрировать средствами связи.

Наибольшие трудности в обеспечении связи возникают тогда, когда боевой порядок приходит в движение, когда начальники, их штабы, войска меняют свое местопребывание.

Современные средства связи дают возможность обеспечить связь в любом положении.

Использовать средства связи надо в полном соответствии со свойствами каждого из них.

Управление войсками сочетать в полной мере с характером организации связи.

Обязательное условие, обеспечивающее непрерывность связи, — это последовательность использования средств связи. Это означает, что пользоваться средствами связи нужно в таком порядке,

который для данной обстановки обеспечит непрерывность связи, например:

головной батальон с похода разворачивается для боя;
комбат установил командный пункт и организует связь;
как обеспечить непрерывность управления.

Нам представляется такой примерно практический путь организации управления в этом случае.

К моменту, когда комбат принял решение на развертывание, он может собрать к себе командиров рот (батарей) и лично дать приказ на развертывание.

После этого комбат потеряет на некоторое время возможность общения со своими подчиненными, так как командиры рот лично поведут роты на исходное положение, а телефона с ними не будет до того, пока они выйдут на свое исходное положение.

Надо, следовательно, обеспечить возможность управления на время этого перерыва. Здесь и нужно определить, какими средствами обеспечить это управление.

Прежде всего нужно ответить на вопрос, какие задачи придется решать средствам связи в этот промежуток времени.

Так как задачи командирам рот поставлены, комбат должен знать, выполняется ли задача так, как указано в данном случае, правильно ли и в срок ли выходят все подразделения на исходное положение; в этом случае вмешательство комбата не потребуется.

Если обстановка после отдачи приказа меняется или подразделения неправильно выполняют приказ, потребуются от комбата новые распоряжения.

Таким образом, на промежуток времени от отдачи комбатом приказа на развертывание до выхода рот на исходное положение связь должна обеспечить комбату возможность:

- а) получать донесения от подразделений;
- б) если потребуется, отдать новые распоряжения.

Исходя из этого, последовательность использования средств связи в этом случае будет такая. Комбат принял решение:

«Батальону развернуться, главными силами достичь рощи А, откуда атаковать противника на Б».

По этому решению комбат отдает приказ, для чего может отдать его лично командирам подразделений.

До выхода подразделений к роще А (соответственно пулеметы и артиллерия на свои позиции) новых задач ставить не нужно, если не изменится обстановка.

Телефонную связь в подразделения дать к роще А к моменту подхода туда рот. Новые задачи для атаки будут переданы по телефону.

Пока роты выходят к роще А, с ними поддерживается связь:

светосигнальная — при ее помощи комбат будет получать донесения совершенно надежно о порядке движения рот к роще А и может отдать простейшее распоряжение;

собаки — может отдать **любые** распоряжения.

Наконец, можно отдачу распоряжений в случае необходимости сдублировать посылкой кого-либо из командиров штаба батальона.

Итак, получается последовательность использования средств связи: личное общение, светосигнальная связь, собаки, делегаты связи, телефон.

В других случаях эта последовательность будет другая. На данном простом примере мы хотели только обратить внимание на важность правильного решения вопроса об использовании средств связи. План связи должен в основе своей иметь именно такой расчет последовательного использования средств связи.

Такой план может быть хорошо составлен в том случае, если начальник связи хорошо знает и понимает обстановку, знает решение командира, а начальник штаба не просто «утверждает» план связи, а по существу дает указания об организации связи, исходя из особенностей обстановки, решения, принятого командиром, и свойств каждого средства связи.

Поставив ряд этих вопросов, которыми, однако, не исчерпывается дело управления и которые являются отдельными элементами, деталями дела управления войсками, мы хотели показать, во-первых, что эти детали настолько важны, что каждая из них может определить успех управления, и, во-вторых, что от общих разговоров об управлении надо переходить к конкретизации частей, тщательной их отшлифовке, выработке практических навыков и накоплению опыта в этом важном деле.

В этом надо искать путь повышения качества управления войсками.

О РАЗВИТИИ ФОРМ УПРАВЛЕНИЯ¹

I

Техническая реконструкция Красной Армии, создавшая новые формы организации войск, влечет за собой и иные формы боя, а вместе с тем и новые формы управления. Вот почему установки, данные на XVII съезде партии по организационным вопросам, так живо занимают внимание и мобилизуют творческую энергию военных работников. Хорошо строить, осваивать боевое использование новой техники, создавать новые, наиболее эффективные формы взаимодействия, перестраивать органы управления, организующие эти сложнейшие процессы,— все это требует энтузиазма освоения боевого искусства, требует активной работы мысли и организующей воли, требует рационализаторских мероприятий и сколачивания органов управления.

II

Новые технические средства борьбы, так же как и новые, усовершенствованные методы их применения, прививаются нелегко. Обычно требуется время для того, чтобы эти новшества оценили по заслугам, чтобы эти новшества организационно заняли в войсках свое место и чтобы, наконец, ими научились эффективно пользоваться.

Как о том говорит исторический опыт, первое время новые средства поражения как бы не знают куда приткнуться. То их придают высшим войсковым соединениям, а не тем частям, которые практически могут их применить, то держат в форме резерва главного командования с тем, чтобы в случае войны применить их там, где подскажет боевой опыт.

А между тем, конечно, ни одно старое средство не может дать того внезапного и потрясающего эффекта, как новое боевое средство, разумно и в массовом виде использованное. Достаточно хотя бы напомнить первые оперативные опыты немцев по применению отравляющих газов во время империалистической войны.

Но даже и старые средства борьбы, когда находятся новые

¹ Печатается впервые с незначительными сокращениями.— *Ред.*

методы их боевого применения, требуют больших организующих усилий для практического внедрения в жизнь. Когда Людендорф¹ внедрял в подготовку к весеннему наступлению 1918 г. методы использования артиллерии без пристрелки, впервые разработанные Пульковским, то армии возбуждали ходатайства о разрешении им сохранить пристрелку. Требовался твердый нажим высших начальников для внедрения этого нового метода. А между тем, теперь, после войны, трудно даже вообразить, почему этот не только технически, но и в первую очередь тактически и даже стратегически блестящий метод мог встречать возражения.

Период подготовки немцами мартовского наступления замечателен, с артиллерийской точки зрения, не только отказом от пристрелки, но и тактическими методами взаимодействия артиллерии и пехоты, предложенными и проверенными до этого на русско-германском фронте Брюхмюллером. Крайне интересно проследить, как эти новые методы сказались не только на формах боя, но и на организационных формах управления германскими войсками...

Методы Брюхмюллера были не просто артиллерийскими методами. Они определяли собой всю систему взаимодействия пехоты и артиллерии, все движение и построение боевого порядка. Характеризуя свой метод, Брюхмюллер говорит: «Заведенной по часам артиллерийской машине надо было позволить идти до конца, если не хотели вызвать общей путаницы, которая принесла бы больше вреда, чем пользы». Пожелания штабов корпусов отклонялись, так как «артиллерийская машина» имела свою внутреннюю закономерность. Если это было так, то казалось бы, что организация боя на основе «артиллерийской машины» должна бы явиться делом генеральных штабов. На деле получилось иначе. Генеральные штабы оказались неподготовленными к «артиллерийской машине», и фактическими организаторами общевойскового боя оказались артиллеристы. Описывая свою деятельность в 7-й армии, Брюхмюллер говорит: «Некоторые трения могли возникнуть из-за того, что я, в качестве артиллерийского советника, не имел командных полномочий ни в этом наступлении, ни в остальных прорывах на Западном фронте. Между тем я немедленно по прибытии в штаб, коему было поручено исполнение прорыва, испросил издания ОСОБОГО приказа, в котором подчеркивалось, что все даваемые лично мною советы и указания должны были безусловно рассматриваться как исходящие от штаба армии или фронта» — и прибавляет далее, что даже и без приказа его все слушались. Да и как было не слушаться, когда общевойсковые командиры слабо разбирались в «артиллерийской машине». Командующий 7-й армией фон Бён добросовестно сознался Брюхмюллеру: «Дорогой полков-

¹ Людендорф — германский генерал, в первую мировую войну — начальник штаба Восточного фронта, затем — начальник главного оперативного управления верховного главнокомандования. Основоположник фашистской теории истребительной войны. — *Ред.*

ник, артиллерия — это какая-то черная магия. Неужели вы думаете, что все, о чем вы нам тут докладывали, удастся?» И к убежденному ответу Брюхмюллера, что удастся, мог лишь добавить: «Дай бог».

Эта своего рода артиллерийская «функционалка» могла бы дорого стоить германской армии, если бы генеральные штабы не подчинились, волей или неволей, инструкторам Брюхмюллера. Временно функциональная, почти бесправная артиллерийская служба превратилась в орган оперативного руководства.

III

Слабое знание общевойсковыми командирами и их штабами артиллерийского дела повлекло за собой организационное оформление артиллерийской функционалки и у немцев, и у французов. Командиру дивизии были подчинены командир пехоты дивизии и командир артиллерии дивизии. Таким образом, усилия пехотных и артиллерийских частей организовались во взаимодействие не по тактическим целям и направлениям, а по их родовым признакам, что обезличивало частные цели на участке дивизии.

Старые русские артиллеристы точно так же функционально рассматривали деятельность артиллерии. «Артиллерия стреляет — пехота наступает» — так линейно-упрощенно формулировалось сложнейшее дело взаимодействия пехоты и артиллерии. Это упрощение выдвигало функциональную централизацию всей артиллерии дивизии в так называемую «группу общего назначения». Какое дело было этим теоретикам, что в дивизию входят стрелковые полки, батальоны, имеющие свои частные задачи, преодолевающие непохожие друг на друга участки, и т. д.

Наш Артиллерийский устав 1927 г. и Полевой устав 1929 г. построили взаимодействие артиллерии и пехоты по оперативному признаку. Полки и батальоны получают свои задачи, и выполнение этих задач обеспечивается соответствующими артиллерийскими группами поддержки пехоты, и не случайными, не обезличенными группами, а группами, носящими номер поддерживаемого ими стрелкового полка.

Наш опыт мирной учебы, а частью и боевой работы, доказал полную жизненность этой системы управления. Стрелковые командиры научились пользоваться артиллерией, а артиллеристы изучили общевойсковой бой.

Проповедь «функционального» использования танков приходилось слышать и от некоторых танкистов. Но и тут приходится решать вопрос оперативно, т. е. конкретно организуя деятельность танков для достижения различных задач обстановки. Одно дело — действия механизированных соединений и другое дело — усиление танками стрелковых или кавалерийских соединений.

Но даже в этом последнем случае, т. е. в случае усиления танками обычных общевойсковых соединений, методы действий танков, а следовательно, и их организация и методы управления ими должны различаться в зависимости от характера задачи подразделений танков.

В то время как непосредственная поддержка пехоты требует децентрализованной работы танков и подчинения их пехотным командирам, наступление танковой группы дальнего действия, наоборот, требует самостоятельности их действий, в смысле независимости от пехоты, и подчинения группы ДД непосредственно высшему командиру (корпуса или дивизии).

Эта структура взаимоотношений при наличии достаточного числа танков потребует и новых форм в использовании артиллерии. В то время как основная задача подавления пулеметной обороны противника должна лечь на танки непосредственной поддержки пехоты, на основную массу дивизионной и корпусной артиллерии должна выпасть задача подавления полевой и противотанковой артиллерии противника и обеспечения танковой атаки. Отсюда вытекает, что командир, организующий движение танковой группы дальнего действия (за которой двинутся прочие группы танков), должен будет взять в свои руки руководство основной массой артиллерии на все время прорыва танковой группы ДД. Обычно эта задача падает на командира корпуса или дивизии.

IV

Развитие военной авиации, имеющей громадные радиусы действий, легко может толкнуть на недостаточно конкретное оперативное ее использование, недостаточную увязку ее действий с другими видами вооруженных сил, на использование ее «вообще» для разведки, «вообще» для бомбардирования и т. д.

Столь же неконкретно можно себе представить действия «оперативными эшелонами», когда в первом эшелоне действует авиация, во втором — механизированные войска и в третьем — стрелковые и кавалерийские соединения. Такой подход мог бы повести к «функциональному фронту», который делился бы на три самостоятельные армии: авиационную, механизированную и коннострелковую. Цели оказались бы по фронту обезличенными, и взаимодействие эшелонов стало бы бессодержательным.

Правильно организованные усилия для выполнения какой-либо конкретной задачи на данном направлении должны сочетать действия ограниченных по фронту частей этих трех эшелонов. Признаком организации в данном случае должен быть не профессиональный признак, а принцип сосредоточения сил против данной, конкретной цели. Т. е. армии должны быть составлены из авиации, механизированных, кавалерийских и стрелковых соединений.

В этих объединенных действиях все более и более на первый план выступает роль авиации. Ее силы и возможности определяют размах и глубину операции. Механизированные соединения должны развить и использовать успехи, одержанные на данном направлении авиацией, а конно-стрелковые части должны эти успехи окончательно закрепить.

Отсюда колоссально возрастает значение авиационных командиров. Отсюда вытекает, что высшие командные должности выгодно замещать способными авиационными командирами. Отсюда следует сделать вывод, что в общевойсковых и, особенно, в оперативных штабах должны иметься командиры, практически изучившие боевую работу авиации.

Изложенное выше о совместных действиях авиации и других видов вооруженных сил не исключает, конечно, вполне самостоятельного применения воздушных операций: бомбардировки крупных промышленных центров, железнодорожных узлов и т. п.

Не исключено и применение механизированных армий для выполнения самостоятельных операций.

V

Задачей войсковых и оперативных штабов является сведение всех специальностей в общевойсковой процесс для нанесения противнику на данном направлении объединенного удара всеми родами войск.

Отсюда к работникам штабов предъявляются еще более строгие требования, чем ко всем строевым командирам. Они должны быть практически знакомы со всеми родами войск, хорошо знать их тактико-технические возможности и уметь организованно соразмерить нормы их боевого использования.

Деловитость, оперативность, умение распоряжаться, предвидеть могущие встретиться затруднения в передаче приказов, «донесений, подвоза, передвижений» и прочее и заранее принять предупредительные меры, привычка к контролю за выполнением приказов и общего плана действий — все это качества, которые остро необходимы для всякого штабного командира.

Массовое развитие новых средств борьбы, в первую очередь авиации и танков, повышает темп развития современного боя и операции, и поэтому задачи управления войсками стали во много раз более трудными, чем это было раньше. Штабы должны позволить своим командирам управлять, что называется, на ходу, должны так сократить время на подготовку решений и их передачу войскам, чтобы осталось время на выполнение необходимых передвижений, на производство дополнительной разведки и прочих боевых подготовительных действий.

Само собой понятно, что одних природных способностей к службе управления недостаточно, необходима еще высокая выучка и систематическая полевая тренировка. Природные способ-

ности должны отмечаться, выделяться и развиваться целой системой штабной подготовки в полевых условиях.

Вопросам изучения, отбора и продвижения способных для штабной работы командиров должно уделяться особое внимание. И этот отбор нельзя делать вообще. Он должен производиться как составная часть боевой подготовки, как вывод из всей системы полевой подготовки штабов.

Штабная работа должна строго чередоваться со строевой командирской работой в различных родах войск, особенно в авиации, мехвойсках и артиллерии.

Техническая реконструкция Красной Армии требует перестройки и рационализации штабных аппаратов, а главное, отбора и практического совершенствования штабного состава. Большевицкая деловитость, высокий уровень развития, владение теорией марксизма-ленинизма, без чего нельзя управлять массами, соединенные с практическими навыками в организации полевого управления и знанием различных родов войск,— создают настоящего штабного командира РККА.

Отбор и воспитание таких командиров является одной из решающих задач технического, тактического и оперативного развития Красной Армии.

21.2.34
Москва

ХАРАКТЕР ПОГРАНИЧНЫХ ОПЕРАЦИЙ¹

Старые, привычные представления о сосредоточении массовых армий по железным дорогам к границам и о массовом характере пограничных сражений уже не могут соответствовать действительным условиям и средствам войны, сложившимся на сегодняшний день.

Пограничная полоса стала очень уязвимой со стороны противника. В первую очередь эту уязвимость создают воздушные силы, во вторую — механизированные соединения, усиливаемые пограничной конницей и стрелковыми частями на автомобилях.

Действия мехвойск опираются на сковывание тыла противника, на разрушения его железнодорожных средств, на массовую выброску авиадесантов, производимых воздушными силами.

Этот новый характер пограничных действий, во-первых, может сорвать производство мобилизации в пограничной полосе и, во-вторых, сорвать сосредоточение к границам массовой, многомиллионной армии.

Само собой понятно, что такое положение делает мало реальным и от мобилизацию в крупном масштабе войск прикрытия, в связи с чем самая система прикрытия должна быть совершенно перестроена.

Необходимо последовательно, по элементам и этапам, рассмотреть этот вопрос.

ПРОИЗВОДСТВО МОБИЛИЗАЦИИ

Организовать надежную противовоздушную оборону районов мобилизации в пограничной полосе практически невозможно.

В первую очередь отпадает организация сборных пунктов в связи с трудностью их обороны. Если сборные пункты стали пережитком и с точки зрения самой техники мобилизации, то в связи с угрозой авиации в пограничных районах их организация совершенно отпадает. Иначе мобилизуемые массы были бы деморализованы и частично уничтожены еще до прибытия в части.

Наиболее выгодным приемом является персональная приписка мобилизуемых континентов к частям. Это касается также и поставки лошадей, и всех видов транспорта. Таким путем может быть достигнута максимальная децентрализация и минимальная уязвимость мобилизации с воздуха.

¹ Печатается впервые.— Ред.

Однако эта меньшая уязвимость почти исчезает, если районы мобилизации достаточно велики и требуют железнодорожных перевозок. В этом случае не менее сборных пунктов будут уязвимы станции погрузки, на которых не будет ни времени, ни средств для организации сколько-нибудь надежной противовоздушной обороны (ПВО). Станции выгрузки — обычно в районе расположения кадровых войсковых частей — будут защищены более надежно.

Движение мобилизованных людских масс, как без сборных, так и со сборных пунктов, вплоть до войсковых частей производится без их вооружения. Движение больших масс без строгой организации и вооружения чревато большими опасностями и неожиданностями. В современных условиях вполне осуществимо организовать массовый, но широко разбросанный сильно вооруженный десант, который будет сильнее вооруженных сил местных властей и против которого будут совсем беспомощны мобилизованные массы населения. Пропаганда и деморализация, которые принесет авиация противника, могут полностью сорвать и развалить мобилизацию.

Кадры войсковых частей могут, конечно, вступить в бой с десантами, но, во-первых, они сами могут быть атакованы мехчастями и конницами из-за границы, в условиях полной изолированности, создаваемой десантами, и, во-вторых, шансы на успех в действиях против авиадесантов, которые будут применять подвижную партизанскую тактику, невелики. Кадры должны будут, главным образом, охранять свои мобилизационные базы.

Как же должна строиться теперь система прикрытия мобилизации?

На этот вопрос обстоятельный ответ можно будет дать лишь дальше, после рассмотрения условий стратегического сосредоточения и глубины полос авиационного поражения.

Пока что можно сделать лишь следующие выводы:

1. Войсковые соединения в пограничной полосе должны иметь штаты, близкие к штатам военного времени.
2. Приписка людей, лошадей и всех видов транспорта к этим частям должна быть основана на коротком сборе их пешим порядком, без использования железнодорожного транспорта, т. е. в районе до полуперехода.
3. Использование основной массы людей приграничных полос предназначаться только для второочередных формирований.
4. Конские и транспортные ресурсы могут быть использованы подходящими с тыла войсковыми соединениями.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОСРЕДОТОЧЕНИЕ

Противовоздушная оборона железнодорожных перевозок может быть более или менее успешно осуществлена в районах железнодорожных узлов, но почти не осуществима на перегонах.

Зенитное вооружение воинских и прочих эшелонов не может быть очень серьезным, особенно против внезапно атакующих штурмовиков, так как с поезда трудно заметить или услышать приближение самолетов, летящих укрыто, используя складки местности.

Авиационные десанты еще более прочно могут закрепить этот срыв сосредоточения как путем создания крушений эшелонов, так и путем взрывов мостов.

Чем длительнее и массивнее будет сосредоточение по железным дорогам, тем больше шансов будет иметь авиация для его дезорганизации. Казалось бы, что выход из положения следует искать в сокращении сроков сосредоточения, но это потребовало бы максимально напряженного графика движения, а при таком напряжении и при наличии аварий, причиняемых авиацией, транспорт может быть совсем охвачен параличом. Поэтому современная практика период сосредоточения не только не сокращает, но, наоборот, удлиняет путем создания факультатива, т. е. путем неиспользования графика движения в очень больших процентах. Таким образом, выход из положения стараются найти в архипассивном средстве — факультативе, который растягивает наиболее рискованную и ненадежную современную операцию, — стратегическое сосредоточение.

Если смотреть на дело здраво, то станет ясным, что факультатив — это не выход из положения, что это ни больше ни меньше как страусовая тактика. В самом деле, гарантирует ли факультатив, помимо планово гарантированной затяжки сосредоточения, возможность окончания самого сосредоточения?

Сделаем расчет.

Для производства крушения идущего эшелона днем достаточно штурмовой атаки одного звена (3 самолета, 24 бомбы).

Для восстановления движения на перегоне, где совершено крушение поезда, при наличии готовой летучки и путевой роты — требуется 5—6 часов, а при заражении места крушения поезда отравляющими веществами (ОВ) — 7—8 часов.

Таким образом, штурмуя эшелоны на какой-либо дороге через каждые шесть часов, мы можем при наличии четырех звеньев (12 штурмовиков) совершенно прекратить на этой дороге движение при условии, что летчики будут иметь лишь один вылет в сутки. Положим, далее, что в основном стратегическое сосредоточение должно быть закончено в течение одного месяца. Потери авиации за год войны исчисляются до 400 процентов. Предположим, что штурмовики будут нести большие потери, например 100 процентов в месяц. Тогда мы получим, что на данной железной дороге можно сорвать все сосредоточение при наличии 12 самолетов в строю и 12 в резерве (12 самолето-потерь на каждую дорогу).

Если, например, к какой-либо границе ведет 10 железных дорог, то для срыва стратегического сосредоточения, производимого

этими дорогами, надо иметь 120 самолетов в строю и 120 в резерве (120 самолето-потерь).

Если даже увеличить принятую выше норму потерь, то все же станет ясным, что любая страна, имеющая сильную авиацию, может сорвать стратегическое сосредоточение вне зависимости от того, построено оно или не построено на наличии факультатива.

Глубина возможного срыва мобилизации будет рассмотрена дальше.

Помимо борьбы с составами следует нарушать стратегическое сосредоточение и путем бомбардировок узловых станций, особенно важнейших.

На перегонах железных дорог следует разрушать проволочную связь.

Сочетание штурмовых действий и действий авиадесантов даст наиболее верный, наиболее обеспеченный успех.

ГЛУБИНА ПОЛОСЫ АВИАЦИОННОГО ПОРАЖЕНИЯ

Необходимо определить глубину полосы от границы, которую современная авиация может постоянно и надежно держать под ударами штурмовиков, легких бомбардировщиков и авиадесантов.

С другой стороны, следует определить нормальную глубину полосы расположения аэродромов и посадочных площадок, обеспечивающих выполнение первой задачи.

Польские источники дают следующую характеристику глубины полос (поясов) воздействия различных типов самолетов:

1-й пояс — до 250 километров — могут применяться все виды авиации;

2-й пояс — 250—400 километров — полоса действий дневных бомбардировщиков и ночных по важнейшим объектам;

3-й пояс — 400—500 километров — полоса действий ночных бомбардировщиков;

4-й пояс — 500—700 километров — отдельные ночные бомбардировщики с добавочными баками при бомбовой нагрузке не свыше 400 килограммов.

Если мы возьмем для примера Р-5, как штурмовик и легкий бомбардировщик, и примем, что практически надежный радиус его действий равен 450 километрам, то должны будем сделать вывод, что глубина полосы надежного авиационного поражения (от границы) будет равна глубине 1-го пояса, по польским взглядам. В самом деле, в условиях европейских театров военных действий трудно найти необходимое число аэродромов и посадочных площадок в полосе глубиной менее 150 километров. Если учесть, что штурмовики ходят не по прямой линии, а по «скрытым подступам», то надежную глубину поражения осторожнее определить в 250 километров.

Польские, румынские, а также и японские самолеты, пригодные для штурмовых и легкобомбардировочных действий, в основном не превосходят по своим качествам наши Р-5.

Само собой понятно, что действиями по отдельным, более глубоко расположенным железнодорожным узлам можно и более глубоко сковывать железнодорожное движение противника, но это сковывание не будет уже столь систематическим и непрерывным.

Глубина полосы авиадесантного поражения могла бы быть и более глубокой, чем полоса штурмового поражения железнодорожного транспорта, в силу того, что для этого не требуется только регулярно систематических налетов, однако следует считать их примерно равными, так как погрузка людей в самолеты, в целях безопасности, потребует большей удаленности аэродромов — это во-первых, и, во-вторых, — желательно достигнуть тесных взаимных действий штурмовиков и десантов по парализованию железнодорожного транспорта противника.

Опять-таки отдельные крупные, особенно механизированные авиадесанты могут производиться и на большую глубину, но это не будет постоянным и общим правилом.

Итак:

1. Глубина полосы надежного, систематического поражения железнодорожного транспорта противника штурмовиками и авиадесантами достигает 250 километров.

2. Глубина полосы аэродромов и посадочных площадок, обеспечивающих авиации выполнение первой задачи, достигает 150—200 километров.

ПОГРАНИЧНОЕ СРАЖЕНИЕ

Расчеты, произведенные в предыдущих разделах, говорят о том, что в полосе 250 километров глубиной, считая от границы, стратегическое сосредоточение может быть надежно сорвано, если не предпринять каких-либо особых предупредительных мер.

Положим, что таких новых, пока еще практически не изведенных мероприятий не будет принято ни той ни другой стороной. Тогда железнодорожное сосредоточение будет сорвано в обе стороны от границы, и отмобилизованным армиям придется сгруппироваться разделенными пятисоткилометровой полосой.

Внутри этой полосы будут вестись беспорядочные боевые столкновения между пограничными гарнизонами и местными войсками, с одной стороны, и десантными и прорвавшимися отрядами противника — с другой.

Главным силам обеих сторон, выгрузившимся из эшелонов, придется совершать сложный марш-маневр с ведением непрерывных авангардных боев и стычек с авиадесантами и отдельными отрядами противника, с восстановлением мостов, линий связи и проч. Если даже предположить, что главные силы все же будут делать

по 20 километров в сутки, что сомнительно, то столкновение главных сил сторон произошло бы лишь через полмесяца где-либо в районе границы.

Предположим, далее, что одна из сторон, лучше подготовившаяся к новым формам войны, предпримет ряд мер, которые сорвут усилия противника по нарушению стратегического сосредоточения. Тогда главные силы сторон к моменту сгружения из эшелонов окажутся разделенными полосой глубиной до 250 километров и столкновение главных сил могло бы произойти примерно через неделю, но уже глубоко на территории противника. В этом случае, частично, сгружение более глубоких эшелонов могло бы произойти даже на территории противника.

Что же произойдет, если обе стороны будут одинаково подготовлены к новым формам войны и примут, каждая со своей стороны, необходимые предупредительные мероприятия, которые, как это вполне понятно, должны заключаться в нападении на авиацию противника, расположенную в полосе глубиной 150—200 километров от границы?

В этом случае районы выгрузки эшелонов сторон будут определяться исходом боевой деятельности авиации. Если, положим, авиация одной из сторон нанесет другой уничтожающее поражение, то, очевидно, противной стороне придется выгружаться в глубине своей территории, в то время как победившая сторона произведет сосредоточение до границы. Если предположить, что решающего успеха в столкновении авиации не достигнет ни одна сторона, то картина стратегического сосредоточения сторон станет пестрой. Частично войска будут сгружаться в глубине, частично будут подаваться в эшелонах до границы и т. д.

Из всего сказанного выше с полной очевидностью вытекает, что пограничное сражение будут вести не главные силы армии, как это было в прежних войнах, а особые части, особая передовая армия, дислоцированная в приграничной полосе. О составе такой армии разговор будет в следующем разделе.

Развивая предыдущую мысль, можно сказать, что прикрытие мобилизации в приграничной полосе и производство стратегического сосредоточения возможно лишь при условии новой организации пограничного сражения.

В чем же будет заключаться это новое пограничное сражение? Оно должно сочетать:

1. Авиационное бомбардировочное и штурмовое нападение на систему аэродромов и посадочных площадок противника в полосе от 150 до 200 километров от границы, усиленной широкой выброской авиадесантов.

2. Широкою выброску авиадесантов в полосе глубиной до 250 километров для срыва мобилизации противника, подрыва его железных и шоссейных дорог, для изоляции его гарнизонов и уничтожения местных войск.

3. Организацию систематических штурмовых налетов на желез-

подорожную сеть противника для полного срыва его стратегического сосредоточения.

4. Последовательное, а частью и одновременное уничтожение гарнизонов противника в полосе глубиной до 250 километров, основанное на сковывании и изоляции этих гарнизонов авиадесантами и на решительных ударах бомбардировочной авиации, механизированных войск и, где возможно, конницы и стрелковых войск на автомобилях. Отсутствие сплошного фронта и изолированное положение гарнизонов позволяют смелое маневрирование и последовательное уничтожение этих гарнизонов. Но для выполнения этой операции нужны не только новые оперативно-тактические методы, но и особая структура пограничной или передовой армии.

ПЕРЕДОВАЯ АРМИЯ

В период мобилизации и стратегического сосредоточения передовая армия должна последовательно уничтожить гарнизоны противника в его приграничной полосе, которая была выше определена глубиной до 250 километров, сорвать мобилизацию и стратегическое сосредоточение. Успех в выполнении этих задач возможен лишь при условии координированных и чрезвычайно быстрых действий авиации, как штурмовой и легкобомбардировочной, так и десантной, с одной стороны, и механизированных соединений, подержанных конницей и пехотой на автомобилях, — с другой.

Отсюда вытекает, что состав и дислокация передовой армии должны в первую очередь подчиняться возможности перехода границы немедленно с объявлением мобилизации. Само собой понятно, что это условие должно соблюдаться для такого состава и численности соединений, которых достаточно для выполнения задач передовой армии.

Авиация, входящая в состав передовой армии, должна будет действовать главным образом из полосы аэродромов и посадочных площадок, глубина которой выше была определена до 150—200 километров. Частично авиация будет работать и из большей глубины, особенно тяжелая — десантная (тяжелая бомбардировочная будет выполнять особые задачи).

Подвижность авиации позволяет дислоцировать авиасоединения в мирное время значительно глубже этой полосы. При условии хорошей подготовки аэродромно-посадочной полосы и высокой мобилизационной готовности авиации необходимое сосредоточение ее сил может быть осуществлено очень быстро. Однако значительная часть авиации все же должна быть дислоцирована в передовой аэродромно-посадочной полосе.

Расчет необходимых авиационных сил и средств не может быть произведен стандартно для всех фронтов. Он должен вытекать из оперативно-стратегических планов, основанных на конкретной обстановке.

Расчеты, приведенные во втором разделе, показывают, что теоретически достаточно 12 самолетов в строю и 12 в резерве для полного срыва штурмовыми действиями сосредоточения, производимого по одной железной дороге.

Десантные операции имеют к настоящему времени огромные возможности. Так, например, тяжелый самолет типа ТБ-3 может выбросить на парашютах до 35 вооруженных бойцов, снабженных и артиллерией, хотя бы типа минометов Стокса. Если же такой самолет сделает десант с производством посадки, то число бойцов может быть доведено до 50. Эти способы десантов необходимо сочетать: парашютисты захватывают заранее разведанные посадочные площадки, на которых в дальнейшем могут быть осуществлены посадки.

Успехи планеризма, доказанная возможность двигаться на большие расстояния «воздушными поездами», могут позволить, если к этому серьезно подготовиться, осуществлять огромные десанты. Но даже если пользоваться только одними самолетами, то и тогда размеры десантов могут достигнуть таких величин, о которых все еще мало привыкли думать. Например, одна бригада в составе 50 тяжелых самолетов может в один конец высадить 2500 вооруженных бойцов. Таких концов одна бригада в течение первых дней мобилизации может сделать несколько, допустим — четыре. Тогда одна бригада выбросит в тыл противнику 10 тыс. бойцов. Что означает в тылу такая масса людей, вооруженных пулеметами и артиллерией, сейчас еще не все себе отдают отчет. А ведь самолеты могут снабжать эту массу винтовочными патронами, снарядами и проч.

Само собой понятно, что приведенное выше число бойцов увеличивается пропорционально числу авиабригад.

Механизированные корпуса, предназначенные для пограничной операции, должны располагаться обязательно близ границы. Иначе их удар запоздает и может создаться разрыв между их действиями и действиями авиадесантов. А это могло бы подвергнуть авиадесанты возможности отдельного поражения и срыва всего пограничного сражения.

Мехсоединения должны дислоцироваться в мирное время не далее 50—70 километров от границы с тем, чтобы они с первого же дня мобилизации имели бы возможность перейти границу.

Отсюда также следует, что мехсоединения должны содержаться в штатах, близких к военному времени. Призыв по мобилизации не должен осуществляться из района далее 10 километров.

Конница, которая должна закреплять успехи мехсоединений, точно так же в составе, близком к военному времени, должна располагаться в непосредственной близости к границе.

В таком же составе следует содержать и те части пехоты, которые на автомобилях будут развивать и закреплять успехи мехвойск и конницы.

Для усиления всех этих войск крайне необходимо иметь подвижную самоходную артиллерию.

Хорошо проведенная пограничная операция может сорвать возможность производства противником срыва нашего стратегического сосредоточения. Однако даже при полном общем успехе нельзя исключить отдельных, даже многочисленных, по всей вероятности, авиадесантов противника. Поэтому приграничные театры должны быть подготовлены к самообороне. Должны быть развернуты и хорошо вооружены местные войска. Учитывая возможность появления танковых десантов, эти части должны иметь противотанковое вооружение, а также должны иметься местные, хорошо обученные, моторизованные отряды.

Осоавиахим должен играть большую роль в этом деле. Изучение дорог, возможных посадочных площадок, объектов для нападений авиадесантов противника — все это должно быть предметом повседневных упражнений.

Организация и дислокация передовой армии не может базироваться на прежних основаниях. Предстоящие задачи требуют решительной и полной перестройки соотношения родов войск, их организации и дислокации. В первую очередь необходимы быстрое и решительное развитие мехсоединений и дислокация этих последних в непосредственной близости к границе.

МАРШ-МАНЕВР СГРУЖЕННЫХ ГЛАВНЫХ СИЛ

В случае успешно проведенного пограничного сражения нового стиля, стратегическое сосредоточение армии по железным дорогам может быть в основном осуществлено беспрепятственно до самых границ. Иногда отдельные части смогут высаживаться даже на территории противника.

Если же пограничное сражение будет выиграно недостаточно решительно, то основная масса мобилизованной армии должна будет сгружаться в глубине угрожаемой полосы. При неудаче почти всю армию придется выгружать вне угрожаемой полосы.

В мирное время, даже в том случае, если подготовка к новому виду пограничного сражения ведется хорошо и пограничные действия будут обеспечиваться всеми необходимыми средствами, все же нельзя исключать неуспеха, а потому, на худой конец, следует обеспечить возможный срыв стратегического железнодорожного сосредоточения оборудованием всей угрожаемой полосы разгрузочными средствами и платформами и широкой сетью шоссейных и грунтовых дорог для движения войск к границам походным порядком.

Привычные старые методы требуют развития шоссейно-грунтовых путей для развертывания войск, сгружаемых из эшелонов, от тех выгрузочных станций, которые намечены графиком сосредоточения. В настоящих условиях это является крайне опасным и неосторожным. Развитие сети дорог должно быть тщательно про-

думано с таким расчетом, чтобы даже малоожидаемый успех противника по нарушению стратегического сосредоточения не мог бы превратить сгружаемую армию в малоподвижную и беспомощную массу, не вмещаемую наличными дорожными путями. При силе современной штурмовой и легкобомбардировочной авиации такие скопления могут оказаться гибельными.

Успешно или неуспешно окажется пограничное сражение для одной из сторон, все равно главным силам обеих сторон придется проделать марш-маневр походным порядком с боями, о чем уже говорилось выше, по полосе с разрушенными средствами сообщений и связи, насыщенной десантными и прорвавшимися отрядами.

Осуществляя это стратегическое сближение, обе стороны будут усиленно готовиться к большим глубоким операциям, в которых удар главных сил с фронта и во фланг будет сочетаться с выброской в тыл противнику крупных десантных масс, которые должны будут отрезать ему пути отступления, уничтожить его тылы и изолировать его резервы.

VII

Характер пограничных сражений при громадном различии обстановки на наших разбросанных возможных фронтах будет неодинаковым. Он будет изменяться в соответствии с теми техническими средствами, которые могут столкнуться на фронтах. Чем более обе стороны будут вооружены современными средствами борьбы, тем более резко будут складываться те формы пограничного сражения, которые были изложены выше.

Обстановка лучше всего подскажет необходимые решения во всем их многообразии. Однако все столкновения с хорошо вооруженными армиями неизбежно будут принимать вышеописанные формы. Утешать себя тем, что наши возможные противники медленно перестраиваются по-новому, не следует. Противник может перестроиться внезапно и неожиданно. Лучше самим предупредить врагов. Лучше поменьше делать ошибок, чем на ошибках учиться.

Июль 1934 г.,
Москва

НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ¹

Два года (1918 и 1919) Восточный фронт угрожал существованию Советской власти. Восстание чехословаков, восстание Муравьева, правительство Колчака, поддержанное Антантой, дутовщина — все это не раз создавало положение величайшей угрозы Советской республике. Партия выбрасывала лозунг: «Все на Восточный фронт!»

Эсеровская директория, образовавшаяся после первых поражений чехословаков и белогвардейских частей на Волге, уже 18 ноября 1918 г. была арестована Колчаком, объявившим себя верховным правителем. Эсеры и меньшевики расчистили дорогу военной диктатуре. Франция и Англия признали Колчака и приняли меры к самой широкой материальной поддержке его армии. Япония также приняла в этом участие, хотя одновременно поддерживала и Семенова, надеясь на отделение Дальнего Востока.

Характеризуя положение Колчака, товарищ Ленин указывает, что приуральские и сибирские крестьяне «негодовали и возмущались, когда большевики требовали помощи в тяжелой войне, когда большевики говорили: «Победа над помещиками и капиталистами даром не дается, и если капиталисты и помещики идут войной, вы должны понести все жертвы, чтобы отстоять завоевания революции. Революция даром не дается, и, если вы согнетесь под этими жертвами, если у вас не хватит выдержки вынести эти жертвы, вы развалите революцию». Крестьяне не хотели этого слушать, им казалось это только революционным призывом. И, когда там обещали мир и помощь Антанты, они переходили на ту сторону. Ведь вы знаете, что крестьяне в Сибири, эти крестьяне крепостного права не знали. Это — самые сытые крестьяне, привыкшие к эксплуатации тех ссыльных, которые из России появлялись, это крестьяне, которые улучшения от революции не видели, и эти крестьяне получали вождей от всей русской буржуазии, от всех меньшевиков и эсеров, — там их были сотни, тысячи. Например, в Омске теперь одни насчитывают 900 тысяч буржуазии, а другие — 500 тысяч. Вся буржуазия поголовно сошлась туда, все, что было претендующего на руководство народом, с точки зрения обладания

¹ «Красная звезда», 1935, 16 января, № 14. Печатается с незначительными сокращениями.— *Ред.*

знаниями и культурой и привычкой к управлению, все партии от меньшевиков до эсеров сошлись туда. Они имели крестьян сытых, крепких и не склонных к социализму, имели помощь от всех государств Антанты, от государств всемогущих, которые держат во всем мире власть в своих руках. Они имели железнодорожные пути со свободным доступом к морю, а это значит полное господство, потому что флот союзников не имеет в мире никакого противника и господствует на всем земном шаре»¹.

К концу 1918 г. общее развитие действий Восточного фронта было успешным, за исключением его левофланговой 3-й армии, ослабшей в боях и сильно разбавленной плохо подготовленными пополнениями.

В марте 1919 г. Колчак, проведя частный удар по правому флангу 2-й армии, повел в образовавшийся прорыв решительное наступление против главных сил нашей 5-й армии и нанес ей решительное поражение. Началось общее отступление Восточного фронта, остановившееся лишь несколько восточнее Волги, на подступах к Самаре и Симбирску.

Товарищ Ленин считает, что опасность грозная, что «Колчак одержал ряд побед на востоке и, таким образом, подготавливает условия для последнего и самого решительного натиска стран Согласия»². В письме петроградским рабочим о помощи Восточному фронту товарищ Ленин призывает «поставить на ноги все, мобилизовать все силы на помощь Восточному фронту»³.

Центральный Комитет 10 апреля 1919 г. решает провести мобилизацию. В прифронтовой полосе, особенно в Поволжье, проводится поголовное вооружение всех членов профессиональных союзов. Мужчины-служащие заменяются женщинами, через профсоюзы, партийные организации, фабзавкомы, кооперативы и т. п. создаются местные и центральные «бюро помощи» или «комитеты содействия» для укрепления дела снабжения Красной Армии. «По отношению к меньшевикам и эсерам линия партии при теперешнем положении такова: в тюрьму тех, кто помогает Колчаку сознательно или бессознательно!» — говорит ЦК РКП(б) 12 апреля и заканчивает свои тезисы словами: «Надо напрячь все силы, вернуть революционную энергию, и Колчак будет быстро разбит. Волга, Урал, Сибирь могут и должны быть защищены и отвоеваны»⁴.

Одновременно Восточный фронт, использовав наступившую оттепель для передышки, усиленно готовился к переходу в наступление. Части пополнялись и укреплялись новыми кадрами, в ряды бойцов вливались прибывающие на фронт рабочие и коммунисты, укреплялись войсковые штабы, пополнялось вооружение, упорядочивалось снабжение.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 39—40. — *Ред.*

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 247. — *Ред.*

³ Там же, стр. 268. — *Ред.*

⁴ Там же, стр. 274. — *Ред.*

19 марта 1919 г. на Восточном фронте была создана Южная группа под командованием тов. М. В. Фрунзе в составе 4-й, Туркестанской и 1-й армий. 9 апреля в состав Южной группы была включена и 5-я армия.

М. В. Фрунзе решил перейти в наступление, не ожидая полного сосредоточения назначенных ему сил, так как это ожидание потребовало бы оттянуть наступление еще на лишний месяц.

По плану тов. Фрунзе, 1-я армия (командарм тов. Гай) должна была ударить на север по флангу 6-го корпуса белых. Туркестанская армия (командарм тов. Зиновьев) должна была ударить во фланг 3-го корпуса белых и выйти ему в тыл на фронт ст. Заглядино — Бугуруслан. 5-я армия (командующим к тому времени был назначен я) своим правым флангом должна нанести фронтальный удар по г. Бугуруслан, с одновременным наступлением по всему своему фронту.

Начавшись 25 апреля, наступление Южной группы развилось очень успешно. Правый фланг 5-й армии к 1 мая вышел в район ст. Заглядино. Туркестанская армия находилась на одном переходе сзади. В дальнейшем главные силы Туркестанской и 5-й армий наступали на север в общем направлении на Бугульму, а через некоторое время Туркестанская армия была направлена на Белебей.

В это время Троцкий нашел нужным вмешаться в дела Восточного фронта. Командвост тов. С. С. Каменев был освобожден от должности, и на его место был назначен тов. А. А. Самойло. Это обстоятельство совершенно испортило блестящее начало нашего контрнаступления и позволило белым упорядочить их отступление. 5-я армия была изъята из подчинения тов. Фрунзе и перешла в непосредственное подчинение тов. Самойло. 11 мая тов. Самойло нацеливает 5-ю армию на север, к устью р. Вятки, 14 мая сворачивает ее на Белебей, 17 мая опять направляет ее на север, а 19 мая — на северо-восток. Вместо преследования — топтание на месте¹.

Начались протесты против такого командования. 21 мая командарм 5 направил командвосту телеграмму, в которой говорилось:

«Начиная с 10 сего мая, вероятно, ввиду многих неизвестных мне обстоятельств вами были отданы пять задач для 5-й армии, каждый раз отменяющие одна другую. Сначала была дана задача наступать на север в тыл противника, действующего по реке Вятке, потом направление наступления было отклонено на 130 градусов на Белебей, следующей директивой приказывалось уже наступать частью на север, частью на восток, затем был указан пункт переправы через реку Каму близ устья реки Вятки, затем мне было самому предложено избрать пункт переправы и, нако-

¹ А. А. Самойло в своих воспоминаниях (А. Самойло. Две жизни. М., Воениздат, 1958) объясняет это тем, что его назначение командующим Восточным фронтом было сделано вопреки его согласию, что он был не в курсе событий на фронте, не знал войск, начальников и ближайших сотрудников. — *Ред.*

нец, приказано переправляться не через реку Каму, а через реку Белую. Эти отмены приказов совершенно измотали дивизии, и части совершенно перепутались, связь нарушилась и проч.».

В заключение комендарм просил командвоста соблюдать статью 19 Полевого устава, изд. 1918 г., в которой говорится, что, прежде чем отдать приказ, надо подумать.

Большие неприятности перенес и тов. Фрунзе, которому тов. Самойло неожиданно 18 мая запретил преследовать белых. Тов. Фрунзе дал решительный отпор, и тов. Самойло отменил свой приказ, разрешив занять Уфу.

Товарищ Фрунзе успешно провел операцию по занятию г. Уфы. Перед Восточным фронтом во весь рост встала задача по изгнанию Колчака с Урала.

Колчак, формируя новые части и подготавливая пополнения для фронта, усиленно проводил всеобщие мобилизации. Сибирское крестьянство отвечало на мобилизации восстаниями и организацией партизанской войны. Колчак отвечал усилением генеральской диктатуры. С 14 марта 1919 г. вся Сибирь была объявлена на военном положении. Произвол властей, порки, грабежи были неслыханными. Сибирь клокотала, а это сказывалось на боевых частях Колчака, обильно разбавленных новыми пополнениями. Товарищ Ленин, характеризуя тыл Колчака того времени, говорил о колчаковцах:

«Почему эти люди, которые собрали все, что можно было собрать против большевиков: и край из крепких и сильных крестьян и помощи Антанты, — почему они после двухгодичного опыта так провалились, что вместо «народовластия» осталось дикое господство сынков помещиков и капиталистов и получился полный развал колчакии, который мы осязаем руками, когда наши красноармейцы подходят к Уралу как освободители. А год тому назад крестьяне говорили: «Долой большевиков, потому что они возлагают тяжесть на крестьян», и переходили на сторону помещиков и капиталистов. Тогда они не верили тому, что мы говорили; они теперь сами это испытали, когда увидели, что большевики брали одну лошадь, а колчаковцы брали все, — и лошадей и все остальное, и вводили царскую дисциплину. И теперь крестьяне, видя опыт прошедшего, встречают Красную Армию, как избавительницу, и говорят, что вместе с большевиками установится свобода Сибири прочная и полная»¹.

29 мая в телеграмме на имя Реввоенсовета Востфронта Ленин писал: «Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной. Напрягите все силы»². Командвост тов. С. С. Камнев принял решение о форсировании Урала. Однако не так посмотрели на этот вопрос Троцкий и главком Вацетис.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 40—41. — *Ред.*

² В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 330. — *Ред.*

6 июня от них последовала иная установка, прямо противоположная. В шифровке № 2192/оп командованию указывалось:

«Вследствие общего положения на других фронтах Республики ближайшими задачами армиям Востфронта следующая директива: **первое** скорейшее овладение течением реки Белой на участке от Бугульчан до устья и прочное закрепление за собой этого рубежа созданием сильных опорных пунктов районах Уральска, Оренбурга, Стерлитамака, Уфы и Бирска. **Второе** разбить войска Колчака, действующие районе правого берега реки Камы на казанбургском и пермском направлениях, и по овладении течением реки Камы на участке от устья реки Белой до Перми включительно прочно закрепить за собой этот рубеж созданием сильных опорных пунктов районах Сарапул, Осси, Перми. **Третье** безотлагательно ближайшие дни подавить восстание Уральской и Оренбургской областях. **Четвертое** владение реками Камой, Белой обеспечить за собой не только созданием вышеуказанных укрепленных районов, но и решительным господством на этих реках нашей флотилии. Получение настоящей директивы телеграфируйте».

Эта установка Троцкого была встречена в штыки и Восточным фронтом и Центральным Комитетом партии.

К периоду форсирования Урала Южная группа М. В. Фрунзе получила задачу наступать на Уральск и Оренбург. Задача преодоления Урала выпадала на 5, 2 и 3-ю армии.

Войска 2-й армии потеряли очень много времени на преодоление р. Камы. 5-я армия, продвинувшаяся значительно далее на восток, рисковала ввязаться в горную операцию по преодолению Урала с оголенным левым флангом. Чтобы избежать этого риска, 5-й армии пришлось преодолеть подготовительную операцию по обеспечению своего левого фланга. Главные силы армии (26, 27 и 35-я дивизии) нанесли соединенный удар в красноуфимском направлении, в тыл белым, оборонявшим р. Каму. Противник начал отход, 2-я армия переправилась и начала преследование. Тогда главные силы 5-й армии в ночь на 24 июня приступили к переправе через р. Уфу для наступления вдоль р. Юрезани в тыл западной 3-й армии белых, защищавшей подступы к Златоусту со стороны г. Уфы. В районе железной дороги, на путях к Златоусту, произошли упорные бои. Главные силы белых все же ускользнули от окружения и отступили, а части 5-й армии, продолжая наступление, 13 июля заняли Златоуст.

27 июля 5-я армия заняла Челябинск. К этому времени части и штаб 2-й армии перебрасывались на Юго-Восточный фронт, и направления на Тюмень и Тобольск заняла 3-я армия.

Учитывая сложившуюся разброску сил (1-я армия — под Оренбургом, 3-я армия — под Екатеринбургом), белое командование, напрягая последние силы, попыталось нанести 5-й армии отдельное поражение под Челябинском, стянув сильные группы, по три дивизии, к обоим ее флангам.

30 июля 3-я армия белых перешла в наступление. В то время

как 26-я дивизия обороняла подступы к Челябинску, 27-я и 5-я дивизии 5-й армии стремились разбить северную группу противника. После нескольких дней упорных боев противник был разбит и, потеряв пленными около 15 тыс. человек, начал отступление.

К этому времени главным Вацетис был заменен тов. С. С. Камневым, а командующим Восточным фронтом был назначен тов. Фрунзе, но, к сожалению, ненадолго.

Вскоре Восточный фронт выделил из себя Туркестанский фронт, командующим которого был назначен тов. Фрунзе, а пост командующего Восточным фронтом занял Ольдерроге.

Трудно понять, где высккивал Троцкий таких людей! Человек никому не известный, в лучшем случае бездарный, — Ольдерроге сделал все от него зависящее; чтобы наше неотступное преследование Колчака сорвалось.

20 августа 5-я армия, форсировав р. Тобол, развивала наступление на Петропавловск. Казачьи районы, вдоль правого наступающего фланга армии, заставляли принимать особые меры охраны фланга. В самом срочном порядке был сформирован Троицко-Кустанайский укрепленный район и были приняты меры к тому, чтобы при дальнейшем наступлении сформировать Кокчетавский укрепленный район.

Главные силы 5-й армии должны были наступать вдоль тракта Звериноголовская — Петропавловск, чем обеспечивался постоянный обход главных сил белых, которые, отступая, были прочно привязаны к железной дороге, и, кроме того, такое движение обеспечивало принятие своевременных мер к ликвидации казачьих частей в случае их формирования вдоль пути наступления правого фланга.

Однако Ольдерроге потребовал совершенно иной группировки. Главные силы армии должны были быть стянуты к железной дороге и фронтальными боями должны были теснить противника. Звериноголовский тракт должен был обеспечиваться лишь слабыми силами. Произошла крепкая телеграфная перепалка, но Ольдерроге категорически настоял на перегруппировке. Белые учли эту ошибку. Уже на подступах к Петропавловску они перешли в контрнаступление, сковали части 5-й армии с фронта, а на правый фланг и в тыл двинули с юга две пехотные дивизии и вновь сформированную кавалерийскую группу ген. Дожирова.

Путем создания уступной группы сирава 5-й армии удалось несколько ослабить контрудар противника, но тем не менее с упорными боями в течение всего сентября ей пришлось отступать и, наконец, отойти за р. Тобол.

За период отступления была проведена мобилизация в Челябинском районе. Рабочие и крестьяне с энтузиазмом пошли в ряды Красной Армии. Была организована боевая переподготовка и сформирована кавалерийская дивизия. Заготовлялось зимнее обмундирование. Накапливались боеприпасы. Формировались новые средства связи. Готовились инженерные средства для пред-

стоящего вторичного форсирования р. Тобол. 14 октября 5-я армия, окрепшая и пополнившая свои ряды, вновь изготовилась и перешла в наступление совместно с 3-й армией.

На этот раз группировка была проведена такая, какой требовала обстановка.

На правом фланге 5-я армия построила свою основную ударную группировку с задачей разбить левый фланг белых и отбросить их главные силы к северу от железной дороги.

Наступление развивалось очень успешно. Белые были окончательно разбиты и дезорганизованы. 27 октября Петропавловск был взят. Было организовано неотступное преследование. Здесь Ольдерроге еще раз испортил дело. Вновь сформированная 1-й армией кавалерийская дивизия была направлена для выхода в тыл Колчаку между Омском и Татарском. Ольдерроге отменил этот маневр и направил дивизию в Кокчетавский укрепленный район, хотя 5-й армией туда была направлена целая стрелковая дивизия и никакой особой опасности Кокчетавский район в то время не представлял. Если бы в делах под Омском мы имели конницу, то возможно, что и Колчак не успел бы уехать, и, во всяком, случае, его военные припасы в эшелонах достались бы нам гораздо ранее.

14 ноября 1919 г. Омск был взят. С 14 октября по 14 ноября 5-я армия провела операцию в шестьсот километров глубиной.

В Омске соединились 5-я и 3-я армии. Армия Колчака, добиваемая частями 5-й армии и партизанами, начала стихийно распадаться.

5 января 1920 г. крестьяне-повстанцы захватили Иркутск, и вскоре после этого был арестован Колчак.

Восточный фронт сыграл огромную организующую роль в истории развития Красной Армии. Уже в 1918 г. мы имели на Восточном фронте дисциплинированные, боеспособные, регулярного типа дивизии. На Восточном фронте выросли многочисленные кадры красных командиров, которые потом принимали участие в боях на многих других фронтах. Много большевиков, рабочих и крестьян погибли за Советскую власть на Восточном фронте, много героев-командиров, и среди них Чапаев, сложили там свои головы. Но там же, на Восточном фронте, росли и крепились боевые части Красной Армии, там ширились необъятные границы нашего Советского Союза, и в результате там мощной силой стоит на наших границах ОКДВА — бывшая 5-я армия. Горько поплатились колчаковская контрреволюция и вооружавшая ее Антанта в их борьбе против Красной Армии в Сибири и на Дальнем Востоке. Еще более горькой и жестокой будет судьба того, кто вновь осмелится протянуть свою руку к границам нашего Советского Союза.

БОЕВОЕ ИСКУССТВО¹

На основе военной реформы 1924 г. и ряда развивавших ее организационных мероприятий Рабоче-Крестьянская Красная Армия выработала свою общевойсковую тактику, которая в конце концов была отчеканена в Полевом уставе РККА 1929 г. Эта пятилетняя организационная и учебно-тактическая работа имела огромное значение. Наши общевойсковые организмы, т. е. организмы, составленные из основных родов войск, изучили основы взаимодействия, основы скрытного сближения и быстрого внезапного развертывания, под прикрытием своевременно подготовленного огня артиллерии и станковых пулеметов. Они усвоили быстроту в наступлении при непрерывно поддерживаемой связи с артиллерией, они усвоили методы решительной атаки и стремительного опрокидывания фланга или прорывания фронта боевого порядка противника. Они привыкли в этот период к самостоятельным действиям самых мелких подразделений, к действиям, которые во все нарастающем темпе в конце концов переходят в преследование. Можно без всякого преувеличения сказать, что наши войска, даже в сложнейший период обхода фланга или прорывания фронта при темпах движения с боем в несколько километров в час, умели продвигать свою пехоту (конницу) при постоянном содействии артиллерии. Эта задача чрезвычайно трудна, и решена она была лишь благодаря тому, что армии была дана хорошая методика обучения, и благодаря тому, что в Полевом уставе 1929 г. вопросам взаимодействия было уделено исключительное внимание и организация самого взаимодействия была разрешена вполне жизненно.

В процессе усиленных и зимних, и летних занятий темпы маршей и продвижений с боем из года в год возрастали. В целом ряде случаев наши достижения в этом отношении даже превосходили все ожидания. Эти успехи тактического совершенствования могли иметь место лишь в условиях того исключительного роста политического развития и культурного просвещения красноармейских масс, которое наша партия проводила в Красной Армии. Не только командиры и политработники, но и вся красноармейская масса активно двигала дело тактического совершенствования,

¹ Печатается впервые. — *Ред.*

увлекаемая вперед призывом партии овладеть техникой и широкими формами социалистического соревнования.

Оценивая так положительно работу Красной Армии в области ее боевой подготовки, мы вместе с тем далеко не самоуспокоены. Наоборот, чем больших результатов достигали наши командиры и красноармейцы, тем более убеждались они, что при хорошей работе, при большей смелости, самодеятельности, при больших навыках в деле управления боем можно иметь значительно большие тактические результаты. И вот это постоянное понимание своих недостатков, прорех в своей учебе и боевом воспитании постоянно мобилизовало бойцов на все новые и новые достижения.

Когда за последние годы армия стала получать от нашей промышленности в массах новые самолеты, танки, артиллерию и прочие боевые средства, то темпы развития боя и общей маневренности войск значительно возросли. То, на что раньше войскам требовались часы на подготовку и осуществление, то стало теперь осуществимо в десятки минут. И чем больше наши бойцы овладевали и овладевают техникой, тем больше и больше они находят еще не использованных резервов для усиления боевого удара, для повышения его внезапности и стремительности.

В самом деле, авиационная войсковая разведка и разведка быстроходными броневиками и танками дает разведывательные данные настолько быстро по сравнению с прежними видами войсковой разведки, что надо несравнимо повысить темпы штабной работы для того, чтобы иметь возможность своевременно поставить задачи разведке, и, наконец, для того, чтобы своевременно обработать и использовать для боя эти данные.

Если и раньше, во встречном бою, события развивались очень быстро, то теперь, при наличии механизированных или просто танковых частей и значительных сил штурмовой и легкобомбардировочной авиации, встречный бой разыгрывается значительно более решительными темпами. Если и раньше не было времени на раздумывание, так как события все равно опрокидывали всякие запоздавшие решения, то насколько же труднее принять правильное и своевременное решение теперь. И вместе с тем, несмотря на все эти трудности, теперь, при наличии непрерывной авиационной разведки и средств радиосвязи, имеется больше оснований для принятия разумного, отвечающего обстановке решения. А наличие штурмовой и легкобомбардировочной авиации и механизированных соединений позволяет более реальное осуществление своевременно принятого решения. Все это говорит о том, что темпы управления боем должны стать предельно быстрыми. Само управление должно быть гибким и вместе с тем стремительно-методическим. Величайшая сила новых родов войск заключается опять-таки в искусстве их взаимного использования, в их взаимодействии.

Ударная сила по-новому оснащенных войск значительно выросла. Темпы наступления точно так же выросли очень сильно.

Общая оперативная и тактическая маневренность войск позволяет осуществлять значительно более смелые группировки. Все это говорит о том, что современный бой своим результатом должен иметь не только разгром, не только отпихивание войск противника, но и их уничтожение, т. е. пленение. Осуществление таких задач в условиях быстро развивающегося боя является делом очень сложным и трудным, и управление таким боем должно отвечать требованиям высокого военного искусства.

Работа общевойсковых штабов должна в значительной мере перенестись на самолет. Только этот живой метод может позволять своевременно вмешиваться в ход действий и направлять их в соответствии с общей обстановкой. В частности, должен получить самое широкое применение способ управления путем «наведения» авиацией. В быстротечном бою не хватает времени на формулировку распоряжений, передачу радиogramм, на принятие и изучение этих распоряжений. Гораздо проще условными знаками с самолета показать новое направление наступления, где-либо создающуюся угрозу со стороны противника и проч.

Но при всем высоком искусстве управления боем разумное, отвечающее обстановке его развитие может иметь место в скоротечном бою лишь при условии такой организации войск, которая максимально упрощала бы организацию взаимодействия, устраняя функционалку в бою, обеспечивая необходимыми средствами подавления командиров небольших частей, и при условии, если эти командиры все до самого младшего, до рядового красноармейца включительно будут воспитаны в духе величайшей храбрости, смелости, самодеятельности, в духе умения и привычки принимать на свою ответственность самые смелые, самые рискованные решения.

В быстро развивающихся наступательных боях лучший метод взаимодействия — это смело, безудержно, инициативно наседать на противника. Когда все командиры воспитаны в таком духе, когда канцелярский метод «ждать распоряжений» изжит как позорный, тогда и скоротечно развивающийся бой, несмотря на всю его сложность и переплетенность, принимает наступательную стройность, когда каждая часть, обходя сопротивляющихся, проталкивает задержавшегося соседа и т. д.

Инициатива и стремление пролезть во всякую щель, имеющуюся в боевом порядке противника, должны быть основным качеством каждого командира, особенно младшего и среднего командира. Малодушный командир боится забираться в щель — она ему кажется западной. А наш смелый командир пробирается в щель, чтобы дезорганизовать огонь и управление противника, чтобы атаковать во фланг и в тыл его, в то время как соседи наступают на него с фронта.

Выполняя смело и инициативно наступление, каждый командир должен поддерживать связь с танками и артиллерией, должен знать, где и куда продвигаются артиллерийские наблюдательные пункты, какие танки поддерживают его части и проч. Каждый

командир должен уметь отличать свою авиацию и своевременно показывать ей опознавательные знаки.

Инициатива, смелость и величайшее упорство требуются от командиров и всех бойцов и в современном оборонительном бою. Умение драться и отражать противника тогда, когда фронт обороны взломан, когда отряды противника прорвались в глубину обороны, когда общее управление в оборонительном бою нарушено, является основой упорной обороны. Ударные группы и резервы в таких условиях смогут восстановить положение.

Новый учебный год Красная Армия встречает со своим обычным учебным энтузиазмом. Задача теперь «в людях, владеющих техникой», и этой задаче, выдвинутой Коммунистической партией, воины Рабоче-Крестьянской Красной Армии отдают все свои силы, в полной уверенности в том, что новый учебный год принесет нам и новые победы на фронте боевой подготовки.

22.2.35.

Москва

ВОЕННЫЕ ПЛАНЫ НЫНЕШНЕЙ ГЕРМАНИИ¹

Придя в январе 1933 г. к власти, Гитлер заявил, что ему потребуется четыре года для уничтожения кризиса и безработицы в Германии. Эта национал-социалистская демагогия так и осталась пустой демагогией. Зато, как теперь становится ясным, за этим демагогическим планом скрывался другой, гораздо более реальный четырехлетний план создания гигантских вооруженных сил.

В самом деле, уже на второй год власти национал-социалистов число дивизий, разрешенных Германией Версальским договором, было утроено, достигнув 21.

Была создана запрещенная тем же договором военная авиация. Германская военная промышленность практически вступила на путь все прогрессирующей мобилизации. Возможная продукция мобилизованной германской промышленности общеизвестна. В один — два года она может вооружить армию, какая была у кайзера к концу империалистической войны.

Практическим завершением этой программы является объявленный национал-социалистским правительством закон о всеобщей воинской повинности и о сформировании 36 дивизий мирного времени.

Таким образом, уже на третий год власти Гитлера вооруженные силы Германии, только сухопутные, достигают мощности довоенной Германии, если учесть, что мобилизационное развертывание в Германии теперь производят утроением, а не удвоением (из 7 дивизий развернуты 21). Наличие сильной военной авиации делает эту армию еще более сильной. К этому вопросу мы возвратимся еще несколько дальше.

ГЕРМАНСКИЕ ВЗГЛЯДЫ НА ВЕДЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ

Фон Сект² первый в германской военной литературе поставил вопрос о том, что «целью современной стратегии будет добиться

¹ «Военный вестник», 1935, № 4, стр. 6—10. Статья печатается с незначительными сокращениями.— *Ред.*

² Фон Сект (1866—1936) — германский генерал и военный писатель.— *Ред.*

решения при помощи подвижных, высококачественных, способных к ведению операций сил без того или до того, как массы придут в движение»¹. В связи с этим Сект требует иметь в мирное время вполне готовые к бою дивизии, с тем, чтобы по мобилизации в них не вливалось никаких пополнений, т. е. чтобы в мирное время они содержались по штатам военного времени. Наряду с этим Сект считает необходимым введение в Германии всеобщей воинской повинности для развертывания мощной обороноспособности страны.

Людендорф, который, как известно, ныне привлекается к работе в германском генеральном штабе, считая необходимой всеобщую воинскую повинность и максимальное использование для войны людских ресурсов Германии, точно так же считает необходимым иметь армию вторжения для дезорганизации обороны противника на его территории и нанесения ему внезапных молниеносных ударов.

Людендорф недоволен темпами первого периода войны в 1914 г. «Мобилизация и сосредоточение войск затягивались до 16-го — 17-го дня мобилизации... Только спустя четыре недели после объявления мобилизации разыгралось сражение под Танненбергом»².

Поэтому, говорит Людендорф, «в ведении войны крупных военных держав против слабо вооруженных государств быстрая мобилизация, как и быстрое наступательное продвижение войск, будет играть исключительную роль. Крупные военные державы, кроме авиации, для срыва мобилизации противника применяют быстроподвижные войска, состоящие из моторизованной пехоты и кавалерийских дивизий, усиленных бронетанковыми соединениями и вспомогательными войсками, перевозимыми на автомобилях..

Все это указывает на то, что при подготовке к войне следует руководствоваться другими масштабами во времени и пространстве, чем те, которым учила нас военная история до сих пор»³.

Подполковник Неринг в только что вышедшей его книге говорит: «При мобилизации подвижные и моторизованные войска совместно с авиацией имеют задачей прикрыть собственные границы и обеспечить наступление собственной армии, а также короткими ударами нарушить мобилизацию и концентрацию противника»⁴.

Те же мысли высказывает и генерал Мецш в книге «Современная военная наука», изданной в 1934 г. под редакцией известного германского военного писателя Кохенгаузена. Генерал Мецш утверждает, что стратегическая цель сильно вооруженного государства заключается в перенесении военных действий на территорию

¹ Фон Сект. Оборона страны. Госвоениздат, 1931, стр. 43.

² General Ludendorff. Weltkrieg droht auf Deutschen Boden. München, 1930, S. 37.

³ Там же, стр. 38.

⁴ W. Nehrning. Heere von Morgen. Potsdam, S. 39.

противника, чтобы с самого начала войны расстроить его военную организацию. Для этой цели должны быть прежде всего применены воздушные, затем быстроподвижные, т. е. в первую очередь моторизованные силы. Вслед за этими подвижными силами должны следовать крупные войсковые массы для создания прочной базы для операции.

Высказываний в этом духе мы находим в германской военной литературе сколько угодно. Новая германская военная доктрина кристаллизуется и обеспечивается материально.

Маршал Петен в статье, помещенной в журнале «Revue de deux Mondes» от 1 марта сего года, характеризует германскую военную доктрину теми же чертами. Он говорит, что «появление нового вооружения может придать борьбе совершенно иной оборот. В настоящее время можно представить себе войну, внезапно начинающуюся приемами, способными уничтожить первый эшелон военных сил противника, дезорганизуя его мобилизацию и разрушающими жизненные центры его мощи».

«Орудия такой войны уже существуют», — добавляет маршал Петен и указывает, что этот метод пользуется в Германии особой популярностью.

Итак, Германия организует громадные вооруженные силы и в первую очередь готовит те из них, которые могут составить могучую армию вторжения.

Попробуем охарактеризовать это развитие в том виде, как оно представляется на основании данных прессы и официальных данных, опубликованных германским правительством.

ОБЩИЕ РАЗМЕРЫ ГЕРМАНСКИХ ВООРУЖЕНИЙ

Авиация. Особые усилия прилагает германское правительство к развитию военной авиации. Авиационная промышленность работает полным ходом. По заявлению французского военного министра Морена, германские авиационные заводы производят по 15 самолетов в день. Следовательно, в течение 1935 г. будет произведено свыше 4500 самолетов.

Организация и численность развертываемых на сегодняшний день сухопутных и морских авиационных соединений рисуется в следующем виде: 12 авиасоединений при крупнейших аэропортах, где имелись районные авиационные группы и до настоящего времени. На вооружении их состоит до 2100 бомбардировщиков и разведчиков. 16 авиасоединений, организованных Герингом, при воздушных отделах в крупнейших стратегических пунктах. На вооружении этих частей состоит истребительная и вспомогательная авиация, всего 1600 самолетов.

Итого на вооружении сухопутной и морской авиации Германии, как это можно заключить на основании публикуемых данных, дол-

жно состоять до 3700 самолетов в строю. Личный состав этих воздушных сил достигает 8 тыс. офицеров и 52 тыс. унтер-офицеров и рядовых. Помимо того, в 16 группах спортивной авиации и на курсах гражданского воздушного флота германское командование готовит до 60 тыс. человек летного состава, что поднимет общую численность авиации до 120 тыс. человек.

В Германии много говорят о планах Геринга по доведению авиации до 16 тыс. самолетов.

Пехота. Германия объявила о создании 12 корпусов и 36 пехотных дивизий. Штат этих соединений должен быть очень большим, так как, во-первых, из этих частей, очевидно, будут составляться армии вторжения, а во-вторых, в них должны быть включены кадры для тройного развертывания. Этот штат, видимо, будет достигать 15 тыс. человек, на что и имеются указания прессы. Большой штат дивизии мирного времени необходим и потому, что требуется наверстать потерянное за прошедшие 15 лет, т. е. быстро накопить обученный запас.

В состав дивизии помимо пехотных полков, видимо, войдут: 2 артиллерийских полка (легкий и тяжелый), танковый батальон, батальон связи, инженерный батальон и химическая рота.

Всего армейские корпуса и пехотные дивизии будут иметь в своем составе до 546 тыс. человек. В случае войны Германия может сразу же развернуть до 108 пехотных дивизий. Маршал Петен называет цифру до 100 дивизий.

Конница. Состав: 5 кавалерийских дивизий и 10 мотополков, всего 51 тыс. человек.

Конница штурмовых и охранных отрядов позволяет дальнейшее формирование кавалерийских дивизий.

Артиллерия. Помимо артиллерии, входящей в состав пехотных и кавалерийских соединений, германский рейхсвер, по всей вероятности, развернет не менее 12 полков резерва главного командования, 12 полков зенитной артиллерии и 12 тяжелых дивизионов береговой обороны в общем составе до 54 тыс. человек.

Броневые и мотомехчасти

1 моторизованная дивизия	15 000 человек
4 механизированные бригады	12 000 человек
12 танковых батальонов резерва главного командования	6 000 человек

Всего 33 000 человек,
не считая танковых частей в пехоте и коннице.

Танковые части находятся в процессе все растущего оснащения танками последних типов.

Войска связи, инженерные и химические, не входящие в состав общевойсковых соединений, должны содержать до 22 тыс. человек.

Военно-учебные заведения и различные учреждения министерства обороны составят до 60 тыс. человек.

Военно-морской флот (учитывая резерв и строящийся)

	Количество кораблей	Количество людей
Линкоров	9	9 000
Крейсеров	8	4 000
Эсминцев	12	2 000
Миноносцев	20	2 000
Подводных лодок	26	2 600
Базы и управления	26	3 000
Итого	—	22 600

Итоговая численность германских вооруженных сил к лету текущего года должна достигнуть, таким образом, 909 тыс. человек, а если не считать 60 тыс. учеников в гражданских авиаучреждениях, то 849 тыс. человек.

Завершение организационной военной программы Германии надо ожидать в 1936 г.

Помимо этих регулярных вооруженных сил Германия имеет значительное количество скрытых вооруженных частей, могущих служить делу мобилизаций и новых формирований, а именно:

	Количество частей	Количество людей
Штурмовые отряды	21	400 000
Охранные отряды	7	40 000
Трудовая повинность	30	300 000
Пограничная охрана	21	50 000
Полиция	—	110 000
Итого	—	900 000

Армия вторжения. В состав армии вторжения из общего числа вооруженных сил могут войти соединения, способные к самостоятельным оперативным действиям и состоящие в штатах, близких к штатам военного времени.

Авиация. Не считая войсковой авиации, в самостоятельных действиях на сегодняшний день смогут принять участие не менее 1500 самолетов.

Мотомехчасти. Моторизованная дивизия и 4 механизированные бригады.

Конница. 5 кавалерийских дивизий.

Пехота. Первый эшелон, на автомобилях — не менее 15 пехотных дивизий.

Германия имеет 661 тыс. легковых автомобилей, 12 500 автобусов, 191 тыс. грузовых машин и 983 тыс. мотоциклов. Из этого числа около 150 тыс. машин входит в состав «Автокорпуса национал-социалистов (ПССК)».

В текущем году¹ личный состав этого корпуса прошел медицинское переосвидетельствование на предмет годности к военной службе. Корпус подчиняется министерству обороны.

Для переброски пехотной германской дивизии требуется автотранспортная группа в составе около 650 легковых машин, 6700 грузовиков и 1200 мотоциклов.

Совершенно очевидно, что даже с учетом автотранспорта для организации тылов германское командование сможет дивизий 15 перебрасывать для оперативных нужд на значительное расстояние. В этом направлении производится большая работа. В 1932 г. средствами автокорпуса в течение 17 часов было подвезено из всех частей Германии в район Темпельгофа 200 тыс. человек, на что потребовалось около 20 тыс. легковых и грузовых машин.

Остальные дивизии мирного времени составят второй эшелон армии вторжения.

Морской флот и морская авиация. Будут наносить удары по коммуникациям и торговым путям противника.

Эта армия вторжения, особенно авиация, мотомехчасти, конница и подводные лодки, несомненно, будут усиленно развиваться национал-социалистами в ближайшие годы. Но вместе с тем эта армия вторжения уже и в этом виде сильнее всей французской армии мирного времени.

АНТИСОВЕТСКИЕ И РЕВАНШИСТСКИЕ ПЛАНЫ ГИТЛЕРА

По сообщению агентства «Радио», Гитлер заявил о том, что по отношению к СССР обстановка «заставляет Германию сохранить за собой свободу действий в будущем». При этом, по данным печати, Гитлер требует ослабления западных границ СССР. Гитлер требует также, чтобы Франция отказалась от сотрудничества с СССР.

Эту ярко выраженную антисоветскую установку Гитлера признает даже вся буржуазная печать.

Маршал Петен в цитируемой выше статье говорит, что французская военная система, «принятая 1927—1928 гг., целиком основывалась на гипотезе, что наш возможный противник не способен в короткий срок выставить мощную армию, и на надежде, что при его приближении мы найдем время для подготовки. Гипотеза эта не соответствует нынешним обстоятельствам». И действительно, французская армия с ее 20 дивизиями и большими сроками мобилизационного развертывания и сколачивания частей уже не сможет активно действовать против Германии. Наоборот, прежде чем начать такое столкновение, ей придется потерять много времени на развертывание своих сил.

¹ 1935 г.— *Ред.*

Эта изменившаяся обстановка на Западе активизирует антисоветскую политику Гитлера. Гитлер стремится успокоить Францию и, как сообщала печать из Берлина от 25 марта, заявляет, что «Германия готова дать обещания, что она не имеет никаких приязаний к Франции и не имеет никаких агрессивных намерений в отношении своих западных соседей». Гитлер усыпляет Францию, ибо он не хочет давать повод к росту французских вооружений.

Само собою понятно, что империалистические планы Гитлера имеют не только антисоветское острие. Это острие является удобной ширмой для прикрытия реваншистских планов на западе (Бельгия, Франция) и на юге (Познань, Чехословакия, аншлюс). Помимо всего прочего, нельзя отрицать того, что Германии нужна французская руда. Ей необходимо и расширение ее морской базы. Опыт войны 1914—1918 гг. показал со всей очевидностью, что без прочного обладания портами Бельгии и северными портами Франции морское могущество Германии невозможно построить.

Таким образом, для осуществления своих реваншистских и захватнических планов Германия будет иметь к лету этого года¹ армию минимум 849 тыс. человек, т. е. армию, большую на 40 процентов, чем Франция, и почти такую же по численности, как СССР (у СССР 940 тыс. человек, считая все рода войск). И это несмотря на то, что СССР имеет в два с половиной раза больше населения и в десятки раз больше территорию, чем Германия.

Так выглядит на деле так называемое равноправие в вооружениях.

¹ 1935 г.— Ред.

БОРЬБА ЗА БЕЛОРУССИЮ¹

Польские империалисты, не довольствуясь захватом Вильно и Минска, в апреле 1920 г. решили вновь возобновить войну против нашей Советской Республики в целях отторжения от нее в первую очередь Украины и в дальнейшем — восточной части Белоруссии. Границы 1772 г. не давали покоя взволнованному воображению польского империализма.

Пилсудский установил контакт с Петлюрой и в конце апреля начал свое решительное наступление на Киев. Наши слабые части 12-й армии не могли противостоять превосходным численно силам противника, и Киев был занят поляками.

Тяжелые транспортные условия, в которых находилась тогда наша Республика, создавали очень большие препятствия к своевременному сосредоточению войск, необходимых для отражения польского удара.

Конная армия во главе с тов. Ворошиловым и тов. Буденным совершала марш походным порядком от Краснодара к Киеву.

На Западный фронт перебрасывались дивизии со всех ликвидированных фронтов. Но это сосредоточение протекало крайне медленно. К середине мая оно далеко еще не было закончено, а между тем, захватив Киев и имея данные разведки о сосредоточениях частей Красной Армии на Западном фронте, Пилсудский решил предупредить нас и начать наступление в направлении на Могилев.

В принятии такого решения, видимо, большое влияние на Пилсудского оказал генерал Шептицкий, которого это направление особенно беспокоило.

Незадолго до начала майской операции Пилсудский вызвал ген. Шептицкого в Калинковичи, чтобы обсудить с ним план наступления в направлении Жлобина и Могилева.

Этот своевременно угаданный нами план в случае его успеха действительно спутал бы все наши карты и помешал бы активному и сосредоточенному использованию главных сил Западного фронта.

¹ «Красная звезда», 1935, 11 июля, № 158. Печатается с незначительными сокращениями.— *Ред.*

В такой обстановке, с одной стороны, необходимо было сохранить за Западным фронтом свободу действий, а этого можно было достигнуть лишь путем активных, наступательных действий, и, с другой стороны, необходимо было собственными активными действиями вырвать инициативу из рук противника и оттянуть хотя бы часть его сил с Юго-Западного фронта.

В связи с этим было решено нанести удар по северному польскому фронту, не ожидая конца полного сосредоточения подкреплений, прибывающих на Западный фронт.

Между тем аппараты управления, находившиеся на Западном фронте, были чрезвычайно бедны. Имелись лишь два штаба армии (15-й и 16-й). Средств связи совершенно не хватало. Транспортных средств было очень мало. Это обстоятельство крайне осложняло подготовку наступления, особенно в столь короткий срок, в какой это было необходимо осуществить.

В спешном порядке началось формирование Северной группы, которая должна была в составе 48-й и вновь прибывающей 18-й стрелковых дивизий действовать правее 15-й армии.

План действий Западного фронта заключался в нанесении противнику главного удара по его северному флангу в соединении со вспомогательным ударом 16-й армии на могилевско-минском направлении.

15-я армия в составе шести стрелковых дивизий наносила удар по польскому фронту в полосе южнее Полоцка, до г. Лепель.

Северная группа должна была переправиться через р. Березину и нанести удар в тыл противнику, обороняющемуся против 15-й армии. К сожалению, сосредоточение 18-й дивизии запоздало, организационная сколоченность Северной группы была еще ничтожная, и потому ее переправа через Западную Двину имела лишь вспомогательное значение.

Удар 15-й армии оказался очень сильным, и разбитые части поляков начали быстрое отступление. Наше наступление успешно развивалось почти до подступов к Молодечно, но было остановлено сосредоточенными противником силами, и в дальнейшем 15-я армия и Северная группа с боями отступили примерно до линии Дрисса — верховья р. Березины (схема 1).

16-я армия форсировала р. Березину, но развить своего наступления не могла и в конце концов вновь отошла на левый берег р. Березины.

Таким образом, майское наступление Западного фронта захлебнулось и не смогло успешно развиваться. Для успеха не хватало сил. Но тем не менее оно сыграло громадную роль.

Подготавливавшееся поляками наступление на Могилев было сорвано.

Часть сил с Юго-Западного фронта была переброшена поляками на север.

Сосредоточение главных сил фронта было закончено организованно.

Понесенные в майской операции потери были быстро восстановлены.

Пилсудский так характеризует итоги майской операции («1920 год») ¹:

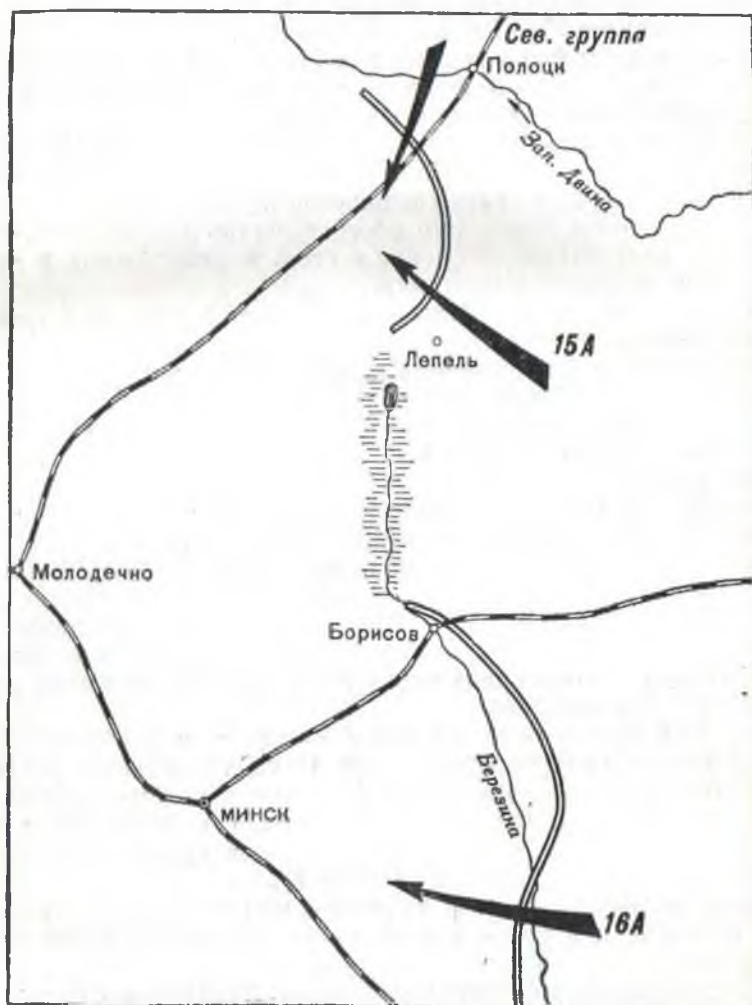

Схема I

«В истории нашей войны эта операция сыграла, действительно, свою выдающуюся роль. Прежде всего, она перетянула большую часть наших сил (до четырех дивизий) на северный фронт, что,

¹ Речь идет о книге Ю. Пилсудского «1920 год». М., изд-во «Военный вестник», 1926.— *Ред.*

естественно, отзывалось на всем дальнейшем ходе войны. Затем, являясь как бы репетицией большого июльского наступления советов, она дала много знаний и опыта войскам обеих сторон, и мне неприятно отмечать, что опыт этот был использован нашими противниками с большим умением, чем нашими войсками».

Между тем Юго-Западный фронт во главе с командующим тов. А. И. Егоровым 5 июня начал свой победоносный контрудар. Конная армия нанесла полякам сокрушительный удар. Поляки ожидали подхода конной армии, но они не верили в возможность успешного применения больших конных масс. Опыт позиционного периода империалистской войны довлел над польским оперативным мышлением. Это заметно, между прочим, не только в вопросе оценки роли конницы в маневренной войне, но и в методах группировки войск на фронтах. Зачастую польские войска оборонялись растягиваясь кордоном и растягивая в глубину жидкие резервы.

Получив сведения об успехах Юго-Западного фронта, Пилсудский, у которого к тому времени на Западном фронте руки уже были развязаны, начал переброску сил с северного фронта на юг, надеясь быстро покончить с 1-й конной армией, с тем чтобы в дальнейшем «перебросить побольше сил на север, чтобы перейти в решительное наступление там, где собирались самые большие силы противника» (Пилсудский. 1920 год).

Однако этим надеждам не позволили осуществиться события на Юго-Западном фронте. Польские силы южнее Полесья несли одно поражение за другим.

Между тем к началу июля сосредоточение главных сил Западного фронта подходило к концу. Западный фронт усиленно готовился к новой решающей операции, начало которой было назначено на 4 июля.

Мобилизация всего партийного аппарата Западного фронта позволила провести громадную работу в деревне. На службу в ряды армии были привлечены десятки тысяч пополнений.

Центральный Комитет партии усиленно пополнял фронт коммунистами.

Прибывали мобилизованные члены профсоюзов.

Политическая работа на фронте была очень сложной и требовала исключительной энергии. Надо признать, что эта работа дала исключительные результаты. Войска перешли в наступление 4 июля с величайшим энтузиазмом, и этот энтузиазм не теряли до конца кампании.

Исключительно большую работу пришлось провести в запасных частях. Была создана запасная армия. Пополнения проходили ускоренную подготовку.

Большие затруднения встречал Западный фронт, как и все другие фронты, в деле обмундирования и продовольствия. Продовольствия не хватало. Обмундирования было мало, а получаемое было очень невысокого качества.

Тем не менее к началу наступления благодаря исключительному вниманию к этим вопросам со стороны товарища Ленина войска были, насколько возможно, обмундированы. Продовольственное положение было несколько улучшено.

Переход в наступление был назначен на 4 июля.

Окрепшие, пополненные дивизии, сформированный 3-й конный корпус, организация удара, схваченного вновь сформированными и прибывшими армейскими управлениями, создание решающего превосходства на главном направлении, героизм коммунистов, увлекавших за собой красноармейские массы на защиту Страны Советов,— все это предопределило решительное поражение северной, а затем и южной группировок противника, находящегося против Западного фронта.

Началось поспешное отступление поляков, которого польскому командованию ни остановить, ни организовать не удалось. 4-я армия и 3-й конный корпус систематически обходили северный польский фланг.

Поляки на минском направлении оказывали упорное сопротивление наступлению 16-й армии. Поэтому 3-я армия после занятия района Докшицы была повернута в направлении на Минск. Противник был сбит, и Минск, столица Белоруссии, был освобожден. Быстро была освобождена и вся Белоруссия.

Громадный энтузиазм охватил рабочие и крестьянские массы Советской Белоруссии. Массы добровольцев вступили в ряды Красной Армии. Началась горячая работа по строительству Советской власти Белоруссии.

В состав Военно-революционного комитета Белоруссии вошли тт. Червяков, Кнорин и Адамович¹.

15 лет прошло после этих знаменательных событий. Советская Белоруссия успешно строит социализм под руководством нашей партии.

За 15 лет своего существования Советская Белоруссия сделала больше, чем за всю свою прошлую историю.

¹ До созыва Всебелорусского съезда Советов всю власть на освобожденной от белополяков территории Белоруссии осуществлял созданный в июле 1920 г. Минский губернский Военно-революционный комитет в составе старых большевиков А. Г. Червякова, В. Г. Кнорина, И. А. Адамовича и других. — *Ред.*

О НОВОМ ПОЛЕВОМ УСТАВЕ РККА¹

Утвержденный народным комиссаром обороны временный Полевой устав РККА 1936 г. (ПУ—36) является огромной важности документом, который определяет методы боевой подготовки Красной Армии и отражает определенную систему взглядов на характер современного боя.

Численное развитие и качественное усиление современной военной техники прогрессировали за последние годы исключительными темпами. Войниствующий империализм, бешено готовящий новую войну за новый передел мира, развивает и совершенствует свои вооружения в небывалых до сего времени масштабах. В настоящий момент гонка империалистических вооружений не является уже секретом. Ее уже не прячут, как раньше. О ней говорят открыто.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ

Само собой понятно, что развитие вооружений сказалось и в значительном развитии новых форм боевых действий, новых форм тактики. Однако военная мысль, если обратиться к капиталистическим странам, отличается на сегодняшний день необыкновенным разнообразием. Имеются существенные расхождения между взглядами различных армий, имеются огромные расхождения во взглядах на современный бой и между различными представителями одних и тех же армий.

Всем, например, известна теория, проповедующая ведение войны малыми и предельно подвижными механизированными армиями, которую в Англии представляют Фуллер и Лиддел Гарт. Однако английская армия развивается далеко не в соответствии с этой теорией, которую в Европе считают английской. Французская армия, строящая бой на сугубо методическом использовании пехоты, артиллерии и танков, далека от предложений одного из ярких французских военных писателей — де Голля. Итальянская армия, где доктрина генерала Дуэ получила, несомненно, широкое признание, на фронтах гражданской войны в Испании совершенно

¹ «Красная звезда», 1937, 6 мая. Статья печатается с незначительными сокращениями. — *Ред.*

не следует заветам этого генерала и пытается искать решения в боевых действиях пехотных соединений и т. д.

Немало дискуссий по вопросам современного боя наблюдали мы и на теоретическом фронте нашей красноармейской жизни. Определенная система взглядов выработывалась постепенно путем отсеивания неверных, необоснованных выводов и путем углубленной проработки разумных, жизненных, теоретически обоснованных установок.

Прежде всего пришлось столкнуться с теорией «особенной» маневренности Красной Армии — теорией, основанной не на изучении и учете нового вооружения как в руках наших возможных врагов, так и в руках советского бойца, а на одних лишь уроках гражданской войны, на взглядах, более навеянных героикой гражданской войны, чем обоснованных ростом могущества, культуры, ростом крупной индустрии социалистического государства, а также ростом вооружений армий наших возможных противников из капиталистического лагеря.

Когда тов. В. Триандафиллов выступил со своей книгой «Характер операций современных армий», то он подвергся большим нападкам со стороны товарищей, придерживавшихся этой теории. Его обвиняли в проповеди позиционной войны. Странники этой теории видели в новом человеке, в советском рабочем и колхознике, все необходимое и достаточное для того, чтобы обеспечить ведение маневренной войны. Как преодолевать пулеметное могущество боевого порядка современного противника — этому теория не учила. Приверженцы этой теории больше мечтали, чем доказывали. Находились товарищи, которые, например, утверждали, что для подготовки атаки бойца Красной Армии можно израсходовать меньше артиллерийских снарядов, чем для подготовки атаки солдата капиталистической армии, объясняя это превосходством духа красноармейца. На самом деле эта самовлюбленность могла бы повлечь напрасные кровавые потери в боях и крупнейшие неудачи. Эта теория несовместима с тем требованием, которое тов. Ворошилов предъявляет к боевой подготовке: учиться побеждать «малой кровью».

Ход развития вооруженной Красной Армии опрокинул теорию «особенной» маневренности. Быстрый рост нашей авиации, танков и механизированных соединений вначале также вызывал кое у кого теоретический загиб фуллеровского порядка. Появилась новая, «маневренная» теория, которая считала, что быстроходность танка не позволяет ему продуктивно действовать совместно с пехотой. Отсюда росло стремление к полной самостоятельности танковых соединений, к их отрыву от основных общевойсковых армейских масс, к пренебрежению противотанковым огнем противника и непониманию того обстоятельства, что в современном бою танки, как и пехота, не могут успешно действовать без могущественной артиллерийской поддержки.

Тактические установки на гибкое и прочное взаимодействие

различных видов войск, которыми был пронизан Полевой устав 1929 года, а также практика совместных учений пехоты, конницы, артиллерии и танков опрокинули эти вредные взгляды.

С другой стороны, часть товарищей очень настороженно встретила внедрение в армию массового танкового вооружения. Их пугали дожди, снег, осень, весна и т. д. Некоторые товарищи говорили, что при наших дорожных и климатических условиях танки смогут действовать «каких-нибудь полтора месяца в году». Однако живая действительность опрокинула опасения этих робких теоретиков. Танки отлично действуют и летом, и зимой, и весной, и осенью.

Непонимание роли и значения новых быстроходных танков, вооруженных скорострельной артиллерией, выразилось также и в том, что некоторые товарищи не соглашались отвести танкам в современном бою более решительную роль, чем та, которую они играли в 1918 г. в боях французской и английской армий против германской армии. Эти товарищи утверждали, что танки имеют значение лишь как средство непосредственной поддержки пехоты. Они не видели возможности по-новому организовать взаимодействие танков и артиллерии в общевойсковом бою стрелковых соединений. Поэтому они отрицали возможность прорыва танков в глубину оборонительного расположения противника для захвата путей его отхода. Как мы увидим дальше, эти сомнения оказались необоснованными.

Сила обороны в современной войне непрерывно возрастает: растет количество и качество пулеметов, вводятся на вооружение автоматические винтовки, и все это обращено своим острием против наступающей пехоты.

Против танков, поддерживающих и защищающих атакующую пехоту от пулеметов противника, направляются быстро растущие количественно и качественно противотанковые пушки. Сила обороны растет и создает условия, в известной степени благоприятствующие появлению позиционных форм войны. Позиционные фронты тем более могут иметь место, чем менее развиваются основные средства сухопутного наступления — танки и артиллерия.

Преимущества оборонительного оружия заключаются в простоте их использования и в их большом числе. Средства наступательные или средства подавления, к которым в первую очередь относятся артиллерия, танки, авиация, химия, требуют очень большого искусства в организации их взаимодействия. Простота в использовании основных средств обороны — пулеметов и противотанковых орудий, — конечно, действует в направлении перевеса обороны над наступлением.

Война итальянцев в Абиссинии подчеркивала легкое торжество артиллерии и танков над обороной. Однако это объяснялось технической бедностью Абиссинии, в частности ничтожным количеством пулеметов и противотанковой артиллерии. Война в Испании,

наоборот, подчеркивает значение и мощь оборонительного оружия. Артиллерия и танки с трудом успевают накапливать достаточные силы для преодоления пулеметов и противотанковых средств.

Даже наиболее крайние сторонники механизации армий учитывают значение современных средств обороны. Так, например, Лиддел Гарт в январском номере американского журнала «Форейн аферс», рассматривая пути моторизации и механизации, принятые во французской армии, указывает на странный с первого взгляда факт создания мотомеханизированных частей для «усиления обороны путем более быстрого направления огня на угрожаемый участок и более быстрого развития контрнаступления». Далее Лиддел Гарт пишет: «Этот «оборонительный» взгляд на значение механизированных частей может показаться многим странным. Однако он технически обоснован. Несмотря на явный рост наступательной силы в результате развития механизированных войск, время, быть может, покажет, что оборонительная сила растет косвенным путем еще быстрее. Оглядываясь назад, можно даже сказать, что такова была общая тенденция роста механизации войны в течение столетий».

Это заявление Лиддела Гарта очень примечательно, хотя он и продолжает по-прежнему отстаивать теорию необходимости иметь лишь малые механизированные армии.

Рост оружия, усиливающего оборону, несомненен. Однако было бы неправильно считать, что позиционная война необходима и неизбежна. Позиционный период империалистической войны объясняется не его неизбежностью, а тем, что воюющие стороны не были обеспечены необходимыми средствами подавления, начиная с артиллерийских снарядов, в результате громадных ошибок, допущенных в подготовке к войне всеми ее участниками. Точно так же и в будущей войне позиционные фронты вполне возможны; если будут недооценены средства современной обороны, если не будут созданы в необходимых размерах наступательные средства борьбы и если войска не будут достаточно обучены сложному искусству современного наступательного боя.

Выше уже говорилось о том, что боевое использование оборонительных средств проще и легче, чем использование средств наступления. Однако за наступлением по-прежнему остаются преимущества, заключающиеся в возможности подавляющих концентраций на направлениях организованного удара и нанесения обороняющемуся тяжелых поражений. Мало того, современные средства наступления позволяют организовать бой с гораздо большей эффективностью, чем это было возможно раньше, даже при наличии сплошных фронтов у неприятеля.

РАЗВИТИЕ ФОРМ БОЯ

Каковы те основные черты, которые характеризуют на протяжении последнего времени развитие элементов боевой обстановки и самого боя?

Авиация все больше и больше воздействует на передвижение войск и на работу тыла. Опыт войны в Испании показывает, какие потери несет от авиации живая сила сухопутных армий и какой моральный эффект производит авиация, если войска не умеют организовать противовоздушной обороны.

Оборона пехоты, благодаря быстрому росту пулеметного вооружения, становилась все более и более мощной. Пехота, окопавшаяся на поле боя, становилась трудноодолимой даже при условии поддержки наступающего сильным артиллерийским огнем. После перенесения артиллерийского огня в глубину оборонительного расположения противника всегда находились отдельные пулеметчики, которые успевали поднять голову и вовремя открыть убийственный огонь по атакующему.

Танки резко изменили это положение и увеличили силу атаки пехоты. Двигаясь впереди пехоты, танки подавляли пулеметные очаги противника, т. е. своим огнем не позволяли пулеметчикам поднять головы, а наступающая за ними пехота доканчивала поражение оборонительной полосы.

Беспомощность пехоты в борьбе с танками вызвала быстрый рост противотанковых средств борьбы, и в первую очередь малокалиберной противотанковой артиллерии. Еще несколько лет назад в европейских армиях пехотная дивизия имела десяток, в лучшем случае два десятка противотанковых пушек. В настоящее время пехотные дивизии имеют многие десятки этих орудий. Создается, таким образом, плотность насыщения обороны противотанковыми средствами, достаточная для массового вывода из строя наступающих танков. Скорострельность и бронепробиваемость противотанковых средств непрерывно растут. На смену полуавтоматическим пушкам все больше и больше приходят автоматические пушки.

Атакующие танки ищут помощи в организованной поддержке общевойсковой артиллерии и эту поддержку находят. Но для этой поддержки артиллерия должна обладать мощными гаубицами и должна быть многочисленна. Эти требования осуществляются сейчас почти во всех армиях.

Артиллерия и танки действительно могут обеспечить полный успех атаки при условии достаточно массового их применения. Если пехота, атакующая противника, в период артиллерийской подготовки не может очень близко подойти к противнику, так как ей опасны осколки своих снарядов, то танки не боятся осколков и потому почти вплотную могут подходить к рубежу артиллерийских разрывов. Если отдельные пулеметчики противника и поднимут голову после переноса артиллерийского огня перед атакой, то они будут задавлены танками, не боящимися пулеметного огня. Противотанковых орудий значительно меньше, чем пулеметов, а артиллеристы, даже сумевшие вовремя поднять голову, все же будут уничтожены, так как танки подойдут к ним слишком близко. Танк беспомощен в борьбе с противотанковой пушкой на дистанциях

от трехсот метров и дальше, но на близких дистанциях танк уже хорошо видит и становится опасным даже для противотанкового орудия. Если же учесть, что на одно противотанковое орудие выйдут несколько танков, то соотношение станет еще более выгодным для танков.

Опыт боев в Испании показал, какую гигантскую роль играет в современном бою артиллерия и какое исключительное значение имеет правильная организация взаимодействия различных родов войск.

Рост дальности артиллерии, развитие авиации и танков усложняют современный бой, но и позволяют сделать его еще более уничтожающим.

Рост и качественное усложнение современной военной техники предъявляют громадные требования к качеству бойца, к качеству командира, к качеству управления боем.

Победа социализма в нашей стране, создание первоклассной индустрии обеспечили снабжение Красной Армии вполне современным, мощным вооружением. Работа нашей партии в армии политически воспитывает и закаляет бойцов, превращая войсковые части в непобедимые организации, состоящие из партийных и непартийных большевиков.

БОЕЦ-ЧЕЛОВЕК

Полевой устав 1936 г. подчеркивает, что в первую очередь качество бойца, его любовь к Родине, его верность делу пролетарской революции, его преданность делу партии Ленина обеспечивают победу. «Сложность и напряженность современного боя подяли на огромную высоту роль и значение человека-бойца», — говорится в Уставе. И дальше: «Забота о бойце-человеке составляет первейшую обязанность командира и его прямой долг» (статья 13).

Каждый боец и командир должен стремиться к тому, чтобы уничтожить своего врага в бою.

«Постоянное стремление вступить в бой с врагом с целью его поражения должно лежать в основе воспитания и действий каждого командира и бойца РККА. Без особых на то приказаний противник должен быть смело и стремительно атакован всюду, где он будет обнаружен» (статья 2).

Вместе с тем «к пленному врагу личный состав РККА великодушен и оказывает ему всяческую помощь с целью сохранения его жизни» (статья 13).

Политическую работу в войсковых частях организуют политические органы, и ведут ее все командиры, все начальники, все политработники.

«Политическая работа должна воспитывать в каждом бойце, командире и начальнике высокую воинскую дисциплинированность, смелость и самоотверженность, высокий боевой порыв, ини-

циативу и решительность, непоколебимую стойкость в бою и готовность твердо переносить любые лишения боевой обстановки» (статья 93).

ВНЕЗАПНОСТЬ И БЫСТРОТА

«Внезапность действует ошеломляюще,— говорится в Уставе.— Поэтому все действия войск должны совершаться с величайшей скрытностью и быстротой» (статья 6).

Вместе с тем Устав требует, чтобы части Красной Армии умели ответить молниеносным ударом на всякое внезапное нападение со стороны врага.

Воспитание Красной Армии характеризуется следующими словами Полевого устава: «Войска, умеющие быстро исполнять распоряжения, быстро перегруппировываться в изменившейся обстановке, быстро подниматься с отдыха, быстро совершать походные движения, быстро разворачиваться в боевой порядок и открывать огонь, быстро наступать и преследовать противника, могут всегда рассчитывать на успех» (статья 6).

Внезапность и быстрота в значительной мере обеспечиваются авиацией, подвижными механизированными, кавалерийскими и моторизованными пехотными соединениями.

УПРАВЛЕНИЕ

Сложность современного боя выдвигает с особой остротой вопрос об управлении. С одной стороны, организация артиллерийской поддержки танковой и пехотной атаки, артиллерийское поражение прочных укреплений и прочее требуют элементов централизованного управления боем, а с другой стороны, наступление пехоты в глубине оборонительной полосы также настойчиво требует полной самостоятельности действий самых мелких подразделений пехоты. Таким образом, современное управление боем должно сочетать в себе и необходимую методичность управления сверху, и широкую инициативу подчиненных как бы в помощь управлению снизу...

«...Ясность и четкость поставленной задачи,— говорится в Полевом уставе 1936 г.,— более всего обеспечивают согласованность действий подчиненных частей и всех родов войск. Принятое решение должно твердо и с величайшей энергией проводиться в жизнь, невзирая на изменчивые случайности боевой обстановки».

Наряду с этим, говорит Устав, «в ходе боя неизбежно обнаружатся непредвиденные обстоятельства и неожиданные затруднения. Общевойсковой командир должен разумно воспринимать все новые данные обстановки и принимать немедленно соответствующие меры».

«Огромное значение имеет проявление частной инициативы подчиненных, которые первыми сталкиваются с внезапным измене-

нием боевой обстановки. Всякая разумная инициатива подчиненных должна всемерно поощряться и использоваться командиром для общей цели боя» (статья 11).

Статья 198 Устава развивает эту мысль в отношении проявления инициативы пехотными подразделениями при борьбе в глубине оборонительной полосы противника:

«Каждая образовавшаяся брешь в обороне должна быть немедленно использована для развития удара в глубину. Командиры всех степеней обязаны устремляться в любую брешь, хотя бы это их выводило на новое направление, не соответствующее ранее намеченному. Атаки, даже малыми силами, но направленные во фланг и тыл еще сопротивляющимся частям противника, могут решить участь боя. **При борьбе в глубине наиболее опасно промедление, ожидание распоряжений и равнение по соседям.** Смелость и дерзость дезорганизуют оборону и подрывают силу сопротивления противника. Дело старших командиров принять меры поддержки и развития успеха прорвавшихся вперед отдельных подразделений».

Соединение плановости и методичности с широкой инициативой командиров Устав рекомендует и в условиях встречного боя и в обороне, особенно в том случае, если противнику удалось прорваться за передний край обороны.

Весь Устав проникнут тем положением, что современный бой настолько сложен, а обстановка столь изменчива, что каждый командир всегда должен быть готов принять самостоятельное решение в соответствии с создавшейся обстановкой. Устав требует, чтобы старший командир смотрел на разумно инициативные действия своих подчиненных не как на своевольничание, а как на действия, использующие обстановку, сложившуюся в ходе боя, как на действия, направленные к достижению общего успеха. Поэтому старший начальник должен частную инициативу своих подчиненных умело использовать, обеспечить резервами и поддержать артиллерийским огнем.

Устав подчеркивает, что «**принятое решение проводится в жизнь без колебаний**» и что «**исполнение всякого боевого распоряжения должно быть проверено**».

Статья 105 Устава так характеризует управление:

«**Сущность управления боем** заключается: в тщательной разведке противника, в принятии решения, отвечающего обстановке, в постановке войскам боевых задач и организации их взаимодействия, в своевременном доведении этих задач до исполнителей, в наблюдении за выполнением задач подчиненными войсками, в безотказной и своевременной информации подчиненных и соседей и донесениях начальникам об обстановке, в быстром реагировании на изменения в обстановке, в проявлении частной инициативы, в организации охранения, всех видов связи и работы тыла».

Решающую роль в управлении боем будут иметь слаженная

работа в штабе соединения и сработанность командира с начальником штаба.

«Начальник штаба должен так наладить работу в своем штабе и так соподчинить работу нижестоящих штабов, чтобы передача приказаний, донесений, сводок и прочее выполнялась безотказно и с величайшей точностью» (статья 124).

В вопросе об организации взаимодействия Устав обращает особое внимание на тщательность согласования наступательных или оборонительных задач пехоты с артиллерией и танками на местности, особенно в звене батальон — артиллерийский дивизион — танковая рота. На работу командиров этих подразделений Устав требует выделять достаточное количество светлого времени до начала действий за счет решительного сокращения времени на отдачу приказов в штабах корпуса, дивизии и полка.

Практика показывает, что для того, чтобы атаковать обороняющегося противника, командиру батальона и другим связанным с ним командирам требуется до начала атаки не менее двух — трех часов светлого времени для личной разведки, увязки вопросов взаимодействия и т. п.

Самый метод управления упрощается: составление плановых таблиц и прочей документации согласуется с тем реальным временем, которое имеется в бою.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОДОВ ВОЙСК

Успех действий общевойскового соединения возможен лишь при условии организации бесперебойного взаимодействия родов войск. Пехота, конница и танки должны быть во всех видах боя поддержаны огнем артиллерии. При наступлении огонь артиллерии должен быть особо большой мощности как по калибрам, так и по количеству орудий. Танки, широко представленные в РККА, должны постоянно оказывать поддержку как пехоте, так и коннице. Наконец, должно быть организовано гибкое и надежное взаимодействие между танками и артиллерией.

Авиация должна дать разведывательные данные, прикрыть передвижения своих войск и работу своего тыла, нанести поражение живой силе противника.

Словом, как говорит Полевой устав 1936 г.:

«Необходимо достигнуть взаимодействия всех родов войск, действующих на одном направлении, на всю глубину и согласованности действий частей, действующих на разных направлениях» (статья 4).

Основы взаимодействия, изложенные в Полевом уставе 1936 г., были заложены и в Полевом уставе 1929 г., однако они получили значительное развитие в новом Уставе.

Когда составляли прежний Устав, Красная Армия обладала сравнительно небольшим количеством танков и наступление пехоты непосредственно поддерживалось артиллерийским огнем.

Танки играли лишь вспомогательную роль. В настоящее время танки приобрели совершенно иной удельный вес. Они, как правило, способны осуществить непосредственную поддержку пехоты.

Танки легко рвут и дают колючую проволоку, уничтожают очаги сопротивления противника и увлекают за собой пехоту. Если пехоте опасно близко подходить к рубежам разрывов снарядов поддерживающей ее артиллерии, то танкам это не опасно. Получается такая картина: танки, вплотную приближаясь к линии артиллерийских разрывов и тем самым обеспечивая себя от противотанкового огня противника, дают его пулеметные очаги, а за танками двигается пехота. Организация взаимодействия становится более эффективной, но и значительно более сложной: пехота непосредственно поддерживается подчиненными ей танками, а танки непосредственно поддерживаются артиллерией.

В ходе боя может создаться самая разнообразная обстановка. Например, пехота ведет атаку, которая поддерживается непосредственно танками. В свою очередь артиллерия обеспечивает продвижение танков. Но в динамике боя танки могут натолкнуться на ранее не обнаруженные и не устраненные препятствия. Танки остановились; пехота же в состоянии преодолеть эти препятствия. В таком случае артиллерия должна немедленно переключиться на поддержку пехоты. Отделения связи с пехотой постоянно должны быть в ротах и батальонах, с тем чтобы батареи всегда находились в полной готовности поддержать пехоту.

Вся система кропотливого и тщательного взаимодействия между пехотой, танками и артиллерией детально изложена в Полевом уставе 1936 г. и является важнейшей задачей боевой подготовки частей Красной Армии.

«Во всех случаях атака танками переднего края должна быть обеспечена артиллерийской поддержкой и не допускается без нее как при действиях главных сил, так и разведки» (статья 188).

«Если атакующие танки будут вынуждены задержаться и не смогут обеспечить дальнейшее продвижение пехоты, последняя продолжает наступление при непосредственной поддержке артиллерии. С этой целью вся артиллерия должна быть постоянно готова к непосредственной поддержке связанных с ней пехотных подразделений, используя ОСП¹ и наблюдательные пункты батарей. Связь между пехотой и артиллерией не должна прерываться ни при каких обстоятельствах ни на одну минуту, даже при массовой танковой поддержке» (статья 189).

Полевой устав возлагает на артиллерию решающие задачи: «а) в период артиллерийской подготовки — подавление артиллерии; уничтожение обнаруженных противотанковых средств и подавление районов их вероятного нахождения; разрушение (подавление) НП² и отдельных укреплений, особенно бетонных точек,

¹ Отделение связи с пехотой. — *Ред.*

² Наблюдательный пункт (пост). — *Ред.*

не поддающихся воздействию танков; подавление пулеметной системы на участках, которые не атакуются танками или для их атаки недоступны;

б) во время атаки танков ДД¹ — сопровождение их огнем артиллерии с целью парализовать противотанковые огневые средства противника или резко снизить действительность их огня; подавление вновь обнаруженных батарей противника;

в) в период атаки пехоты с танками ПП² — обеспечение их продвижения путем подавления средств ПТО и пулеметов противника и сопровождение пехоты огнем и колесами на всю глубину наступательного боя до полного разгрома противника» (статья 186).

БОРЬБА ЗА ФЛАНГИ

Новый Полевой устав исключительно большое значение придает обходам. Этому виду боевых действий части должны учиться постоянно. Полевой устав подчеркивает, что в современном бою, в современной обороне, в частности, не будет постоянных, как бы застывших флангов. Обычно фланги являются временным, более или менее скоротечным явлением. Поэтому борьба за фланги требует быстрых действий, внезапных, молниеносных ударов.

Устав требует воспитания в каждом командире и бойце смелости, инициативы и привычки к быстроте действий. Нужно использовать всякое, даже малейшее наличие «временного» фланга противника, для того чтобы молниеносно выйти на пути его отхода. Атака противника со стороны его артиллерийских позиций, со стороны путей его отхода — вот основная установка Полевого устава 1936 г.

ПОРАЖЕНИЕ ПРОТИВНИКА НА ВСЮ ГЛУБИНУ ЕГО БОЕВОГО ПОРЯДКА

Если противник держит свои фланги сомкнутыми и обход их невозможен, надлежит разгромить боевой порядок противника глубоким ударом с фронта.

Технически мы применяем танки для непосредственной поддержки пехоты и для целей дальнего действия.

Наши технические средства борьбы со своей большой дальностью позволяют оказывать воздействие на противника не только непосредственно на линии фронта, но и прорывать расположение противника и атаковать его одновременно во всей глубине его боевого порядка. При действиях с прежними техническими сред-

¹ Танки дальнего действия, которые направлялись в ходе прорыва непосредственно в глубину для подавления артиллерии на ее позициях и выхода на пути отхода противника.— *Ред.*

² Танки поддержки пехоты.— *Ред.*

ствами борьбы нарушался лишь передний край расположения противника, образовывалась впадина в начертании его фронта. Благодаря этому противник имел возможность своевременно подтянуть свои резервы и ликвидировать угрозу прорыва. Современные же средства борьбы позволяют так организовать атаку, что противник одновременно поражается на всю глубину, а его резервы могут быть задержаны в подходе к угрожаемому участку. Сейчас мы располагаем такими средствами, как авиационные и танковые десанты. Полевой устав говорит: «...Противник должен быть скован на всю глубину своего расположения, окружен и уничтожен» (статья 164). «Группы танков ДД имеют задачей прорваться в тыл главных сил обороны, разгромить резервы и штабы, уничтожить основную группировку артиллерии и отрезать главным силам противника пути отхода» (статья 181).

Таким образом, танки дальнего действия, поддержанные огнем артиллерии, согласно требованиям нового Полевого устава, должны пройти сквозь фронт противника и захватить пути его отхода. В этом заключается основное отличие Полевого устава 1936 г. от Полевого устава 1929 г.

Прежде чем сбить противника с фронта, нужно овладеть его путями отхода. Очень важно вместе с танками дальнего действия выбросить и пехотный десант в транспортерах. Однако когда общевойсковой командир не в состоянии выбросить пехотный десант, то один лишь выход танков в глубину обороны противника, безусловно, воспрепятствует противнику совершить планомерный отход. Тем временем пехота с танками непосредственной поддержки атакует противника по всему фронту. Конечно, не исключена возможность, что часть живой силы противника, пользуясь складками местности, лесами, кустарниками, сможет ускользнуть, но большая часть его живой силы и его материальная часть должны остаться на поле сражения, то есть в руках атакующего.

Группа танков дальнего действия прорывает фронт противника, отрезает пути его отхода, громит его штабы, тыловые учреждения, рвет линейную связь. Но группа танков дальнего действия может натолкнуться на значительные препятствия. Она может встретиться с противодействием большого количества противотанковых орудий. Поэтому если не организовать мощной артиллерийской поддержки, то танки могут понести огромные потери.

Как обеспечить успешное продвижение танков дальнего действия сквозь фронт, когда у противника нет открытых флангов? В этих случаях применяется артиллерийский огонь двух видов: подвижный заградительный и осуществляемый методом последовательных сосредоточений.

Быстрота продвижения заградительного огня зависит от средней скорости, которая может быть достигнута танками на данной местности, и от количества имеющейся артиллерии. Если допустить слишком быстрое продвижение танков, то они могут оказаться в ходе боя слабо защищенными. Если же дать слишком малое про-

движение, то не будут использованы все их возможности. Следовательно, здесь требуется правильный расчет и хорошая организация наступления в целом.

Поддержанные артиллерийским огнем, танки дальнего действия устремляются на пути отступления противника как при обходе его флангов, так и при прорыве фронта.

Изложенные выше требования нового Полевого устава в отношении одновременного поражения противника на всю глубину его боевого порядка, проверенные на практической работе наших войск, находят свое отражение и в новом французском полевом уставе¹. Этот последний вводит понятие о двух группах танков: «сопровождения» и «общего маневра».

Танки общего маневра соответствуют нашим танкам дальнего действия. Так же, как и у нас, эти танки идут впереди танков сопровождения и поддерживаются мощным артиллерийским огнем.

Все больше подтверждается возросшая мощь современных танков и их стремление к уничтожению боевого порядка противника на всю его глубину.

ВСТРЕЧНЫЙ БОЙ

Что касается встречного боя, то новый Устав развивает требования, имевшиеся в Полевом уставе 1929 г. Используя все виды разведки, в первую очередь авиационную разведку, общевойсковой командир должен нащупать систему походного порядка противника. Конечно, полностью это ему не всегда удастся сделать. Но важно определить хотя бы отдельные элементы походного порядка противника, с тем чтобы иметь возможность установить, где двигаются главные его силы.

Имея такие сведения, общевойсковой командир должен так использовать свою авиацию, механизированные части, все свои технические средства и войсковые соединения, чтобы одни колонны противника задержать, а на другие навалиться всеми своими силами. Нужно уничтожить противника по частям. Необходимо выбрать объект для первого удара с таким расчетом, чтобы противник сразу же потерял устойчивость своего походного порядка и не мог выполнить намеченного плана.

Наличие большого количества танков позволяет наносить удары противнику во встречном бою более решительно. Танки нападают на авангард противника, быстро его ликвидируют и готовятся для действий против главных сил.

Определяя направление главного удара, командир должен тщательно учитывать характер местности, стремясь отбрасывать противника в невыгодный для него район, с тем чтобы в дальнейшем легче было завершить его окружение и полное уничтожение.

¹ Instruction sur l'emploi tactique des grandes unités. Charles — Lavouzell et C—ie, 1937.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ БОЙ

В вопросах обороны старый Полевой устав исходил из того положения, что главная сила противника при наступлении — это его пехота и артиллерия. Теперь картина совершенно иная. На сегодня все армии имеют могущественную танковую силу и быстро ее развивают. В связи с этим вопросы противотанковой борьбы являются основными и вместе с тем наиболее трудными при организации обороны. Полевой устав 1936 г. указывает, что всякая современная оборона должна быть прежде всего противотанковой. Этому условию должен быть подчинен и выбор переднего края обороны. Желателен выбор переднего края вдоль труднопреодолимых препятствий для танков. В самой глубине необходимо создавать противотанковые районы, широко используя искусственные и естественные препятствия. В этих противотанковых районах должны находиться орудия противотанковой артиллерии и определенная часть пулеметных средств для отделения наступающей пехоты противника от поддерживающих ее танков.

По сравнению с Уставом 1929 г. Полевой устав 1936 г. дает новую методику организации переднего края обороны. Раньше Устав предлагал избирать передний край, выставляя боевое охранение равномерно по всему фронту, — параллельно переднему краю. Получался своего рода шаблон. Противник мог знать, что, если он встретил передовые части, значит, это боевое охранение, которое не будет особенно сопротивляться, а отойдет. Противник легко мог узнать на основании расположения охранения, где находится передний край, а имея сведения о начертании переднего края, он легко мог организовать артиллерийскую подготовку, взаимодействие танков с артиллерией и пехотой.

Новый Полевой устав выдвигает такой метод выбора переднего края, который бы вводил противника в заблуждение и не допускал наличия легко определяемой линии. Передний край должен проходить и по передним и по обратным скатам. Новый Полевой устав требует, чтобы боевое охранение не выставлялось равномерно по всему фронту. На некоторых участках разрешается вовсе не иметь охранения, на других рекомендуется создавать ложные отрезки обороны, на которых охранение должно оказать противнику сильное сопротивление при поддержке артиллерийского и пулеметного огня. Каждый командир обязан принимать все меры к тому, чтобы всячески затруднить противнику отыскание нашего переднего края.

Задача скрыть передний край, скрыть глубину обороны, скрыть противотанковые районы является одним из новых требований Полевого устава 1936 г. Современные противотанковые средства очень могущественны, и если противник не сумеет их своевременно уничтожить, то потери танков будут исключительно велики. Но, конечно, картина будет совершенно иная, если противотанковые орудия будут обнаружены противником. Поэтому искусство командира, организующего оборону, заключается в том,

чтобы так расположить свои противотанковые средства и так укрыть их от огня противника, чтобы они могли при подходе танков противника внезапно обрушиться на них всей мощью своего огня. При всех возможностях командир должен иметь в своем распоряжении подвижные резервы противотанковых орудий, с тем чтобы своевременно выбрасывать их в направлении появления танков противника. Противник, ворвавшийся в оборонительное расположение части, должен быть разбит контратакой ударных групп, поддержанных танками.

ОРГАНИЗАЦИЯ ТЫЛА

Современный бой, богато оснащенный техническими средствами борьбы, требует большого расхода огнеприпасов, горючего и других видов материального снабжения. Поэтому вопросам организации тыла Полевой устав 1936 г. уделяет очень большое внимание: «Современные боевые и технические средства ставят тылы и материальные базы боевого питания войск под постоянную угрозу воздействия со стороны противника. Непрерывная забота об организации тыла, его самообороне и обороне являются неперемным условием достижения победы над врагом. Тыл должен по требованию командира полностью обеспечивать боевое питание войск в любых условиях обстановки» (статья 17). В деле организации тыла Полевой устав большое внимание уделяет использованию автомобильного транспорта.

МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Каждый командир во всех условиях обстановки обязан принять меры к тому, чтобы предохранить себя от внезапного нападения противника. Поэтому Полевой устав большое место отводит всем вопросам боевого обеспечения: охранению, разведке, противовоздушной, противохимической и противотанковой обороне. Полевой устав 1936 г. дает целый ряд новых положений о том, как организуется сеть постов наблюдения, оповещения и связи, чего не было в Полевом уставе 1929 г. Понятно, что это вызвано развитием воздушных сил. Служба боевого обеспечения должна вестись непрерывно.

В настоящей статье затронуты лишь основные вопросы боя, основные тактические положения нового Полевого устава. Помимо того, Полевой устав дает указания по организации боя на речных рубежах, ночью, зимой, в различных особых условиях обстановки. Большое внимание уделяет Полевой устав вопросам автомобильных перебросок войск. В Полевом уставе имеются обширные и практические указания о задачах в современном бою радиосвязи и других видов связи, инженерного дела и работы всех других специальных войск. Новый Полевой устав является документом огромной важности, определяющим дальнейшие успехи боевой выучки Красной Армии и организующим ее упорную работу над поднятием своей боеспособности.

СПИСОК

опубликованных трудов М. Н. ТУХАЧЕВСКОГО

1. Батальон в наступлении. «Военный вестник», 1936, № 9, стр. 1—6.
2. Боевая подготовка войск округа. Из доклада комвойсками ЛВО тов. Тухачевского на партконференции ЛВО. «Красная звезда», 1929, 15 января, № 12.
3. Боевой организатор обороны страны. К 50-летию Г. К. Орджоникидзе. «Красная звезда», 1936, 28 октября, № 249.
4. Бой пехоты. Смоленск, изд. РВС Западного фронта, 1923, 34 стр.
5. Борьба за Белоруссию. «Красная звезда», 1935, 11 июля, № 158.
6. Борьба с контрреволюционными восстаниями. «Война и революция», 1926, № 7, стр. 3—17; № 8, стр. 3—15; № 9, стр. 3—16.
7. Буржуазия об армии пролетариата. «Правда», 1928, 23 февраля, № 46.
8. Взвод — батарея. «Красная звезда», 1924, 9 сентября, № 204.
9. Военкор и тактическое совершенство частей. Речь комвойсками ЛВО тов. Тухачевского на вечере центральной «Красной звезды». «Красная звезда» ЛВО, 1929, 7 апреля, № 78.
10. Военная техника и организация армий. «Красная звезда», 1935, 23 февраля, № 45.
11. Военные планы нынешней Германии. Ленинград, 1935, 20 стр.
12. Военные планы нынешней Германии. «Военный вестник», 1935, № 4, стр. 6—10.
13. Война. Сборник Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе, 1926, кн. 1, стр. 3—15.
14. Война как проблема вооруженной борьбы. БСЭ, 1928, т. 12, стлб. 576—598.
15. Война классов. Статьи 1919—1920 гг. Смоленск, Госиздат, 1921, 140 стр.
16. Война клопов. Отклик на доклад Петина «Маневр как основной стимул стратегии и тактики», «Революция и война», 1923, № 22, стр. 187—189.
17. Вопросы высшего командования. М., Воениздат, 1924, 16 стр.
18. Вопросы организации армии. «Правда», 1935, 23 февраля, № 53.
19. Вопросы организации и тактики пехоты. «Выстрел», 1925, № 2, стр. 7—17.
20. Вопросы современной стратегии. М., Изд-во «Военный вестник», 1926, 20 стр.
21. Вопросы управления. «Война и революция», 1932, кн. 7, стр. 1—6.
22. Границы нашей Родины неприступны. Речь на 2-й сессии ЦИК СССР. Воронеж, Облиздат, 1936, 24 стр.; «Красная звезда», 1936, 16 января, № 13.
23. Действие и противодействие. «Революция и война», 1923, кн. 19, стр. 69—77.
24. Доклад о боевой подготовке на VII окружной партийной конференции ЛВО. «Красная звезда» ЛВО, 1929, 11 января, № 8.
25. Достигнутую мобильность помножим на уставную четкость. Из доклада комвойсками ЛВО тов. Тухачевского на совещании высшего состава ЛВО. «Красная звезда» ЛВО, 1929, 11 октября, № 233.
26. Друг Красной Армии. О боевой работе В. В. Куйбышева на фронтах гражданской войны. «Правда», 1936, 25 января, № 24; «Красная звезда», 1936, 26 января, № 20.

27. Задачи обороны СССР. М., Партиздат, 1936, 15 стр.
28. Задачи общевойсковой подготовки. «Война и революция», 1927, кн. 10—11, приложение, стр. I—XIII.
29. Задачи призыва. «Красная звезда», 1924, 13 мая, № 106.
30. Заключительное слово тов. Тухачевского на VII окружной партконференции ЛВО. «Красная звезда» ЛВО, 1929, 13 января, № 10.
31. Из военно-научных работ М. И. Тухачевского. Высказывания. «Красная звезда», 1962, 24 марта, № 71.
32. Из уроков гражданской войны. «Правда», 1928, 23 февраля, № 46.
33. Инвалидное дело. Рецензия на журнал «Военное дело». «Революция и война», 1920, № 1, стр. 101—103.
34. Инженерное соразмерение операции. «Революция и война», 1920, № 2, стр. 39—54.
35. Искоренение бандитизма. «Революция и война», 1922, № 16, стр. 40—47.
36. Итоги дискуссии. О реальной пехоте. «Красная звезда», 1924, 26 августа, № 192.
37. К маневрам. «Военный вестник», 1927, № 30, стр. 1—4.
38. К съезду ВНО. «Военная мысль и революция», 1924, кн. 6, стр. 204—206.
39. К юбилею Первой армии. В кн.: Симбирская губерния в 1918—1920 гг. Сборник воспоминаний. Ульяновск, Кн. изд-во, 1958, стр. 23—25.
40. Комплексная школа. «Военный вестник», 1925, № 27, стр. 4—8.
41. Консервативная стратегия. Предисловие к переводу книги английского генерала Морриса «Стратегия». «Красная звезда», 1931, 7 августа, № 215.
42. Красная Армия и милиция. М., изд. Политупр. РВС Зап. фронта, 1921, 23 стр.
43. Красная Армия на 6-м году революции. «Красная присяга», 1923, № 18.
44. Курган—Омск. В сб.: «Борьба за Урал и Сибирь». ГИЗ, 1926, стр. 74—88.
45. Ленинское в терсистеме. «Красная звезда», 1926, 21 января, № 17.
46. Лучший памятник. «Красная звезда», 1926, 22 июля, № 166.
47. Маневр и артиллерия. М., изд. Высш. военред. совета, 1924, 42 стр.
48. Машинизация пехоты. К дискуссии в Совете по подготовке РККА. «Военный вестник», 1924, № 29, стр. 4—7.
49. Методика подготовки Красной Армии. «Военный вестник», 1921, № 7, стр. 9—14.
50. Модные заблуждения. «Революция и война», 1923, № 21, стр. 66—76.
51. Мощь Красной Армии непреодолима. Речь на VII съезде Советов СССР. Л., 1935, 16 стр.; «Правда», 1935, 31 января, № 30; Саратов, Гос. изд-во, 1935, 32 стр.
52. На базе достигнутого — к новым задачам. Из доклада на совещании высшего начсостава ЛВО. «Красная звезда», 1929, 13 октября, № 237.
53. На Восточном фронте. «Красная звезда», 1935, 16 января, № 14.
54. На фронте социалистической рационализации. «Красная звезда», 1929, 8 сентября, № 207.
55. Наступление батальона. «Военный вестник», 1936, № 7, стр. 1—11.
56. Наступление батальона. Задача 1—2. М., 1936, 19 стр.; «Красная звезда», 1936, 28 июня, № 147.
57. Наши учебно-тактические задачи. М.—Л., Госиздат, 1929, 80 стр.
58. Новая винтовка. В порядке постановки вопроса. «Красная звезда», 1925, 12 апреля, № 84.
59. Новые вопросы войны. «Военно-исторический журнал», 1962, № 2, стр. 62—77.
60. Новые силы. «Красная Армия», 1921, № 3—4, стр. 3—5.
61. Новые учебные задачи. «Война и революция», 1929, кн. 11, стр. 3—20.
62. О новой артиллерии. Краткое изложение доклада. «Военный вестник», 1924, № 2, стр. 67—68.
63. О новом Полевом уставе РККА. «Красная звезда», 1937, 6 мая, № 103.
64. О пехоте. Сборник статей. Смоленск, изд. ВНО, 1923, 60 стр.

65. О реальной пехоте. Еще несколько слов. «Красная звезда», 1924, 24 июля, № 166; 21 августа, № 188.
66. О стратегических взглядах проф. Свечина. В кн.: Против реакционных теорий на военно-научном фронте. М., Госвоениздат, 1931, стр. 3—16.
67. О тактике авиации. «Военная наука и революция», 1921, № 1, стр. 87—94.
68. О характере современных войн в свете решений VI конгресса Коминтерна. Доклад на заседании военной секции при Комакадемии 16.12 1929. В кн.: Записки Коммунистической академии. Т. 1, М., 1930, стр. 6—29.
69. Об анτισнабженцах. «Красная звезда», 1925, 5 июля, № 151.
70. Об обороне. «Революция и война», 1923, № 24, стр. 53—56.
71. Оборона и наступление пехоты. «Выстрел», 1925, № 1, стр. 7—14.
72. Обучение взаимодействию. «Война и революция», 1926, № 6, стр. 3—9.
73. Общевоинсковая подготовка. «Красная звезда», 1927, 1 января, № 1.
74. Общие сборы. «Война и революция», 1928, кн. 4, стр. 3—14.
75. Объяснительная записка к новой Полевой службе штабов. «Красная звезда», 1926, 17 августа, № 187.
76. Объяснительная записка ко 2-й части Полевого устава РККА, 1925. В кн.: Временный полевой устав. Ч. 2. Дивизия, корпус. 1926, стр. 3—21.
77. Оперативное искусство и учение о войне. Из доклада главрука военных академий по стратегии, командующего ЗВО тов. Тухачевского. «Красная звезда», 1925, 21 октября, № 240.
78. Организация боевой подготовки. «Красная звезда», 1929, 22 декабря, № 295.
79. Памятка красноармейцу на маневрах. Изд. 3, исправл. и доп. М., Воениздат, 1931, 32 стр.
80. Первая армия в 1918 г. Воспоминания. «Революция и война», 1921, № 4—5, стр. 190—208.
81. Подготовка железнодорожных войск. «Красная звезда», 1924, 20 декабря, № 290.
82. Полевая служба штабов. Объяснительная записка к недавно изданному штабом РККА под тем же заголовком наставлению. «Красная звезда», 1926, 17 августа, № 187.
83. Полевой устав 1929 года. «Красная звезда», 1929, 18 июля, № 162.
84. Политика и стратегия в гражданской войне. «Революционный фронт», 1920, № 2, стр. 14—16.
85. Популяризация военных знаний. «Военный вестник», 1925, № 1, стр. 23—25.
86. Поход за Вислу. Лекции, прочитанные на дополнительном курсе Военной академии РККА, 7—10 февраля 1923 г. Смоленск, 1923, 54 стр.
87. Предисловие к книге Г. Дельбрюка «История военного искусства в рамках политической истории». Т. 4. Новое время. М., Госиздат, 1930, стр. III—XVI.
88. Предисловие к книге Дж. Фуллера «Реформация войны». Перевод с английского. М., Госвоениздат, 1931, 86 стр.
89. Прохождение службы командным составом. «Военный вестник», 1924, № 21, стр. 5—6.
90. Пути обучения. «Красная звезда», 1927, 10 июля, № 154.
91. Распространение военной литературы. «Красная звезда», 1925, 14 января, № 11.
92. Растет техническая мысль Красной Армии. Речь на XVII съезде ВКП(б). «Правда», 1934, 9 февраля, № 39.
93. Реальная пехота. «Красная звезда», 1924, 15 июля, № 158. Заключительное слово на дискуссии. «Красная звезда», 1924, 20 июля, № 163; 24 июля, № 166.
94. Революция извне. «Революция и война», 1920, № 3, стр. 45—54.
95. Реформа в Красной Армии. Беседа с помощником начальника штаба РККА М. И. Тухачевским. «Красная звезда», 1924, 5 апреля, № 78.
96. Реформа, которой требует жизнь. «Красная звезда», 1929, 8 марта, № 56.
97. Речь на 2-й сессии ЦИК СССР VII созыва. «Правда», 1936, 16 января, № 16; «Красная звезда», 1936, 16 января, № 13.

98. Речь на выпуске Военной академии им. М. В. Фрунзе. «Красная звезда», 1929, 20 июня, № 139.
99. Речь на Первом всесоюзном слете стахановцев воздушных сил РККА. «Красная звезда», 1936, 1 марта, № 50.
100. Речь тов. Тухачевского на VII съезде Советов СССР. 1935, 27 стр. «Правда», 1935, 31 января, № 30.
101. РККА и СССР. «Красная звезда», 1926, 23 февраля, № 44.
102. Сближение. «Революция и война», 1923, № 24, стр. 65.
103. Сближение и развертывание батальона. «Красная звезда», 1929, 25 апреля, № 95.
104. Славный командарм. На смерть С. С. Каменева. «Красная звезда», 1936, 27 августа, № 197.
105. Современный полк. «Военная мысль и революция», 1924, № 5, стр. 39—49.
106. Статистика в гражданской войне. «Революция и война», 1920, № 1, стр. 33—47.
107. Сторожевое охранение. «Революция и война», 1923, № 23, стр. 37—40.
108. Стратегия национальная и классовая. Лекция, читанная в Академии Красного Генерального штаба 24 декабря 1919 года. Ростов-на-Дону, изд. Отд. штаба Кав. фронта, 1920, 19 стр.
109. Стратегия организации. «Военный вестник», 1924, № 28, стр. 26—30.
110. Стык. «Военный вестник», 1921, № 8, стр. 5—7.
111. Съезд ВНО. «Красная звезда», 1924, 17 августа, № 185.
112. Тактика авиации «Военная наука и революция», 1921, кн. 1, стр. 87—95.
113. Тактика и обучение. «Военный вестник», 1923, № 24, стр. 8—21; № 25, стр. 3—13.
114. Тактика и обучение. Пехота. Изд. 2, переработанное в соответствии с Боевым уставом пехоты, ч. II, изд. 1927 г. М., изд-во «Военный вестник», 1927, 120 стр.
115. Теория в практике. (Из блокнота руководителя маневров). «Красная звезда», 1928, 13 сентября, № 214.
116. Укрепленные районы. «Революционный фронт», 1920, № 1, стр. 6—7.
117. Управление армией и фронтом. Доклад на заседании ВНО Военной академии РККА 3 апреля 1922 г. Краткое изложение. «Военный вестник», 1922, № 8, стр. 46—47.
118. Управление. Из неопубликованных рукописей. «Красная звезда», 1962, 15 февраля, № 39.
119. Учение, а не экзамен. «Красная звезда», 1926, 16 сентября, № 213.
120. Фрунзе — стратег. «Красная звезда», 1926, 31 октября, № 252.
121. Что говорит комвойсками ЛВО тов. Тухачевский. О маневрах 11-й дивизии. «Красная звезда» ЛВО, 1929, 28 февраля, № 47.
122. Что мы ожидаем от «Войны и революции». «Война и революция», 1929, № 12, стр. 3—8.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	<i>Стр.</i>
Война как проблема вооруженной борьбы	3
Из уроков гражданской войны	24
Буржуазия об армии пролетариата	28
Общие сборы	34
Новые учебные задачи	46
На базе достигнутого — к новым задачам	65
Наши учебно-тактические задачи	72
Организация боевой подготовки	109
Предисловие к книге Г. Дельбрюка «История военного искусства в рамках политической истории»	116
Предисловие к книге Дж. Фуллера «Реформация войны»	147
Консервативная стратегия	157
Подготовка новой войны против СССР	165
Новые вопросы войны	180
Вопросы управления	199
О развитии форм управления	206
Характер пограничных операций	212
На Восточном фронте	222
Боевое искусство	229
Военные планы нынешней Германии	233
Борьба за Белоруссию	240
О новом Полевом уставе РККА	245
Приложение	260

Михаил Николаевич Тухачевский

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

том II (1928—1937 гг.)

М., Воениздат, 1964, 264с

Редактор полковник запаса В. Б. Кузнецов

Художник Л. Д. Грибков

Технический редактор М. П. Зудина

Корректор Т. П. Крошкина

Сдано в набор 6.2.64 г.

Г-16105

Подписано к печати 14.5.64 г.

Формат бумаги 60×90¹/₁₆—16¹/₂ печ. л. — 16,5 усл. печ. л. — 17,818 уч.-изд. л.

Тираж 12 500 ТП 64 г. № 97

Изд. № 2/5749

Зак. № 1068

2-я типография Военного издательства Министерства обороны СССР
Ленинград, Д-65, Дворцовая пл., 10

Цена 1 р. 09 к.

